

Дорони́на Наталья Ивановна

ДЕРИВАЦИОННЫЕ АССОЦИАЦИИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

|

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	2
Введение	3
Глава 1. Экспериментально-лексикографическое описание деривационного функционирования слов русского языка	17
§ 1. Деривационная лексикография русского языка	17
§ 2. "Деривационно-ассоциативный словарь"	20
§ 2.1. Экспериментальная основа "Деривационно-ассоциативного словаря"	20
§ 2.2. Теоретические принципы "Деривационно-ассоциативного словаря"	26
§ 2.3. Специфика деривационных ассоциаций	39
<i>Выводы по 1 главе</i>	<i>42</i>
Глава 2. Функционально-системная обусловленность реализации деривационного потенциала слова	43
§ 1. Способы изучения условий реализации деривационного потенциала слова	43
§ 2. Позиционная структура деривационных контекстов и реализация деривационного потенциала слова	43
§ 3. Грамматические параметры деривационного контекста и реализация деривационного потенциала слова	58
§ 3.1. Зависимость деривационного потенциала слова от грамматической заданности деривата (по роду и числу)	59
§ 3.2. Зависимость деривационного потенциала слова от сочетаемостных свойств деривата	66
<i>Выводы по 2 главе</i>	<i>74</i>
Глава 3. Обусловленность реализации деривационного потенциала слова системой лексикона	76
§ 1. Параметры системы лексикона	76
§ 2. Зависимость деривационного потенциала слова от его частотных параметров в системе лексикона	77
§ 3. Структура деривационно-ассоциативного поля	88

3.1. Зависимость ДП слова от его стилистической окраски

Заключение

Удалено: и

Удалено: 2.1. Зависимость деривационного потенциала слова от гармонической структуры контекста¶
 2.2. Зависимость деривационного потенциала слова от грамматических параметров контекста¶
 2.2.1. Зависимость деривационного потенциала слова от грамматической заданности деривата (по роду и числу)¶
 2.2.2. Зависимость деривационного потенциала слова от сочетаемостных свойств деривата¶
 ¶
 Глава 3. Зависимость ДП слова от его частотно-стилистических параметров¶
 3.0. Частотно-стилистические параметры слова¶
 <#>Зависимость ДП слова от его частотности (употребительности)¶

Удалено: Глава 4. Зависимость деривационного потенциала слова от его онтологических свойств **ДОКАЖИТЕ!**¶
 <#>Членимость слова и его деривационный потенциал¶
 <#>Мотивированность слова и его деривационный потенциал¶

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП – ассоциативное поле

В.п. – винительный падеж

ДАП – деривационно-ассоциативное поле

ДАС - "Деривационно-ассоциативный словарь"

Удалено:

ДП – деривационный потенциал

ДК - деривационный контекст

ДАЭ - деривационно-ассоциативный эксперимент

Удалено: ¶

Ж.р. – женский род

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

М.р. – мужской род

НСВ - несовершенный вид

НСВ-н – непереходный глагол несовершенного вида

НСВ-п – переходный глагол несовершенного вида

РАС - Русский ассоциативный словарь. Книга 1, 2. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I, II. М., 1994.

Р.п. – родительный падеж

СА - семантические ассоциации

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

СВ - совершенный вид

СВ-н – непереходный глагол совершенного вида

СВ-п – переходный глагол совершенного вида

СОВ - Словарь образных выражений русского языка / ред. В.Н. Телия. М., 1995.

Ср.р. – средний род

ФСА – формально-семантические ассоциации

ЧС – частотный словарь

ВВЕДЕНИЕ

Объектом настоящего исследования является деривационное функционирование слова, предполагающее реализацию способности слова к речевой производимости и способности слова к детерминации производимых слов. **Предметом** исследования – потенциал деривационного функционирования слова как источника мотивации-деривации других лексических единиц.

Материалом исследования послужили результаты деривационно-ассоциативного эксперимента на восполнение текстовой лакуны. Основу эксперимента составили 222 слова, выступившие в качестве 302 стимулов в 85 (вместе с вариантами) деривационных контекстах. В общей сумме получено около 33,5 тысяч реакций. Собранный материал позволяет рассматривать отмеченную проблему в двух взаимосвязанных аспектах: 1) *лексикографическом* (упорядочение собранного материала и создание Деривационно-ассоциативного словаря слов русского языка) и 2) *теоретическом* (выработка методики анализа материала для наблюдения и выявления особенностей деривационного функционирования слова и определения способов и параметров измерения ДП слова).

Теоретическую основу работы составляют идеи о динамической природе языка, мысль о которой была высказана еще В. фон Гумбольдтом: "Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). ... Каждый язык заключается в акте его порождения" [Гумбольдт, 1984, с.70]. В отечественной лингвистике эта идея получила развитие в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ ("В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с.349]), А.А. Потебни, В.Н. Волошинова ("Язык ... непрерывный поток становления" [Волошинов, 1995, с.200]), М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева ("Язык есть сплошная подвижность и творческая текучесть" [Лосев, 1989, с.11]). В настоящее время над ней работают в рамках энергетической теории языка [Рашишвили, 1967; 1984], дериватологии [Мурзин, 1984], деривационной лексикологии [Голев, 1989, 1995, 1998], где язык представляется как "беспрерывный процесс, постоянная деятельность общения, выражения и оформления мысли в языковых формах" [Мурзин, 1984, с.9]. Многогранность динамики языка проявляется в том, что язык в целом находится в отношении деривации к

объективной действительности и в то же время является источником и результатом речевой деривации: деривации текстовой и лексической, причем последняя наиболее органична именно в русле первой. Таким образом, создается общезыковое "поле деривационности, которое формируется на основе регулярных деривационных процессов, от которых неотделимы и процессы лексической деривации" [Голев, 1995, с. 129].

Объективно процесс *деривации*, понимаемый как "процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе данных, принимаемых за исходные" [ЛЭС, 1990, с.129], является одним из основных процессов, обеспечивающих существование и функционирование языка, и носит глобальный характер как для языка в целом, так и для его элементов. Так, деривационные процессы охватывают все уровни языковой системы. В конечном счете, иерархические отношения (один из основных типов отношений, наряду с синтагматическими и парадигматическими, существующих между единицами языка), описываемые как отношения между единицами соседних уровней, "которые можно определить в терминах `состоит из...' или `входит в...'" [Солнцев, 1971, с.82], с формальной точки зрения являются деривационными и наиболее последовательно обнаруживаются в речевой цепи [там же, с.173-175].

Глобальность деривационных процессов для языка очевидна. В связи с этим следует определить место *лексической деривации*. Существует весьма распространенное мнение о лексической **деривации / словообразовании** (с ономаσιологических позиций) "как системе моделирования вторичных единиц номинации со статусом слова, обеспечивающих нормальное создание и *функционирование* этих единиц" [Кубрякова, 1984, с.13]. Но роль лексической деривации может и не ограничиваться служением целям номинации. Для языка номинация не самоцель, а средство выполнения своих базовых функций: коммуникативной и когнитивной, прежде всего, а также эмоциональной и металингвистической [Слюсарева, 1979]. Очевидно, и лексическая деривация является таким же средством выполнения базовых функций языка, как и номинация. "Функции лингвистических единиц обусловлены функциями языка как знаковой системы и продукта речевой деятельности, однако они не только "повторяют", "дублируют" языковые функции, но и реализуют собственные, специфические функции" [Швед, 1985, 62]. При этом функции языка и функции единиц языка не противопоставлены, а напротив, взаимосвязаны и взаимодействуют в пределах высказывания/текста.

При различных видах функционирования слова (системном и речевом) изменяется иерархия функций. В языке главенствующее положение занимает номинативная функция, но "при реализации системы словообразования в речи происходит сдвиг в иерархии ее общезыковых функций: на передний план выдвигается коммуникативная функция. В связи с этим происходит превращение производного слова-наименования в производное слово-компонент высказывания" [Швед, 1985, с.63].

С позиций широкого понимания деривации (см. выше...), предполагающем в гносеолого-семиотическом аспекте номинация "есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт" [Уфимцева и др., 1977, с.10]. Таким образом, с позиции языковой системы, номинативные процессы направлены на выполнение когнитивной функции языка, что касается деривационных речевых процессов, то они осуществляют непосредственно коммуникативное преобразование имеющейся и поступающей в систему информации в соответствии с языковыми возможностями и характером целевой установки использования этой информации. Иначе говоря, и номинация и деривация выполняют функции языка, другое дело, что в виду специфики этих процессов выполняемые функции имеют несколько различающуюся иерархию, что не исключает, а напротив, предполагает содействие номинативных и деривационных процессов в области существования и успешного функционирования языка. В связи с вышесказанным заметим, что лексическая деривация достаточно важный механизм в системе прочих механизмов номинации, но лишь один из них; в свою очередь номинация не единственная область приложения лексической деривации.

Вопрос о функционировании слова как единицы словообразования так или иначе затрагивается практически во всех работах, изучающих эту область лингвистики. Однако понятие "функция" многоаспектно (функция как потенциал, как процесс - реализация потенциала - и как результат [Бондарко, 1984, с. 26-31]). И эта многоаспектность отражается в виде дифференциации аспектов изучения слова в рамках словообразовательных дисциплин.

Традиционное словообразование, понимаемое как "учение о путях образования новых слов и материальных средствах" [Кубрякова, 1972, 344] делает акцент на результативности, то есть слово рассматривается как результат словообразовательных актов.

Зачастую это приводит к смещению фокуса изучения слова на его словообразовательную структуру, которая реконструируется в отвлеченных и максимально обобщенных моделях, таких, например, как способ словообразования, словообразовательный тип и т.п. Результаты такого рода исследований закреплены в школьных и вузовских учебниках, академических изданиях (типа РГ-70; РГ-80, с.133-452) и т.п.

Собственно "потенциальный" аспект словообразования рассматривается либо как способность мотивировать словообразовательные гнезда, либо как способность порождать новообразования. Многочисленные исследования в этом направлении (обзор см.: [Попова, 1996, 68-69]) носят практически экстенсивный характер: по отработанным методикам анализируются различные пласты лексики и их участие в словообразовательных процессах. По сути дела, "потенциальный" аспект словообразования отличается от "результативного" лишь направлением анализа: первый, перспективный, - от производящего, второй, ретроспективный, - от производного (по терминологии Лопатина [1974, с. 47-60]). Источники для наблюдения у них аналогичные, в основном лексикографические, в которых слово дается вырванным из контекста своего функционирования. Однако этих данных достаточно для изучения системно-структурного (парадигматического) плана слова как единицы лексического уровня виртуальной языковой системы.

Попытки определенным образом динамизировать статическую модель словообразования проявляются в работах, изучающих семантику производного слова, пути ее формирования [Улуханов, 1977; Лопатин, 1977; Янценецкая, 1979; Блинова, 1984; Кубрякова, 1965] и функционирования в речевых произведениях [Кубрякова, 1981; Земская, 1987; 1990; 1992; Виноградова, 1984]. Тем не менее, даже "процессуальный" аспект традиционного словообразования является в своей основе "дифференциально-уровневым и моносистемным" [Бондарко, 1987, с. 14], поскольку анализируются существенные свойства слова как субстанциональной единицы, даже в ее функциональной среде (речи).

Динамическая природа лексической деривации в принципе неотделима от динамических процессов, протекающих в языке и речи, чей функциональный синтез проявляется непосредственно в *тексте* [Лосев, 1989, с.14]. Под текстом мы понимаем любое речевое произведение, направленное на выполнение некоторого коммуникативного задания. С точки зрения языка, текст "своего рода полигон, где протекает жизнь как

языка в целом, так и всех его компонентов" [Мурзин, 1987, с.71]. С точки зрения речи, текст выглядит как самостоятельная функциональная система - "комплекс таких избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата" [Анохин, 1978, с.72].

Функциональный подход в языкознании предполагает изучение языковых единиц не с точки зрения их самоценного функционирования в речи, а с точки зрения того, как они участвуют в выполнении коммуникативного задания в рамках функциональной системы. Поэтому в рамках функционального подхода предполагается рассматривать деривацию слова как часть деривации высказывания (и шире - текста).

Деривационное функционирование слова представляется как реализация в речи его деривационного потенциала (ДП), то есть способности быть источником или средством деривации других слов (не одних только новообразований) или лексико-семантических вариантов слова и способности выступать объектом деривации (производства) [Голев, 1989, с.151]. В связи с этим в рамках функционального подхода возможны как минимум два аспекта изучения ДП слова: функционально-речевой (то есть рассмотрение ДП слова с точки зрения его реализации в речи) и функционально-системный (то есть рассмотрение ДП слова с точки зрения его системной обусловленности). **В настоящей реализуются оба аспекта: выясняется степень влияния системной обусловленности слова на его деривационное функционирование в речи.**

Как уже отмечалось выше, деривация слова является частью деривации текста. Включаясь в процесс деривации текста слово становится и целью и средством достижения цели в выполнении коммуникативного задания. Не?едко текст как система интегрирует деривационные (и другие, в том числе номинативные) свойства слова и включает его в себя как элемент, необходимый для выражения своего глобального смысла. В этом случае ДП слова не актуализируется, остается самоценным. Но это нисколько не исключает возможностей его актуализации в других текстах, когда деривация текста предполагает с достаточной степенью вероятности включение механизма лексической деривации, причем речь идет не только о деривации новообразований. Практически каждое слово способно в определенных условиях актуализировать свой ДП и стать источником или объектом деривации. Как отмечал еще В. фон Гумбольдт, "словарный запас ... представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся

продукт словообразовательной потенции" [Гумбольдт, 1984, с.112]. Однако, что вполне естественно, новообразования более очевидны для избирательного внимания лингвистов, а их естественная немногочисленность на общем фоне "нормальных" словоупотреблений позволяет считать лексико-деривационные процессы обслуживающими лишь небольшую область речевой деятельности [Русакова, 1984; Русакова, Русаков, 1985]. **Ошибочность** такого категоричного подхода уже отмечалась в ряде работ [Голев, 1989]. Исследования показывают, что даже употребление "готовых" слов не является актом автоматического заполнения некой абстрактной схемы высказывания/текста. Текст - "величина" динамическая, создаваемая. [Мурзин, Штерн, 1991].

С гносеологической точки зрения, процесс деривации текста - это своего рода процесс знакотворчества. Другими словами, говорящий создает знак (репрезентант) некоего фрагмента действительности, при этом содержание текста является означаемым знака, а языковой материал - означающим. В момент речи только денотат (фрагмент действительности) обладает известной долей стабильности, текст же создается. Динамика текста (операционально) складывается из динамики его "макроозначаемого" и "макроозначающего" [Голев, 1995]. "Макроозначаемое" текста, "смысловой континуум, поток" расщепляется на части и объединяет эти части в соответствии с логикой денотата и коммуникативным заданием [там же]. Процесс формирования "микроозначаемого" рассматривался Е.Г. Гусар [1994, 1998]. Исследование показало, что в текстах разного типа (оценочных и неоценочных) наблюдается общность процессов создания означаемого лексической единицы: при многомерном воздействии самых различных факторов (субъективных и объективных) ведущая роль принадлежит именно семантическим - глобальный смысл высказывания ("макроозначаемое") проецируется на означаемое лексической единицы. В связи с этим можно предположить, что и создание означающего лексической единицы формируется под воздействием "макроозначающего" динамически разворачивающегося текста.

Немногочисленные материалы, фиксирующие акты реальной неподготовленной речи [Разговорная речь, 1972], не позволяют в полной мере проследить процессы текстовой и лексической деривации и тем более исследовать лексико-деривационные способности личности. Создавшуюся лауну могли бы восполнить ассоциативные словари (см. об этом [Улуханов, 1992]), **однако те, что уже имеются (САНРЯ, РАС) репрезентируют языковую способность личности как "занимающую положение между текстом и**

системой и воплощающую язык в его *предречевой* (курсив наш. - И.Д.) готовности, соединенный с его носителем" [Караулов, Коробова, 1993, с.161] и являются моделью сознания человека [РАС, кн.1, с.7]. Соответственно, ассоциативные словари лишь косвенно отражают способность личности порождать тексты.

Таким образом, в современном словообразовании и дериватологии накоплен значительный теоретический материал, при котором еще острее ощущается необходимость перевода теоретических наблюдений над отдельными случаями словоупотребления на уровень анализа сплошных масс речевого материала.

Таким образом, **актуальность** обращения к проблеме деривационного функционирования слова в теоретическом и лексикографическом аспектах определяется рядом факторов:

а) относительной ограниченностью словообразовательного уровня языка, практически уже изученного с точки зрения системно-статического аспекта, но не получившего в должной мере динамического освещения;

б) интересом к функционированию единиц языковой системы и верификацией системных параметров на речевом материале;

в) стремлением объяснить уже описанные закономерности языковой системы;

г) обращением к носителю языка, в связи с чем особое значение приобретает лингвистический эксперимент;

д) расширяющейся лексикографической практикой, стремящейся не только раздвинуть границы сбора материала, но и выработать адекватный ему метаязыковой аппарат описания и систематизации;

е) отсутствием и необходимостью нового словаря, основанного на массовом эксперименте с носителями языка и отражающего способность языковой личности порождать дериваты различной степени сложности (от слова до текста);

ж) становлением новых дисциплин, таких как лингвосинергетика, дериватология и др., обращающихся к сфере функциональной организации и направленности языковых единиц.

В связи с этими факторами в рамках деривационной наблюдается тенденция динамизации традиционного объекта словообразования, стремление связать его с речевой

деятельностью, перенести акцент с части (структуры) на целое (слово) и выявить содержание не только на уровне семантики, но и формы.

В настоящей работе осуществляется попытка построения динамической модели процесса деривационного функционирования слова. "Динамика связана с причинным аспектом изменений" [Кубрякова, 1980, с. 255], последние детерминируются средой существования и функционирования элемента, в данном случае - слова. Средой существования слова является, с одной стороны, лексическая система языка, определяющая место элемента в системе и наделяющая его значимостью, ценностью относительно других элементов (Ф. де Соссюр), с другой стороны – индивидуальная лексическая система личности, лексикон, также налагающая на слово определенные "обязательства". Средой функционирования слова является система текста, в составе которой слово способствует выполнению коммуникативного задания. Можно предположить, что каждая из этих систем накладывает свой отпечаток на деривационный потенциал слова и по-своему детерминирует характер его деривационного функционирования. А поскольку в результате подобной детерминации "потенции структуры вещей переходят в соответствующие свойства, в специфический способ их движения" [Парнюк, 1975, с. 27], то именно по характеру функционирования можно судить о степени и форме влияния системных факторов на свойства вещи.

Таким образом, **цель работы** заключается в изучении влияния системных факторов на реализацию деривационного потенциала слова в процессе его речевого функционирования.

Для **достижения** поставленной цели предполагается решить следующие конкретно-исследовательские **задачи**:

- 1) разработка теоретических принципов и способа организации словаря нового типа – "Деривационно-ассоциативного словаря";
- 2) проведение деривационно-ассоциативного эксперимента на заполнение текстовой лакуны на значительном лексическом и деривационно-контекстуальном материале; **одновременно**
- 3) выявление основных параметров варьирования деривационных контекстов, способствующих наиболее успешной реализации деривационного потенциала слов; **одновременно**

4) выявление структуры деривационно-ассоциативного поля, моделью которого является словарная статья;

5) проведение на материале "Деривационно-ассоциативного словаря" теоретического исследования особенностей деривационного функционирования слова;

6) определение способов и параметров измерения деривационного потенциала слова;

7) выявление факторов, влияющих на реализацию ДП слова.

Научная новизна работы обусловлена, тем, что

- в-шестых, впервые в качестве основного лексикографического источника используется деривационно-ассоциативный эксперимент; создана методика систематизации материала деривационно-ассоциативного эксперимента и организации на его основе "Деривационно-ассоциативного словаря";

- в-четвертых, определяется характер влияния некоторых аспектов структурной и грамматической организации текста на деривационное функционирование слова;

- определяется характер влияния некоторых характеристик слова на деривационное функционирование слова

- во-первых, выявляется характер организации лексикона, аналогичный природным и некоторым лингвистическим объектам, в частности тексту; в связи с этим, выявляется структура деривационно-ассоциативного поля;

Удалено: ¶

- во-вторых, определяются деривационно активные зоны лексикона;

- в-пятых, определяется характер связи деривационного функционирования слова и его системно-языковых свойств (мотивированности и членимости);

- в-седьмых, возможности "Деривационно-ассоциативного словаря" позволяют изучать деривационное функционирование слова как элемент порождаемого текста, то есть с точки зрения общих закономерностей речевой деривации.

- в-восьмых, собранный материал позволяет изучать языковую способность личности в плане производства и воспроизводства языковых единиц.

Кроме того, в работе впервые определяется место лексической деривации в речи, выясняются условия включения ее механизмов. Выявленные закономерности деривационного функционирования слова могут быть использованы в уточнении представления о реальных связях и отношениях, существующих между лексическими единицами в системе языка, и прояснить роль лексических единиц в процессах порождения речи.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как родного и как иностранного, в теоретических курсах "Лексикология", "Словообразование", "Морфология", "Синтаксис текста", "Общее языкознание", "Стилистика", "Культура речи" и других, а также в спецкурсах и спецсеминарах по указанным дисциплинам. Кроме того, материалы "Деривационно-ассоциативного словаря" могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей различных типов: нормативных, толковых, фразеологических и т.д, а также при изучении норм (словообразовательных, словоизменительных, орфоэпических и др.) современного русского языка и путей их формирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Механизмы лексической деривации **включены в общую языковую способность как ее необходимый компонент**, они действуют постоянно и их актуализация наиболее продуктивно происходит в деривационных контекстах.

2. Деривация слов (узусных и окказиональных) - следствие не только динамики содержания текста, но и его формы.

3. Деривационный потенциал - интологическое свойство слова, реализующееся в условиях речевой деятельности. Деривационный потенциал может быть по измерен специальной методике.

4. Способом измерения деривационного потенциала слова является изменение условий его функционирования.

5. Реализация деривационного потенциала зависит как от условий функционирования (текст, его структурные и грамматические параметры), так и от его позиции в системе лексикона и системно-языковых свойств (мотивированность, членимость).

Удалено: . Ч

б. На основе деривационных отношений складывается особый вид поля - деривационно-ассоциативное поле, образующееся в результате **деривационного** функционирования лексических единиц в условиях речи.

Методы исследования. В настоящей работе основным методом исследования является метод лингвистического *эксперимента*. Он использовался при сборе материала и изменении условий функционирования лексических единиц. С ним коррелирует метод *моделирования*, использовавшийся при конструировании некоторых деривационных контекстов по аналогии с уже существующими, а также при создании модели деривационно-ассоциативного поля. Одним из ведущих методов при характеристике результатов был *формально-статистический* метод и метод *описательный*. Для оценки достоверности полученных результатов использовались метод ранговой корреляции Спирмена и критерий углового преобразования Фишера.□

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и трех приложений. Структура работы отражает ход экспериментального исследования от разработки методики проведения деривационно-ассоциативного эксперимента и сбора материала к его систематизации (1 глава), а также развитие деривационного потенциала слова от его речевого функционирования (2 глава) к существованию в системе лексикона человека (3 глава) и к его внутренним свойствам, обусловленным системой языка (4 глава). **От лексикографии (+материала) к теории**

Приложения отражают структуру Деривационно-ассоциативного словаря: 1 приложение – список словника; 2 приложение – список деривационных контекстов с вариантами; 3 приложение – словарные статьи в порядке алфавитного следования слов-стимулов, в состав которых входит непосредственно слово-стимул, деривационными контекстами, в котором оно предлагались в ходе деривационно-ассоциативного эксперимента, список деривационных ассоциаций, организованный по частотно-алфавитному принципу, и статистическая справка о качестве и количестве ассоциаций.

Апробация работы. Основные положения исследования излагались в виде докладов на международных научных конференциях "Культура и текст" (Барнаул, 1996); "Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты" (Бийск, 1998); всероссийской научной конференции "Человек - Коммуникация - Текст" (Барнаул, 1996); межвузовских научных конференциях "Ауманизация учебно-воспитательного процесса" (Бийск, 1997), "Интерпретация художественного текста" (Бийск, 1997, 1998), а также на заседаниях семинара молодых ученых и аспирантов кафедры русского языка Бийского государственного педагогического института.

Материалы "Деривационно-ассоциативного словаря" были использованы Г.Г. Москальчук в монографии "Структурная организация и самоорганизация текста" (Барнаул, 1998) и докторской диссертации "Структура текста как синергетический процесс" (Барнаул, 1999).

Результаты исследования были опубликованы **в следующих работах:**

1. Деривационный потенциал слова и его текстовая реализация // Актуальные психолого-педагогические проблемы образования. Бийск, 1997. С. 229 - 234.

2. О статусе деривационных ассоциаций слов в языке и речи // Гуманизация учебно-воспитательного процесса. Бийск, 1997. С. 166 - 168.

3. О структурной динамике текста в деривационно-ассоциативном эксперименте // Интерпретация художественного текста. Бийск, 1997. С. 83 - 85.

4. Общие закономерности организации некоторых языковых систем // Культура и текст. Выпуск II. Лингвистика. Часть II. Барнаул, 1997. С. 7-16 (В соавторстве с Г.Г. Москальчук)

5. К вопросу о планировании лингвистического эксперимента// Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск, 1998. С.118 - 128. (В соавторстве с Г.Г. Москальчук)

6. О проекте «Словаря деривационных ассоциаций слов русского языка» // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. В 2-х томах. Бийск, 1998. Т.2. С. 290 - 295.

7. Тестовые возможности деривационных контекстов на занятиях по немецкому языку // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. В 2-х томах. Бийск, 1998. Т.2. С. 295 - 298. (В соавторстве с Е.А. Коржневой).

8. Оценка экспериментальных данных с учетом особенностей структуры текста // Интерпретация художественного текста. Бийск, 1998. С.38 - 40 (В соавторстве с Г.Г. Москальчук).

ГЛАВА 1

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДЕРИВАЦИОННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Деривационная лексикография русского языка

Чаще всего создание теории (в том числе и лингвистической) начинается с наблюдения над материалом. Традиционное словообразование черпает свой материал либо из уже имеющихся лексикографических источников, либо из текстов (или картотек). Наибольшее применение имеют первые ввиду их доступности и исчерпывающего характера. В текстах лингвистов обычно привлекают новообразования. Однако такой материал не дает полного представления ни о реальном функционировании языка и его единиц, ни, разумеется, о языковой способности личности.

В современной лингвистике существует не так много словарей, описывающих деривационные структуры слов русского языка. С одной стороны, это словообразовательные словари, с другой - мотивационные. Особое место в этом ряду занимает гнездовой словарь, реализованный в первых томах "Словаря современного русского литературного языка" (М.; Л., 1948 – 1965, т. 1 – 17). В нем приводятся сведения о родственных словах с тем же корнем, что и у заглавного, но различными аффиксами. Ни корень, ни аффиксы специально не отмечаются. Кроме того, некоторые слова, имеющие сложную аффиксальную структуру, оказывались во главе гнезда. Такие особенности расположения лексического материала не отражают адекватно ни словообразовательную, ни морфемную структуру слова. Однако, следует отметить, что таким образом была сделана первая попытка отразить эпидигматические связи слов русского языка.

Под названием "Словообразовательный словарь" в русской лексикографии имеется три словаря: 1) Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964; 2) Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. М., 1978, 1999; 3) Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985.

Первый словарь (автор Потиха З.А.) по своей сути является морфемным: слова представлены в нем расчлененными на морфемы, словообразовательные связи отсут-

вуют, что дает весьма приблизительное представление о подлинных словообразовательных отношениях, существующих в системе языка. Словари А.Н.Тихонова являются собственно словообразовательными. Построенные по гнездовому принципу, они отражают структурно-парадигматические отношения единиц словообразовательной системы языка. "Словообразовательный словарь" (в отличие от "Школьного словообразовательного словаря" того же автора), дает практически полный перечень слов, вступающих в словообразовательные отношения друг с другом. Гнездовое расположение лексических единиц позволяет учитывать, как отмечает А.Н.Тихонов, "все словообразовательные связи однокоренных слов: с одной стороны, устанавливается, на базе какого однокоренного слова оно создано; с другой стороны, выявляется, какие родственные слова образованы от него" [Тихонов, 1985, т.1, с.3]. Перечень слов ограничивается узкой лексикой, источником которой являются другие словари [см.: там же, с.8-9]. Перспективное направление анализа (от непроизводного слова ко всем возможным производным по градуальному принципу) демонстрирует потенциальные возможности слов русского языка образовывать другие слова и вступать с ними в отношения словообразовательной мотивации.

В числе словообразовательных словарей следует отметить еще один: Мейеров В.Ф., Шкляров В.Т. «Русское слово в составе словообразовательного гнезда (Методическое пособие для учителей русского языка)» [1979]. Данный словарь имеет двухчастную структуру: первая часть представляет собой собственно словообразовательный словарь, построенный по гнездовому принципу (280 гнезд) и описывающий только словообразовательные гнезда имен существительных русского языка; вторая часть – морфемный словарь, включающий производные члены словообразовательных гнезд, описанных в первой части. Основное назначение словаря, как формулируют его авторы, "прояснить содержание и процедуру членения слов" [Мейеров, Шкляров, 1979, с. 3].

В целом, словообразовательные словари отражают системно-статическую картину словообразовательного уровня системы русского языка. Для них, точнее для собственно словообразовательных лексикографических изданий, характерно перспективное направление анализа, демонстрирующее потенциальные способности слов русского языка образовывать другие слова и вступать с ними в мотивационные отношения.

Ретроспективный принцип исследования словообразовательных отношений положен в основу "Мотивационного диалектного словаря" под редакцией О.И. Блиновой [1982]. Анализ производится от мотивированного (производного) к мотивирующему (производящему). Основой для выявления направления ремотивации служат речевые контексты, в которых носители говора объясняют мотивационные корни, употребляемых слов. В отличие от нормативного характера словообразовательных словарей, отражающих словообразовательную парадигматику, "Мотивационный диалектный словарь" отражает эпидигматику [Блинова, 1986] системы языка, то есть формально-семантические ассоциации слов [Шмелев, 1971] в плане семантики, мотивации и структурных (словообразовательных) аналогий.

При различии подходов, легших в основу при создании словарей, у них имеется много общего. Так, эти словари так или иначе фиксируют структуру словообразовательного уровня системы языка и лишь имплицитно языковую способность говорящего как среднестатистического носителя языка.

Обращение к человеку говорящему как источнику мотивационных рефлексий наблюдается в "Мотивационно-ассоциативном словаре" О.Н. Пересыпкиной [Пересыпкина, 1998]. На основе направленного ассоциативного эксперимента она исследует мотивационный потенциал слова. В словарной статье отражаются разные типы ассоциаций: формальные, семантические и формально-семантические. Словарь демонстрирует, что не только семантика, но и форма способна мотивировать слова. Кроме того, материалы словаря позволяют судить о том, что языковое сознание стремится обнаружить внутреннюю форму практически у каждого слова. Можно предположить, что выявленная тенденция универсальна и реализации мотивационных отношений в речи происходит не только на уровне семантики, но и формы и/или формы и семантики.

Итак, на сегодняшний день в лингвистике ощущается необходимость нового словаря, основанного на массовом эксперименте с носителями языка, демонстрирующего не только системно-статический план деривации, но и данные языкового сознания, и реализацию деривационных отношений в условиях речи. Эту лакуну мог бы восполнить экспериментальный материал, на отсутствие которого лингвисты сетуют уже давно (см.: [Улуханов, 1992, с. 77]), тем более, что уже имеется солидная теоретическая база, позволяющая не только его собрать, но и систематизировать.

В рамках настоящей работы предполагается создание такого словаря - Деривационно-ассоциативного словаря русского языка - на небольшом материале, отражающем не только системные отношения слова с точки зрения его словообразовательной структуры, но и способность говорящего производить в речи лексические единицы, как новые, так и уже наличествующие в словаре. Основу данного словаря составляют данные деривационно-ассоциативного эксперимента (ДАЭ).

§ 2. "Деривационно-ассоциативный словарь"

§ 2.1. Экспериментальная основа "Деривационно-ассоциативного словаря"

Изучение деривационного потенциала (АП) лексических единиц в современной лингвистике строится в основном на материале двух источников: литературных (или данных картотек) и лексикографических (разного рода словари). Принципиально новым источником изучения ДП слов является лингвистический эксперимент. Используя определение Ю.Д.Апресяна, можно сказать, что лингвистический эксперимент "имеет двойное назначение. Во-первых, результаты эксперимента, наряду с текстовыми и другими данными, являются основанием для выводов о природе рассматриваемых фактов и для соответствующих лексикографических решений. Во-вторых, они определяют характер нормативных указаний о правилах употребления" лексических средств языка, в том числе дериватов [Апресян, 1995, с.21].

Для экспериментального изучения ДП лексических единиц была разработана специальная методика - деривационно-ассоциативный эксперимент (ДАЭ), - автором которой является Н.Д.Голев [Голев, 1989; 1994; 1995 и др.]. Данная методика уже была апробирована в ряде работ Н.Д.Голева, Е.Г.Гусар [1994; 1995], Е.Г.Толкуновой [1994], но в качестве основного лексикографического источника используется впервые.

Планирование эксперимента предполагало 1) постановку цели, 2) подготовку тестов и 3) выявление варьируемых в эксперименте параметров, так как ДАЭ был многоэтапным.

Как уже отмечалось, ДАЭ проводился с целью изучения деривационного функционирования слова.

Первый этап исследования проводился с целью сбора материала и носил экстенсивный характер. Основу ААЭ составили деривационные контексты (АК) (см. Приложение 2), "которые в силу наличия у них определенных семантических, синтаксических и прагматических свойств, обладают способностью включать механизмы лексической деривации" [Голев, 1994, с.83]. Включение механизма ЛД обусловливается наличием лакуны в ДК, которую и требуется восполнить с голоса экспериментатора ловом или выражением, наиболее подходящим по смыслу, первым пришедшим на ум.

В качестве стимула в ДАЭ выступал, с одной стороны, ДК, с другой стороны, конкретное слово, которое ставилось в позицию актуального деривационного фокуса ДК (определялся исходя из субъективной оценки экспериментатора), детерминирующего аход слова-реакции как варианта заполнения имеющейся лакуны. Такое восполнение лакуны становится возможным в силу ряда факторов, и в первую очередь, структурно-семантических свойств самого ДК, являющегося по своей сути самостоятельным речевым высказыванием, поэтому для него свойственна смысловая завершенность (то есть целостное "отражение наличной действительности" [Жинкин, 1982, с.131]) при наличии структурной неполноты, вызванной намеренным пропуском лексической единицы. Роль лакуны заключается в стимулировании деривационно-ассоциативных реакций, способствующих восполнению ДК и приданию ему завершенности. Другим важным свойством ДК является инкорпоративный характер его структурно-семантической организации, то есть "каждая последующая конструкция создается на основе предыдущей и включает ее в себя" [Гусар, 1994, с.93].

Отмеченные свойства ДК сближают его с другими речевыми произведениями, в частности с типовыми контекстами, "представляющими собой инвариантную семантическую структуру" и являющимися "категориальной базой для реализации лексических значений слов" [Агамджанова, Кевиша, 1986, с.5]. Такой контекст отражает экстралингвистическую типовую реальную ситуацию, что "создает возможность опускать слова в высказывании без ущерба для передачи смысла" [там же, с.7]. Контекст также способен восполнять пропуск в незаконченном высказывании, актуализируя всю "совокупность разноуровневых средств (морфологических, синтаксических, лексических)" [Агамджанова, 1989, с.6], имеющихся у него в распоряжении.

Контекст определяет два уровня восполнения лакуны в незаконченном высказывании: однозначное и варьированное [Агамджанова, Кевиша, 1986, с.7]. Характер вос-

становления пропуска определяется степенью точности отражения контекстом ситуации и степенью представления говорящим этой ситуации.

При отражении денотативной ситуации контексту свойственно неоднократное варьированное повторение семантических признаков этой ситуации (итеративность) в языковом материале, "что обусловлено системной организацией языка и обеспечивает однозначность и надежность выражения и передачи мысли" [Агамджанова, 1982, с.3]. Данное свойство в неменьшей мере свойственно и ДК, и проявляется оно в "растянутости" макроозначаемого ДК и микроозначаемых отдельных его компонентов [Голев, 1995, с.29].

Отмеченные свойства ДК (смысловая целостность, инкорпоративность и итеративность) отражают его семантические особенности и характеризуют практически все ДК. Но, безусловно, ДК обладают и структурными особенностями. Последние индивидуальны и могут варьироваться от контекста к контексту. В их числе выделяются: 1) семантико-синтаксическое место детерминирующего фокуса; 2) семантико-синтаксическое место лакуны; 3) наличие вспомогательных дейктических указателей.

В процессе непосредственного функционирования ДК выступает как целостная система, "состоящая из элементов, находящихся во взаимных отношениях" [Солнцев, 1971, с.11]. Более того, ДК, как и всякое речевое произведение, можно считать функциональной системой (ФС), поскольку он представляет собой "комплекс таких избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата" [Анохин, 1978, с.72]. Программируемый результат для языковой системы - функция, реализуемая непосредственно в процессе речи. Способ реализации функции избирается в соответствии с целью, поставленной перед системой. В ФС результат господствует над системой в целом и над каждым ее элементом, в случае необходимости результат актуализирует потенции всей системы и каждого ее элемента и "благодаря обратной афферентации имеет возможность реорганизовать систему, создавая такую форму взаимодействия между ее компонентами, которая является наиболее благоприятной для получения именно запрограммированного результата" [там же].

Таким образом, функциональные свойства ДК заключаются в его целевом назначении: актуализировать имеющийся потенциал и восстановить элиминированную

единицу, по которой можно было бы определить характер деривационного функционирования лексических единиц.

Удалено: ЛЕ

Ряд требований предъявлялся и слову-стимулу в ДК. Оно должно быть смысловым фокусом ДК, то есть его замена меняла бы смысл ДК, а его отсутствие лишало бы ДК смысла вообще. Для каждого ДК слова-стимулы подбирались индивидуально. Большинство ДК имеет не одно слово, выступающее в качестве стимула. Главным принципом отбора слов-стимулов стал парадигматический принцип, то есть они должны были принадлежать к одному семантическому классу слов одной части речи, под которым понимается "лексическое поле парадигматического типа, представляющее собой более или менее сложную группировку, члены которой связаны общим смыслом" [Васильев, 1990, 126]. Это требование обусловлено стремлением сохранения максимально возможного тождества ДК на разных этапах проведения ДАЭ как на уровне семантическом, так и синтактико-грамматическом. Другой принцип отбора - принцип разнообразия, то есть слова-стимулы должны были обладать разными онтологическими свойствами (стилистической окраской, степенью мотивированности, членимости и т.п.), чтобы выявить основополагающие факторы (как системно-языковые, так и функционально-речевые), определяющие деривационное функционирование слова.

Отбор слов-стимулов на первом этапе ограничивался той лексикой, которая изначально находилась в ДК, взятых либо из художественных текстов, либо "подслушанных" в реальной речи. На последующих этапах в качестве слов-стимулов выступали слова, синонимичные данным, синонимы отбирались из "Словаря синонимов" [1968], подбирались экспериментатором на основе собственного языкового опыта или были взяты из числа уже полученных реакций на данное слово-стимул.

Один из принципиально важных этапов подготовки и планирования ДАЭ предполагал организацию стимульного материала в анкеты. В разных ассоциативных экспериментах тестовый материал составляет от 10 до 100 стимулов [например, РАС]. Однако специфика ДАЭ не позволяла перегружать анкеты. На первых этапах ДАЭ анкеты включали 18-20 ДК, выступавших в качестве стимулов. Позже количество стимулов в анкете сократилось до 14, поскольку опыт показал, что реципиенты устают и отвлекаются. А всего было создано около 30 вариантов анкет. Главный принцип при их формировании - отсутствие однотипных ДК (определялось интуитивно) и повторяющихся ЛЕ,

над которыми велось наблюдение. Таким образом, должно было максимально сократиться взаимовлияние ДК друг на друга в процессе ДАЭ.

Данный эксперимент проводился с аудиторией разного возраста, разных профессий и разного социального статуса, поскольку целью эксперимента было изучение лексико-деривационных механизмов, свойственных всем носителям русского языка. К реципиентам предъявлялись лишь следующие требования:

1) участником эксперимента мог быть любой взрослый носитель языка с уже сложившейся языковой способностью, не имеющий нарушений речемыслительного аппарата;

2) в количественном отношении аудитория обычно составляла 10 - 60 человек. Это позволяло контролировать количество реакций на одну анкету.

В экспериментальных лингвистических исследованиях отсутствует четко выделенное понятие количественной нормы, достаточной для достоверности результатов. В отдельных работах нижний количественный предел варьируется от нескольких единиц до десятков. В настоящей работе этот предел был установлен в количестве 100 анкет и, соответственно, 100 реакций, при этом качество реакций не учитывалось. Те анкеты, чье количество не соответствовало нижнему пределу, в ДАС не вошли. Верхний предел не ограничивался, но обычно не превышал 200. Это позволяло, с одной стороны, составить картину деривационного функционирования слова и, с другой, "не утонуть" в материале.

И наконец, одно из важных и наиболее жестких требований к ДАЭ заключалось в установлении параметров варьирования ДК. Таких параметров было избрано три:

1) лексико-семантический (то есть при варьировании ДК, контекстной мене, должно было всякий раз меняться только одно слово-стимул, причем принадлежащее тому же семантическому классу, что и исходное). Например:

А к нам обещали прислать *автомобилистов* (*водителей, иашинистов¹, трактористов¹*), наверное, думают, что у нас тут для них много ...

2) грамматический (при варьировании ДК изменялся только один грамматический параметр: род, число и т.п.). Например:

44а. Каков *паровоз*, таков и ...

44б. Каков *паровоз*, такова и ...

44в. Каков *паровоз*, таково и ...

44г. Каков *паровоз*, таковы и ...

3) позиционный (при варьировании ДК изменялась только позиция слова-стимула с точки зрения его места в гармонической структуре ДК как текста). Например:

10а На то он и *босс*, чтобы ...

10б На то и *босс* он, чтобы ...

10в *Босс* на то он и есть, чтобы ...

Принципиальный выбор именно этих параметров варьирования ДК (из бесконечно возможного числа) обусловлен общими и специальными задачами исследования. Так, выбор лексико-семантического параметра варьирования ДК позволяет изучить деривационное функционирование лексических единиц самого разного типа и выявить общие и частные закономерности реализации ДП у этих слов. Грамматический и позиционный параметры варьирования характеризуют среду, оказывающую влияние на реализацию ДП лексических единиц, а следовательно, позволяют рассматривать характер этого влияния. Кроме того, данные параметры характеризуются рядом обязательных свойств, обеспечивающих достоверность исследования. Во-первых, важностью и обязательностью каждого из свойств для системы, к которой принадлежит данная единица. Во-вторых, отвечают требованию сопоставимости результатов, в силу чего весь экспериментальный лексический и контекстный материал должен быть сопоставимым. В-третьих, - требованию к конкретности и исчислимости параметра варьирования и исследования, что, как правило, зафиксировано в различных словарях или имеет достаточно простую и надежную процедуру обнаружения.

ДАЭ проводился в несколько этапов. На каждом этапе представлялась только одна анкета в данной аудитории. Возможность повторного проведения ДАЭ в той же аудитории исключалась, поскольку предыдущие одноструктурные ДК могли влиять на последующие реакции.

ДАЭ проводился с голоса экспериментатора, то есть стимулы предъявлялись в устном виде, что позволяло контролировать время проведения эксперимента.

Аудитории предлагалось восполнить лакуну в ДК словом, наиболее подходящим по смыслу, первым пришедшим на ум. В качестве компромисса разрешалось рядом на-

писать другое, более точное, с точки зрения реципиента. Такие "дописки" малочисленны и в дальнейшем не учитывались.

Каждый ДК зачитывался 2 - 3 раза, что позволяло его достаточно адекватно воспринять.

Удалено: ¶

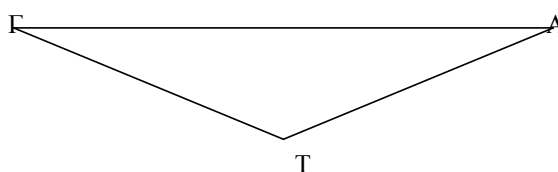
§ 2.2. Теоретические принципы "Деривационно-ассоциативного словаря"

В основу ДАС положены следующие теоретические принципы, обусловившие сбор, систематизацию и описание словарных материалов: 1) активность, 2) процессуальность и 3) системность.

Активность. В структуре речевого акта традиционно выделяются три компонента: говорящий, слушающий (адресат), текст (Схема 1.1). Иначе говоря, речь "предполагает наличие говорящего ("отправителя"), слушателя ("получателя") и предмета, о котором идет речь [Трубецкой, 1960, с. 7].

В данной структуре говорящий и слушающий, как показывают исследования [Мурзин, Штерн, 99], являются активными участниками речевого акта, а текст продуктом их деятельности. В процессе ДАЭ реципиент выступает одновременно и как субъект говорящий и как субъект слушающий. Функция реципиента как субъекта слушающего является первичной, поскольку он сначала воспринимает звучащий ДК; функция реципиента как субъекта говорящего, соответственно, является вторичной. Однако ввиду экспериментальных условий доминантная роль принадлежит вторичной функции реципиента как субъекта говорящего. Именно его реплики служат результатами ДАЭ, поэтому от активности говорящего зависит успешность эксперимента.

Схема 1.2
Структура речевого акта
[Кибрик, 1992, с. 290]

где Г - говорящий, А - адресат (слушающий), Т - текст.

Активность говорящего проявляется в количественных и качественных характеристиках реакций, отраженных в словарных статьях. Количественные характеристики

демонстрируют цифровые индексы, указывающие на частотность употребления данного слова-реакции на каждый конкретный стимул, что также отражает относительную активность ассоциата в речевой практике говорящего. Качественные характеристики складываются 1) из типологии ассоциаций (ФСА или СА); 2) из разнообразия (общее количество ДА, количество разных ассоциаций и количество единичных ассоциаций) [Караулов, Коробова, 1993]; 3) из структурных особенностей ассоциаций (одно слово, словосочетание, более сложная синтаксическая конструкция); 4) из семантических особенностей ассоциатов, проявляющихся в индивидуальности актуализации смысла ДК на основе своего языкового и жизненного опыта (реализация основного или факультативного семантического компонента высказывания).

Принцип активности, понимание которого было описано выше, позволяет ограничить количество реципиентов (в данном случае - 100) и охват "стимульного" материала, поскольку перед исследованием не ставилась задача отражения массового сознания носителей языка в определенный период времени, характера используемой лексики и ее активности в речевой деятельности и т.п. По этой причине социальный статус реципиентов не принимался во внимание, так как языковые механизмы всеобщие и не действуют избирательно по отношению к говорящим. Ообор стимулов происходил не по принципу частоты их встречаемости в речи (см. напр., РАС-1), а по принципу их взаимозаменяемости в структуре ДК

Если перечисленные аспекты найдут отражение в ДАС, то это послужит лишь подтверждением успешности методики проводимого ДАЭ.

Процессуальность. Основной задачей в проведении эксперимента было изучение основных языковых процессов, действующих в речевых актах, в частности, в актах деривации текста. Точнее, перед исследователем стоял вопрос: какое место занимает лексическая деривация в процессе деривации текста? Поэтому принцип процессуальности отражается: а) в характере проводимого эксперимента, б) в способе размещения и в) в аспектах анализа материала.

а) Процессуальность ДАЭ проявляется в методике его проведения. Каждый ДК воспринимается с голоса экспериментатора, что, как предполагалось, моделирует акты реальной речевой деятельности, ее принципиальную диалогичность [Волошинов, 1995, 205-206], где "реплики собеседников чередуются, как правило, довольно быстро и продолжают одна другую" [Девкин, 1981, 5]. Другая сторона, свойственная речи, - отсутст-

вие времени на обдумывание ответа и поиск слова, адекватно, с точки зрения говорящего, отражающего мысль [Кубрякова, 1986, 265], в ДАЭ проявляется в требовании вставить слово, первым пришедшее на ум. Такой способ моделирования речевого акта позволяет выявить реальные механизмы, действующие а языке и речи.

б) Принцип процессуальности определил способ размещения материала в ДАС: за заглавным словом-стимулом следует ДК именно в том виде, в котором он был представлен в ДАЭ. Слово-стимул дается в составе ДК не в словарной форме, а как словоформа, согласованная с другими лексическими единицами.

Процессуальность также проявляется и в порядке следования деривационных ассоциаций анутри словарной статьи - от максимума к минимуму, по степени "угасания" частоты встречаемости. Соответственно и деривационные ассоциации ааются именно в той форме (грамматической и, если есть необходимость, орфографической), в какой они зафиксированы в анкетах реципиентов.

в) Всякий раз при анализе имеющегося материала производится учет динамики развертываающегося текста. Текст принимается не как данность, а как процесс, направленность еоторого определяется в момент речи. Текст (ДК) расценивается как ФС, целенаправленно стремящаяся достичь определенного результата, а именно: быть завершенной, то есть заполнить лауну словом. Подход к ДК как в ФС помог адекватно объяснить многие реакции, как бы выпадающие из общего фона и вроде бы не согласующиеся грамматически и семантически с данными контекста. Так, появление дублирующих слов в другой форме, чем дана в ДК, можно объяснить как действие принципа обратной афферентации [Анохин, 1978, 72], ведущего к перестройке системы в процессе ее функционирования, поскольку говорящий ввиду линейности и необратимости звучащего текста вынужден либо следовать за ним, либо исправлять его на ходу. (Например, ДК: Он весь свет *ненавидит*. И откуда взялась в нем эта ... ДА: *эта ненависть*).

Таким образом, принцип процессуальности является необходимым условием для адекватного решения поставленной задачи.

Принцип **системности** в деривационной сфере оеснейшим образом связан с другими заявленными принципами - активности и процессуальности. Реализуется он в двух аспектах: 1) языковом и 2) речевом. Языковой аспект системности предполагает изучение единиц языка как элементов системы. Языковая система по Ф. де Соссюру,

"подчиняющаяся собственному порядку" и "основанная на противопоставлении ее конкретных единиц" [Соссюр, 1977], интегрирует свойства своих элементов и определяет их значимость, исходя из наличия других элементов. Поэтому элементы языка реализуют лишь те свойства, которые потенциально заданы системой. Поэтому в речи действуют лишь те механизмы, которые материально обеспечиваются системой.

С этих позиций каждый элемент эксперимента, каждая ассоциация (типичная или нетипичная), каждая конструкция (узуальная или окказиональная) для языка имеют равную ценность. Их речевое существование целиком и полностью определяется системными закономерностями. И, следовательно, аспект речевой системности в какой-то мере предопределен системностью языковой. Однако, и это в равной мере учитывается, он обладает системными свойствами другого уровня. Во-первых, это свойства ФС, о которых говорилось выше. Во-вторых, это направленное и неслучайное проявление свойств языковой системы и ее элементов. В-третьих, это свойства, определяемые языковой способностью личности, которая также системно организована. В-четвертых, текст в процессе своего функционирования наделяет свои компоненты собственной, коммуникативно заданной, значимостью. В-пятых, системность текста как знака отражает системные свойства денотата, того фрагмента действительности, который репрезентируется в языковой форме. Поэтому результаты эксперимента позволяют делать выводы как о единицах языка, о процессах, происходящих в языке, так и структуре речи, ее особенностях, закономерностях, системных свойствах; а также о взаимодействии, и взаимоотталкивании, взаимоотторжении двух систем.

§ 2.3. Структура "Деривационно-ассоциативного словаря"

Макроструктуру (схему, порядок расположения частей) ДАС определяют два фактора: 1) естественный ход ДАЭ и 2) задача исследования, проводимого по результатам эксперимента, - изучение механизма лексической деривации на конкретном лексическом материале. Поэтому макроструктура ДАС выглядит следующим образом:

1. Список слов-стимулов (Приложение 1)
2. Список ДК вместе со словами-стимулами (Приложение 2)
3. ДАС (Приложение 3)

1. В списке слова-стимулы даны в алфавитном порядке. Если слово неоднократно подвергалось экспериментальному исследованию в составе разных ДК, то оно имеет цифровой индекс, например:

Адвокат¹ (2а)

Адвокат² (2б)

Адвокат³ (2в)

Это означает, что слово "адвокат" в составе трех ДК выступало в качестве стимула в ДАЭ и, соответственно, в ДАС имеет три словарные статьи. В скобках указан номер ДК, в составе которого представлено слово-стимул.

Алфавитный порядок расположения слов-стимулов облегчает поиск нужного слова, а номер ДК позволяет найти все ДК с данным словом-стимулом.

2. В современной лингвистике не существует словарей синтаксических конструкций. Исключением является "Синтаксический словарь" Г.А.Золотовой [1988]. Однако он является скорее словарем синтаксических структур, где конкретный речевой материал является иллюстративным фоном. И в "Синтаксическом словаре" Г.А.Золотовой, и вообще в синтаксисе отсутствуют теоретически определяющие способы классификации и организации текстовых материалов как элементов словаря. Такому положению вещей есть объективное объяснение: при фактически бесконечном количестве и качестве вновь и вновь возникающих речевых произведений (письменных и устных) нет никакой необходимости в их словарном представлении. Словарный объект должен быть, прежде всего, исчислимым, чего нельзя сказать о текстах и тем более предложениях. Однако классификация ДК возможна ввиду их однородности, проявляющейся в целостности, инкорпоративности, итеративности, и ряда структурных свойств, позволяющих актуализировать механизмы лексической деривации.

Поэтому возникли определенные сложности с организацией ДК в ДАС. Алфавитный порядок (по первому слову) расположения ДК оказался неприемлемым, поскольку этот принцип не является сколько-нибудь значимым для синтаксических конструкций и тем более текстов. Еще одна причина, по которой не может использоваться этот принцип, заключается в том, что при следовании этому принципу варианты одного ДК окажутся разведенными в классификационном списке. Другой принцип - тематический, используемый в идеографических и фразеологических (напр.: [СОВ, 1995]) словарях, - также не может быть использован ввиду отсутствия постоянной темы у ДК: те-

ма всякий раз меняется с изменением слова-стимула. Очевидно, в основу классификации мог бы лечь семантико-аксиологический принцип (оценочные - неоценочные ДК), (см., напр.: [Гусар, 1994]). Но в рамках данной работы он не актуален.

Поэтому при формировании списка/каталога ДК был избран лексикоцентристский принцип, поскольку изучается потенциал деривационного функционирования лексических единиц. АК идут в том порядке, в каком следуют друг за другом слова-стимулы в алфавитном списке. Так под № 1 в списке слов-стимулов идет слово *адвокат*. Оно единственный раз встречается в ДК "А к нам обещали прислать *адвокатов*, наверное, думают, что у нас тут для них много..." Поэтому этот ДК в своем списке идет под № 1. Место ДК определяется первым словом-стимулом, предшествующим другим по алфавитному принципу. Другими словами, такой порядок следования ДК произволен в известном смысле, поскольку при дополнении ДК новым словом-стимулом его цифровой индекс должен бы измениться, но, учитывая его произвольность, в этой смене нет необходимости. В произвольности следования ДК есть свой положительный момент: так подчеркивается экспериментальная равноценность ДК. Наличие индекса вызвано соображениями удобства: по нему из списка слов-стимулов легко узнать, в каком контексте используется данное слово в качестве стимула. Если ДК имеет варианты, то к цифровому индексу добавляется литера (а, б, в, г...)

В каждом ДК имеется слово, выделенное курсивом. Так отмечается позиция слова-стимула, который заменяется на разных этапах эксперимента. Все слова-стимулы, использованные в каждом конкретном ДК, даются под контекстом в алфавитном порядке. Такая структура списка ДК помогает легко перейти непосредственно к ДАС.

3. Структура собственно ДАС является типичной для ассоциативных словарей. Слова-стимулы следуют в алфавитном порядке, но даются в начальной форме (в отличие, например, от РАС, где стимул может стоять в косвенной форме), поскольку реципиенты реагируют не на отдельное слово-стимул, а на ДК в целом. Поэтому за заглавным словом, выделенным жирным шрифтом, следует ДК, и именно в той форме, в которой он предлагается в ходе ДАЭ. Следующим элементом ДАС является список слов-реакций в порядке убывания их частоты и статистическая справка по этому списку.

Как уже отмечалось выше, макроструктуру ДАС определили в первую очередь цели эксперимента. Поэтому принципиальное значение имеет исходный экспериментальный материал.

Как отмечалось выше, основу ДАЭ составляют деривационные контексты, то есть такие контексты, которые способны включать механизмы лексической деривации. Экспериментальному исследованию подверглись 85 ДК (54 ДК и 31 вариант исходных ДК). ДАЭ позволяет не только изучать ДП лексических единиц, но и уточнять свойства самих ДК, среди которых выделяются семантические, синтаксические и прагматические, где семантика и синтактика являются имманентными свойствами ДК, а прагматика выражается в наличии целевой установки. Собственно лингвистическая цель функционирования ДК заключается в восполнении лакуны лексической единицей (то есть стремление замкнуть открытый контур контекста как функциональной системы). Для достижения цели актуализируются внутренние резервы ДК, как семантические, так и синтаксические. Основными семантико-синтаксическими свойствами любого текста, в том числе и ДК, являются цельность и связность. Цельность текста проявляется в соотносительности с ситуацией (денотатом). Связность же выступает как структурное свойство текста, присущее ему как семиотическому явлению, и обнаруживается в семантической и формальной соотносительности компонентов текста. Связность компонентов текста является направленной: либо проспективной - предыдущие компоненты связываются с последующими, предваряя развитие темы текста; либо ретроспективной - последующие компоненты связываются с предыдущими, развивая их. Как отмечает Л.Н. Мурзин, ретроспективная связь преобладает, "она составляет некоторую текстовую норму" [Мурзин, 1991, 12]. В ДК преимущественно обнаруживается ретроспективная связь, проявляющаяся в инкорпоративности, то есть "каждое последующее предложение как бы включает в себя предыдущее в качестве особого компонента" [Мурзин, 1991, 31]. На семантическом уровне инкорпоративность находит выражение в семантической итеративности, то есть "двукратном или многократном варьированном повторении семантических признаков (сем) в составе лексических значений слов, вовлеченных в создание текста и тем самым вступивших в контекстуальные отношения" [Агамджанова, 1982, 3]. На формальном (знаковом) уровне инкорпоративность обнаруживается в повторном употреблении одного и того же слова или в замене этого слова дейктиками ("отсылающими" словами: местоимениями, частицами, наречиями).

Например:

5а. - Так чем же была вызвана необходимость анестезии?!!

- Как чем? Необходимость вызвана именно...

1. А к нам обещали прислать автомобилистов,// наверное, думают, что у нас тут для них много...

В 1. ДК осуществлению инкорпоративности/итеративности способствуют местоимения и наречия.

Кроме лексических средств, выражающих инкорпоративность/итеративность, эту функцию могут выполнять и грамматические средства, например:

2а - А на старом месте его называли *адвокатом*.

- Ну так что ж. Значит, имел дело с...

Форма глагола прошедшего времени (ед.ч., м.р.) коррелирует с формой личного местоимения "его" (ед.ч., м.р.), что позволяет говорить о действии обозначенного механизма.

Воспроизведение (буквальное или замещенное) в высказывании/тексте обеспечивает однозначность (или стремление к ней) и надежность выражения и передачи мысли [Агамджанова, 1981, 3], а также создает возможность опускать слова в высказывании без ущерба для передачи мысли. Такая возможность и была реализована относительно ДК в рамках ДАЭ. Эти же свойства ДК (связность, цельность) дают возможность и восстановить элиминированную единицу.

Восполнение лакуны в ДК может происходить двумя путями: либо воспроизводство лексической единицы, либо ее производство. Однако такая формулировка условна и несколько упрощает суть происходящего. Дело в том, что реципиент выполняет не чисто механическую работу, а совершает творческий акт производства высказывания, где поиск подходящего слова - его органичная часть, а не изолированный акт. В условиях ДАЭ с ограничением во времени (требуется вставить слово, первым пришедшее на ум) говорящий как бы додумывает мысль в момент речи, что, следует отметить, достаточно типично для живого неподготовленного общения. О типичности этих процессов говорят паузы в середине высказываний, задержки в развертывании речи, свидетельствующие как раз о поиске подходящего слова [Кубрякова, 1984, 1986, с.50-51]. Такой

поиск осуществляется под влиянием ряда факторов: темы сообщаемого, знаний о сообщаемом говорящего и слушающего, "ритмом" порождаемого высказывания, характера используемых синтаксических конструкций, хода индивидуальных ассоциаций и т.д. [Общение..., 1989; Человеческий..., 1991; Ахутина, 1985; Леонтьев, 1969, 1970; Фрумкина, 1971; Красиков, 1990 и др]. Особую роль играет контекст самого высказывания. Так, контекст формирует означаемое элиминированной лексической единицы [см. Гусар, 1994] и в ряде случаев сказанное как бы "тянет" за собой последующие языковые единицы и конструкции - уже готовые коммуникативные фрагменты, "целостные отрезки речи, которые говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе речевой деятельности" [Гаспаров, 1996, 118].

Итак, восстановление элиминированной единицы становится возможным, поскольку ДК, во-первых, определяет семантику ассоциата, а во-вторых, определяет его грамматическую форму с допустимой для русского языка вариативностью. Например, 1.ДК требует ассоциата существительного в форме Р.п единственного или множественного числа; ДК № 6 требует глагол в повелительном наклонении, где допустимы формы ед./мн.ч., синтетические/аналитические и т.д.

В других случаях воспроизведение готового фрагмента невозможно в силу ряда причин как объективных, так и субъективных: коммуникативный фрагмент отсутствует в памяти говорящего или не приходит на ум в данной конкретной речевой ситуации, инерция контекста препятствует употреблению "готового" слова и включает механизмы лексической деривации в русле деривации текста, как бы вынуждая говорящего производить необходимое слово.

В ходе ДАЭ в качестве **стимулов** выступило 222 слова. Поскольку некоторые использовались в нескольких контекстах, каждое слово в Приложении 3 снабжено цифровым индексом и в общем списке встречается столько раз, сколько встречается в ДАЭ.

В традиционных ассоциативных экспериментах, где в качестве стимула выступает одно слово или словоформа, стимульный материал представлен высокочастотной лексикой. Однако данный принцип не является основополагающим при изучении деривационного функционирования слова, поскольку в отношении деривации могут вступать практически все слова языковой системы в процессе коммуникативной деятельности носителя языка. И, очевидно, активность деривационных процессов регулируется

не только частотными факторами, но и условиями протекания процессов, а также онтологическими свойствами слов, степенью освоенности языковой системой, стилистической окраской и т.д.

Применительно к ДАЭ отбор лексического материала проводится индивидуально по каждому ДК, поскольку каждый ДК диктует определенные требования к слову-стимулу: частеречные, семантические, сочетаемостные и другие. Степень свободы выбора варьируется от ДК к ДК. Взаимозаменяемыми в пределах одного ДК признавались синонимы (например, 3 - 11 ДК), слова одной лексико-семантической группы (именование лица по роду деятельности: 1, 2а ДК; обозначающие цвет: 33а ДК; географические объекты: 31; эмоциональное состояние: 47 и т.д.), антонимы (28, 29 ДК).

Список слов-стимулов формировался стихийно. На начальном этапе исследования большинство слов-стимулов и ДК было предложено для исследования Н.Д. Голевым. Ряд стимульного материала был взят из речевых произведений, в составе которых встречались некоторые слова. Часть слов определили данные синонимических словарей, некоторые подсказал языковой опыт автора. Другая часть стимульного материала была подсказана реципиентами: некоторые слова-реакции (или производные от них) на последующих этапах эксперимента становились стимулами. Следует отметить, что данный список остается открытым.

Частные цели исследования определили качественный отбор слов-стимулов. Изучение закономерностей деривационного функционирования слов предполагает наблюдение над словами, различающимися по ряду структурно-семантических параметров, заданных системой языка. С другой стороны, данные параметры должны быть сопоставимы, то есть образовывать, по крайней мере, оппозицию в пределах лексико-семантических групп и каждого (или нескольких однотипных) ДК. Таким образом, слова-стимулы могут быть представлены в виде оппозиций по параметрам производности - непроизводности (*крик - кричать*), мотивированности - немотивированности (*моряк - матрос*), узуальности - окказиональности (*выключатель - включатель*), простоты - сложности (*упорядочить - привести в порядок*), "прозрачности" - "непрозрачности" внутренней формы (*обезболивание - анестезия*), стилистической окраске (*обмануть - облапошить*) и т.д. Другими словами, отбор слов-стимулов производится, с одной стороны, по принципу однообразия, сходства, то есть с позиции взаимозаменяемости в

пределах одного ДК, и, с другой стороны, по принципу разнообразия структурно-семантических параметров исследуемых слов.

Микроструктуру ДАС представляют собой собственно словарные статьи, приводимые в порядке алфавитного следования слов-стимулов и обладающие своей собственной структурой.

Каждая словарная статья состоит из слова-стимула, данного в начальной форме, ДК, в составе которого оно предлагалось в ДАЭ, списка слов-реакций и статистической справки по качеству и количеству реакций.

Слова-реакции расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после каждой реакции. Реакции с одной частотой приводятся в алфавитном порядке по первому слову, поскольку не все реакции являются однословными. Например:

АНЕСТЕЗИЯ⁴

Какая же это *анестезия*, если...

Больно - 27, болит - 4, все болит - 4 и т.д.

Реакции отличаются друг от друга не только количественно, но и качественно. По существу, все реакции являются деривационными, поскольку представляют собой результирующий компонент деривации текста (высказывания). Однако реакции находятся в разных отношениях к стимулирующему материалу. Часть из них является собственно семантическими ассоциациями (СА), то есть реципиенты реагируют на смысл ДК или на семантику его отдельных компонентов. Другая часть - это формально-семантические ассоциации (ФСА), то есть ассоциации, обусловленные не только семантикой, но и формой (структурой) элементов ДК и слова-стимула, в частности. О существовании чисто формальных ассоциаций следует говорить с достаточной степенью условности, поскольку в контексте формальная ассоциация получает семантическое наращение, не противоречащее глобальному смыслу высказывания. Поэтому в описке реакций разделяются только СА и ФСА. СА даются обычным шрифтом. ФСА, реагирующие на слово-стимул, выделяются курсивом. ФСА, реагирующие на другие компоненты ДК, выделяются подчеркиванием. Например:

ОБЕЗБОЛИВАНИЕ⁴

А по-моему, этот твой хваленый аппарат для *обезболивания* нисколько даже не ...

Помогает - 31, *обезболивает* - 15, действует - 13... аппаратит - 1, аппарирует - 1 и т.д.

В конце словарной статьи приводятся количественные показатели, указывающие на общее количество реакций (Всего - ...), на число анкет без ответа (б/о - ...), количество ФСА (ФСА - ..., ФСА - ...), количество СА (НА - ...), количество единичных ответов (е/о - ...) и количество разных реакций (р. - ...). После показателей б/о, ФСА и СА дается в скобках их процентное соотношение к общему количеству реакций на данный стимул. Например:

АНЕСТЕЗИРОВАТЬ² ... Всего - 144, б/о - 6 (5.26 %), ФСА - 28 (24.5 %), ФСА - 1 (0.88 %), СА - 79 (69.3 %), е/о - 26, р - 39.

В словарной статье реакции даются в такой форме, в какой они встретились в анкетах реципиентов. Реакции, имеющие одинаковый состав слов, но отличающиеся порядком их следования, оформлены как разные (**СКАНДАЛИСТ** ... *скандалы устраивать* - 1... *устраивать скандалы* - 1...). Аналогично дело обстоит и с реакциями, различающимися только грамматической формой (**АДВОКАТ**¹ ... *уголовниками* - 11... *адвокатом* - 3... *уголовником* - 3... *адвокатами* - 1...). Отдельно существовала проблема орфографической и культурно-речевой нормы ответов. Каждый отдельный случай требовал индивидуального подхода. Так, явные орфографические ошибки исправлялись ("*ворчиш*" - *ворчишь*). В других случаях наличие ошибки было невозможно установить: в реакциях на слово **БОСС** встречались ответы "боссить" и "босить". Каждый вариант был анесен в словарную статью и расценивался как ФСА, поскольку реципиенты реагировали на звучащий текст, где фонетически совпадали "босс" (руководитель) и "бос" (краткая форма прилагательного "босой"). Актуальность двоякого понимания стимулов отражена в СА (ср. На то он и *босс*, чтобы ... *наводить порядок* - 1, *ноги не потели* - 1).

Варианты, отражающие разное отношение к культурно-речевой норме, не исправлялись. Например: На то он и *каменищик*, чтобы... *камни класть* - 13, *камни ложить* - 5. Одновременное существование равнозначных глаголов "класть" и "ложить", очевидно, отражает процессы, происходящие в языке, а наличие этих слов в экспериментальном материале дает возможность оценить реальное их место в системе языка и речи.

Такой подход осуществляется при анализе всех ассоциативных реакций, то есть исправлялись явные орфографические ошибки, а все спорные случаи давались в том виде, в каком были зафиксированы реципиентами в анкетах.

§ 2.3. Специфика деривационных ассоциаций

Основу ДАС составляют деривационные ассоциации слов, то есть ассоциации, возникшие как результат заполнения лакуны в ходе деривационно-ассоциативного эксперимента. Как уже отмечалось, процесс заполнения лакуны является по своей природе деривационным, поскольку предполагает деривацию семантики [Гусар, 1995] и деривацию формы (в широком смысле). Деривация формы реализуется в нескольких аспектах: грамматическом, синтаксическом, формально-семантическом. Грамматическая деривация проявляется в формообразовании. Абсолютное большинство реакций (около 98%) формально-семантически согласовано с контекстом и, в рамках допустимой вариативности, принимают грамматическую форму, диктуемую контекстным окружением. Синтаксическая деривация осуществляется в виде неоднословных реакций-конструкций, среди которых встречаются и предикативные. С другой стороны, восполнение ДК до законченного высказывания представляет собой в целом деривацию текстовую или, с точки зрения иерархии языковых единиц, деривацию высшего порядка.

Формально-семантическая деривация проявляется в наличии формально-семантических ассоциаций (ФСА), имеющих не только общие семантические компоненты со словом-стимулом, но обнаруживающих морфемное сходство. Такие ассоциации и являются объектом настоящего исследования.

Изучение однокоренных слов в пределах узкого контекста давно практикуется исследователями. В целом, отмечено, что это отнюдь не редкое явление, несмотря на стилистический запрет на повторы. Однако место ФСА в условиях эксперимента еще не определено в должной мере. Так, Ю.Н. Караулов, анализируя роль словообразования в ассоциативном словаре и ассоциативно-вербальной сети, отмечает, что на его долю приходится около 20 - 25% информации [Караулов, 1994, с.207]. Данные цифры нуждаются в уточнении, поскольку, составляя приблизительно пятую часть от состава ассоциативного поля, формально-семантические ассоциации были бы заметны даже при самом поверхностном наблюдении. Для определения места ФСА в ассоциативном эксперименте сравнивались данные трех ассоциативных словарей: ДАС, Русского ассоциативного словаря (РАС) [1994, кн.1], Словаря детских ассоциаций (СДА) [Берсенева, Дубровская, Овчинникова, 1995]. В этих словарях пересеклись 10 слов. Ассоциации на

каждое из этих слов подверглись анализу с точки зрения наличия в них ФСА. Данные приведены в Таблице 1.2.

Таблица 1.2.
Место ФСА по данным ДАС, РАС и СДА

Слова-стимулы	ДАС		РАС		ДС	
	всего	ФСА	всего	ФСА	всего	ФСА
Говорить	100	14	525	3	504	66
Друг	100	72	536	24	559	125
Интересный	103	0	510	4	486	73
Кричать	125	105	526	8	500	47
Лес	105	30	549	2	477	36
Любить	413	11	557	9	248	40
Машина	326	2	494	4	459	9
Темный	226	102	539	1	498	21
Товарищ	103	63	503	1	483	18
Учиться	126	39	553	30	496	82
ВСЕГО	1727	438	5292	86	4710	517
КД	0,254		0,016		0,11	

Удалено: ¶

Наиболее высокий показатель ФСА наблюдается в ДАС, что обусловлено характером проводимого эксперимента, в котором ДК стимулировали деривационные (в том числе и лексико-деривационные) процессы. В целом, по данным ДАС ФСА составляют около 33% от всех реакций.

В свободном ассоциативном эксперименте отсутствует фактор, стимулирующий появление ФСА, поэтому и вероятность их появления значительно ниже (РАС – 0,016; СДА – 0,11). Кроме того, в ассоциативном эксперименте слово-стимул и/или обозначаемый им объект как бы локализуется реакцией в системе своих языковых и внеязыковых связей, прежде всего семантических, поскольку отсутствует какая-либо коммуникативная установка. Несколько иначе обстоит дело с ФСА в свободном ассоциативном эксперименте, проводимом с детьми 6-10 лет. У детей “актуализация значений слов достигается на основе их структурного анализа (определения состава морфем)” [Гридина, Боровикова, 1992, с.87] и синтеза [Шахнарович, Юрьева, 1990, с.73], а деривационные ассоциации являются способом такой актуализации, помогающим локализовать слово-стимул в системе его связей, причем многие из ФСА заполняют естественные лакуны в лексической системе языка [Гридина, 1992, с.71].

Таким образом, можно говорить о разной степени актуализации деривационных процессов у взрослых и детей в ассоциативно-вербальной сети и о разной их функциональной значимости. Кроме того, очевидно, что активность деривационных процессов повышается в специальных условиях, в частности в ДК.

ФСА в деривационно-ассоциативном эксперименте, заполняя лауну в деривационном контексте, возникают вследствие актуализации деривационного потенциала слова-стимула как источника и базы лексической деривации-мотивации [Голев, 1995]. По характеру ФСА можно судить о зависимости деривационного потенциала слова от его онтологических параметров и условий реализации. С другой стороны, качество и количество ФСА во многом определяются и свойствами самого слова-стимула.

ФСА дают возможность судить о реальных деривационно-мотивационных процессах, происходящих в языке. Например, можно судить о степени адаптации иностранных слов в русском языке, о наличии у них словообразовательной парадигмы (*анестезия, ремонтировать, босс* и др.); о степени словообразовательной “близости” тех слов, которые традиционно словообразовательные словари разводят по разным словообразовательным гнездам (*ремонтировать – монтер*) и т.д. По ФСА можно делать прогнозы о тенденциях развития словообразовательной системы, проявляющейся в ФСА как в узуальных, так и окказиональных образованиях. Совокупность ФСА в пределах одного ДАП, объединенная семантикой лауны ДК, дает представление о синонимии словообразовательных средств языка.

Таким образом, можно говорить о возможностях ФСА в деривационно-ассоциативном эксперименте, многие из которых не могут реализоваться в свободном ассоциативном эксперименте, где ФСА, среди общей массы реакций занимают периферийное положение в силу условий, обсуждавшихся выше.

Выводы по 1 главе

Произведенный анализ лексикографической ситуации, отражающей степень изученности лексико-деривационных структур, показывает, что на сегодняшний день в лингвистике ощущается необходимость нового словаря, основанного на массовом эксперименте с носителями языка, демонстрирующего не только системно-статический план деривации, но и данные языкового сознания, и реализацию деривационных отно-

шений в условиях речи. Данную лакуну может восполнить "Деривационно-ассоциативный словарь", созданный в рамках данной работы.

Лексикографический этап исследования позволяет отметить некоторые возможности, которыми располагает "Деривационно-ассоциативный словарь". Так, по его данным можно судить о способности языковой личности порождать дериваты различной степени сложности (от слова до текста); о реальных и потенциальных деривационных процессах, протекающих в языке и речи; о способах реализации системного потенциала языковых единиц; о стратегиях выбора того или иного слова в процессе речевой деятельности индивида и т.д.

Деривационно-ассоциативный эксперимент и "Деривационно-ассоциативный словарь", отражающий и систематизирующий материалы ДАЭ, дают возможность изучения потенциала деривационного функционирования слов русского языка. Эта особенность проявляется при сравнении данных деривационно-ассоциативного эксперимента с данными свободных ассоциативных экспериментов, которые свидетельствуют о том, что любое слово обладает деривационным потенциалом, актуализирующимся в условиях деривационных контекстов.

ГЛАВА 2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИСТЕМНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА

§ 1. Способы изучения условий реализации деривационного потенциала слова

Возможным способом изучения потенциала деривационного функционирования слова, помимо словарей и фрагментов, извлеченных из текстов, является эксперимент, в частности ДАЭ, который посредством варьирования стимульного материала позволяет выявить условия, наиболее благоприятные для реализации ДП слова, и измерить ДП слова [Голев, 1994]. Очевидно, что вероятность включения механизмов лексической деривации у разных слов неодинакова и зависит от ряда факторов, в числе которых ДП и самого слова-стимула и ожидаемого слова-реакции, а также собственные семантико-структурные свойства ДК. К последним можно отнести позицию слова-стимула в ДК и программируемые контекстом формально-семантические параметры слова-реакции. Значимость того или иного фактора можно определить при варьировании ДК, когда, по возможности, меняется только один параметр, а остальные остаются без скольких-нибудь значимых изменений.

В ходе исследования ДК варьировались тремя способами. Первый связан с изменением структурных параметров ДК, второй – с изменением грамматических параметров ожидаемого слова-стимула, третий - с взаимозаменой слов-стимулов при сохранении структурных параметров ДК. Как уже отмечалось, варьирование ДК производилось с целью изучения условий реализации деривационного потенциала слова.

§ 2. Позиционная структура деривационных контекстов и реализация деривационного потенциала слова

Удалено: реализации

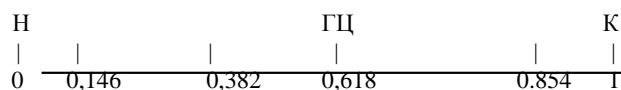
Как отмечалось выше, лексико-деривационные процессы наиболее оптимальным образом протекают в текстовой среде. Однако вопрос о характере влияния текста на течение этих процессов остается по существу открытым, притом, что некоторые наблюдения в этой области уже сделаны. Так, исследования Е.Г.Гусар [Гусар, 1994_а, 1994_б, 1998] позволяют утверждать о безусловном влиянии контекста на формирование

означаемого лексической единицы. Ю.В.Трубникова, рассматривая процессы формирования лексико-деривационных рядов - "объединений по одному основанию (наличие формально-семантического взаимодействия единиц текста) множества разнотипных и разноструктурных фактов" [Трубникова, 1998, с.50], - отмечает обязательность семантической детерминированности слова в контексте и наличие специальных условий формальной детерминированности [там же]. Данный параграф настоящего исследования будет посвящен выявлению некоторых условий формальной детерминации текстом формально-семантической структуры слова в плане реализации им своего деривационного потенциала (ДП).

Современные исследования текста в рамках синергетической концепции языка рассматривают текст как синергетическую систему, организованную подобно природным объектам по законам золотого сечения (Схема 2.1). В данной системе участки "напряженности" чередуются с участками "покоя" [Москальчук, 1998; 1999; Пищальникова, 1998; 1999]. Можно предположить, что слово, попадая в разные зоны текста, будет вести себя по-разному, в частности характер реализации его деривационного потенциала будет различаться в зависимости от позиции в тексте.

Схема 2.1

Гармоническая структура текста

где Н - начало, ГЦ - гармонический центр, К - конец.

Итак, с целью изучения зависимости ДП слова-стимула как источника деривации-мотивации от его позиции в тексте производилось позиционное варьирование деривационных контекстов ДК по методу Н.В.Черемисиной [1989], уточненному применительно к речевому материалу Г.Г.Москальчук [1990, 1999]. Суть метода заключалась в постановке слова-стимула в сильные позиции ДК - в зону гармонического центра (ГЦ = 0,618 от длины текста) и зону начала (Н = 0); зона конца в ДК, как правило, занята лакуной. В результате случайной выборки такому варьированию подверглись 10 слов-стимулов в 10 ДК: 2а, 5а, 10а, 22а, 33а, 36а, 46а, 47а, 48а, 49а (ДК приведены полностью в Приложении 2). В исходных ДК слово-стимул находится в строго определенной по-

зиции¹ текста (2а - 0,461; 5а - 0,5; 10а - 0,714; 22а - 0,333; 33а - 0,5; 36а - 0,5; 46а - 0,5; 47а - 0,5; 48а - 0,333; 49а - 0,454). Исходные контексты были подвергнуты трансформации, в ходе которой слово-стимул ставилось в позицию ГЦ = 0,618 (б-вариант) и в позицию начала (2в - 0,077; 5в - 0,077; 10в - 0,125; 22в - 0,111; 33в - 0,062; 36в - 0,143; 46в - 0,09; 47в - 0,09; 47в - 0,083; 48в - 0,067; 49в - 0,182). Исходя из конкретных условий ДК, за позицию начала принималось первое синтаксическое место.

В процессе варьирования ДК, безусловно, невозможно было обеспечить полную сохранность смысла исходного ДК, но, по возможности, изменения были минимальными, то есть семантический инвариант контекста оставался без сколько-нибудь заметных изменений. Вслед за Ю.Д. Апресяном, под семантическим инвариантом предложения / высказывания мы понимаем "описываемую им конкретную ситуацию" [Апресян, 1995, 543]. Варьирование ДК осуществлялось путем инверсии, добавлением или исключением модальных конструкций, заменой отдельных сочетаний синонимическими трансформами. Таким образом, различия в деривационной активности ДК вызываются не семантикой контекстов, поскольку она практически не изменяется, а позицией слова-стимула.

Повариантное сравнение результатов позволяет выявить зависимость деривационного потенциала слова от его позиции в ДК. Исчисление коэффициента деривативности² (КД) дает следующую картину: $K_{Да} = 0,209$, $K_{Дб} = 0,144$, $K_{Дв} = 0,113$. Наложение коэффициента деривативности на соответствующие позиции гармонической структуры контекста (Табл.2.1) позволяет уточнить зоны, наиболее продуктивные для реализации ДП слова.

Как показывают результаты, зоной наибольшей продуктивности является зона пред-ГЦ (0,382 - 0,618), средний КД = 0,268, ей уступает позиция ГЦ (0,618), средний КД = 0,142, и, наконец, зона начала (0, - 0,382), где средний КД = 0,101.

Удалено: цинности

Удалено: цинон

¹ Позиция слова в тексте определяется абсолютной длины текста в словоформах, принимаемой за 1. Для выяснения относительной длины текста высчитывается количество синтаксических мест, каждое синтаксическое место соответствует одному фонетическому слову, самостоятельное место занимают слова, выполняющие усилительные функции в тексте. Порядковый номер исследуемой словоформы делится на относительную длину текста; полученное значение будет соответствовать позиции слова в тексте. Например: в ДК 3б^а (Загадочный профессор изменил и без того ... лицо) 7 синтаксических мест (без того – 1 место), включая позицию лакуны. Слово *изменил* занимает 3 место, следовательно, его позиция равна $3/7=0,429$. Слово *загадочный* занимает 1 место, его позиция равна $1/7 = 0,143$ [Москальчук, 1998, с.46-49].

² Коэффициент деривативности (КД) исчисляется по формуле: количество ФСА (F) делится на общее количество реакций (N), $KД = F/N$

Таблица 2.1.
Распределение зон деривационной продуктивности ДК
по позициям гармонической модели текста

Позиция текста	КД	№ ДК	Позиция текста	КД	№ ДК	Позиция текста	КД	№ ДК
0,062	0,35	33в	0,429	0	36а	0,618	0,04	26
0,067	0	48в	0,454	0,5	49а		0,07	56
0,077	0,06	2в	0,461	0,032	2а		0,06	106
0,083	0	5в	0,5	0,1	5а		0,03	226
0,09	0,18	47в		0,193	33а		0,28	336
0,111	0,06	46в		0,417	46а		0,04	366
0,125	0,02	22в		0,634	47а		0,14	466
0,143	0,03	10в					0,23	476
0,182	0,02	36в					0,02	486
0,333	0,28	49в					0,51	496
	0,163	22а						
	0,044	48а						
0 – 0,382	0,101		0,382-0,618	0,268		0,618	0,142	

При наблюдении над реакциями выявляются и качественные особенности функционирования ДК, в частности, способность стимулировать разнообразные реакции как деривационные, так и формально-семантические (см. таблица 2.2).

В соответствии с полученными данными, каждая из отмечаемых зон имеет свои особенности. Так, зона пред-ГЦ (0,382 - 0,618), характеризуемая наибольшей деривационной активностью ($KД = 0,268$), актуализирует, как правило, однообразные реакции ($A = 0,71$) и в меньшей степени ей свойственно разнообразие ($B = 0,557$). С качественными показателями общего числа реакций коррелируют показатели ФСА ($C = 0,644$, $D = 0,214$). Напротив, позицию ГЦ (0,618) можно оценить как позицию, стимулирующую разнообразие реакций ($B = 0,724$, $D = 0,547$). Нейтральные результаты, в сравнении с зоной пред-ГЦ и позицией ГЦ, показывает зона начала (0 – 0,382) (Таблица 2.3).

Удалено: 3

Удалено: 268

Удалено: зону

Удалено: зону

Удалено: я

Удалено: 14

Таблица 2.2

Статистические показатели экспериментального варьирования ДК

ДК	N	F	N ₁	N _p	F ₁	F _p	A	B	C	D
----	---	---	----------------	----------------	----------------	----------------	---	---	---	---

Удалено: ¶

¶

Удалено: ¶

¶

33В	100	35	23	34	1	3	0,66	0,676	0,914	0,333
48В	100	0	25	37	0	0	0,63	0,676	0	0
2В	100	6	26	43	1	2	0,74	0,605	0,667	0,5
5В	100	0	31	40	0	0	0,6	0,775	0	0
47В	100	19	52	65	2	6	0,35	0,8	0,684	0,333
46В	100	6	15	25	2	4	0,75	0,6	0,333	0,5
22В	100	2	31	43	2	2	0,57	0,721	0	1
10В	100	3	28	36	1	2	0,64	0,778	0,333	0,5
36В	100	2	22	42	0	1	0,58	0,524	0,5	0
49В	100	28	35	39	0	3	0,65	0,897	0,893	0
22а	123	20	28	41	3	6	0,667	0,683	0,7	0,5
48а	114	5	19	38	0	1	0,667	0,5	0,8	0
							0,625	0,686	0,485	0,306
36а	144	0	37	56	0	0	0,611	0,661	0	0
49а	102	51	23	34	1	4	0,667	0,676	0,922	0,25
2а	123	4	28	44	0	2	0,642	0,636	0,5	0
5а	110	11	22	31	0	1	0,718	0,71	0,909	0
33а	114	22	16	26	1	2	0,772	0,615	0,909	0,5
46а	144	6	13	26	3	4	0,819	0,5	0,333	0,75
47а	101	64	17	26	0	4	0,743	0,654	0,938	0
							0,71	0,557	0,644	0,214
2б	100	4	43	55	4	4	0,45	0,782	0,25	1
5б	100	7	34	48	0	2	0,52	0,708	0,714	0
10б	100	6	28	37	4	5	0,63	0,757	0,167	0,8
22б	100	3	32	50	3	3	0,5	0,64	0	1
33б	100	28	34	42	4	5	0,58	0,81	0,821	0,8
36б	100	4	41	56	2	3	0,44	0,732	0,25	0,667
46б	100	14	15	25	4	7	0,75	0,6	0,5	0,571
47б	100	23	53	67	7	11	0,33	0,791	0,522	0,636
48б	100	2	22	36	0	1	0,61	0,564	0,5	0
49б	100	51	41	48	0	3	0,52	0,854	0,941	0
							0,533	0,724	0,467	0,547

Примечание: А - коэффициент однообразия, В - коэффициент разнообразия, рассчитываемые по формулам Ю.Н.Караулова и М.М.Коробовой [1993, 20]:

$$A = \frac{N - N_p}{N} \quad B = \frac{N_1}{N}$$

где N - общее количество реакций. N_p - число разных реакций, N₁ - число единичных реакций. С и D соответственно, коэффициенты деривационного однообразия и разнообразия, рассчитываемые по формулам

$$C = \frac{F - F_p}{F} \quad D = \frac{F_1}{F_p}, \text{ где } F - \text{ количество ФСА, } F_1 - \text{ число разных ФСА, } F_p - \text{ число единичных ФСА.}$$

Таблица 2.3
Сопоставление результатов ДАЭ

Коэффициенты	Интервалы контекста		
	0 - 0,382	0,382 - 0,618	0,618
КД	0,101 (3)	0,268 (1)	0,143 (2)
А	0,625 (2)	0,71 (1)	0,533 (3)
В	0,686 (2)	0,557 (3)	0,724 (1)
С	0,485 (2)	0,644 (1)	0,467 (3)
Д	0,306 (2)	0,214 (3)	0,514 (1)

Примечание: в круглых скобках указан место (ранг), указывающее на активность проявления признака (горизонтальная строка) данным интервалом (вертикальный столбец). КД – коэффициент деривативности; А – коэффициент однообразия всех реакций, В – коэффициент разнообразия всех реакций; С – коэффициент однообразия ФСА; Д – коэффициент разнообразия ФСА.

Как показывают статистические данные, позиция слова-стимула в ДК оказывает влияние на реализацию его ДП. Наиболее продуктивной является зона пред-ГЦ (0,382 - 0,618). Кроме того, в позиции пред-ГЦ слово-стимул находится как бы в структурно-смысловом фокусе контекста, о чем свидетельствует "разброс" ФСА: так, в зоне пред-ГЦ лишь в двух ДК из семи возникают ФСА на другое слово (36^а, 47^а ДК), а в зоне начала в пяти из двенадцати (2^б, 5^б, 36^б, 47^б, 49^б ДК) и в зоне ГЦ в пяти из десяти (2^б, 33^б, 36^б, 47^б, 49^б ДК). Рассмотрим эти случаи.

Контексты 36 и 47 дают наибольшую дисперсию, которая реализуется в каждом из трех вариантов ДК.

36^а Загадочный профессор *изменил* и без того ... лицо.

36^б Загадочный профессор опять, уже в который раз, *изменил* и без того ... лицо.

36^в. *Изменил* загадочный профессор и без того ... лицо.

Так, в 36 ДК оказалось два слова-стимула, на которые реагировали реципиенты, - *изменил* и *загадочный*. Варьирование ДК производилось с акцентом на слове *изменил* (а - 0,429, б - 0,618, в - 0,143). Однако ФСА к данному слову количественно уступают ФСА к слову *загадочный* (а - 0,143, б - 0,091, в - 0,286) - в общей сложности 6 к 47(см. Таблицу 2.4), что может быть вызвано рядом причин, действующих, очевидно, в совокупности. Среди них, несомненно, онтологические свойства слова.

От слова *изменил* труднее образовать дериваты, чем от других слов-стимулов, но это возможно (36^б, 36^в). С другой стороны, направление деривации в немалой степени определяется и составом ДК. Так, дейктический указатель "и без того" можно отнести к

- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено:
- Удалено: 2
- Удалено: 7
- Удалено: 5
- Удалено: 1
- Удалено: 2
- Удалено: 5
- Удалено: 10
- Удалено: 4

любому из слов - стимулов (изменил и без того загадочное лицо; изменил и без того изменчивое лицо). Кроме того, несомненно, влияние непосредственного контекстуально-ног_о окружения на сочетательные свойства деривата; загадочное лицо звучит гораздо привычнее, чем загадочный рот и, конечно, загадочные брови.

Удалено: ...ы...м...ем...х... с его [1]

Таблица 2.4.
ФСА в 36 ДК

36 ^а	всего	ФСА ₁	ФСА ₂
изменил (лицо)	144	0	32 (22,2%)
нахмурил (лицо)	103	25 (24,3%)	5 (4,9%)
удлинил (лицо)	105	52 (49,5%)	1 (1%)
насупил (брови)	111	11 (9,9%)	0
распрямил (брови)	100	35 (35%)	2 (2%)
скривил (рот)	110	56 (50,9%)	4 (3,6%)
36 ^б			
изменил (лицо)	100	4 (4%)	5 (5%)
36 ^в			
изменил (лицо)	100	2 (2%)	10 (10%)

Удалено: (0,...) [2]

Удалено: (0,...) [3]

Удалено: (0,...0...) [4]

Удалено: (0,...) [5]

Удалено: (0,...) [6]

Удалено: (0,...0...) [7]

Удалено: (0,...0...) [8]

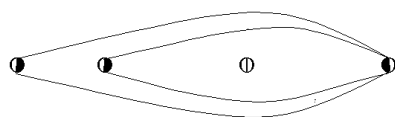
Примечание: ФСА₁ – ФСА на основное слово- стимул, указанное в первом столбце; ФСА₂ – ФСА на слово загадочный; в скобках указано количество ФСА в процентах.

Удалено: ... КД слова - отношение ФСА к общему числу реакций. [9]

Другим немаловажным, (а может быть, и основным) функционально-системным фактором, влияющим на реализацию ДП слова, является характер структуры ДК. В рамках лингвосинергетики структура текста трактуется "как объект, обладающий иной качественной сложностью, иной информативностью, нежели отдельные предложения, и собственной динамикой, выявляющейся через внутритекстовые взаимные притяжения и/или отталкивания асимметричных границ срезов" [Москальчук, 1998, с. 106]. "Динамика формы включает позиционную эволюцию интенсивности протекания процессов организации и самоорганизации. <...> В структуре целого текста должны отражаться особенности энергетической активности и/или пассивности субъекта" [там же, с. 192]. Рассмотрим, каким образом происходит влияние формы текста на качественные и количественные параметры реализации ДП слов.

Удалено: Другой ...ой...ой...причиной...позиция слова-стимула в [10]

Щ
0,
я по ряду показателей: 1) по характеру границ их позиционных срезов (позиция начала (Н) – конец – 1, а также граница зачина – 0,146 и границы зоны ГЦ - ±0,230 относительно 0,618); 2) по плотности циклов, пересекающих каждый интервал между позиционными срезами внутри тела текста 3) по плотности

циклических связей, возникающих при учете внутритекстовых циклических связей отдельных позиций с абсолютным началом и концом текста [там же, с. 107].

Рассмотрим форму данного контекста.

$\frac{\text{ГЦн}}{36^a}$ Загадочный / (профессор *изменил* и без того ...) лицо.

В ДК 36^a 7 слов, если принимать позицию реакции за одно слово в соответствии с экспериментальным заданием. Позицию ГЦ ($0,618 \times 7 = 4,326 \approx 4$ словоформа) занимает "И", позицию ГЦн ($0,236 \times 7 = 1,652 \approx 2$) – слово профессор. Граница зачина ($0,146 \times 7 = 1,022 \approx 1$) располагается после слова *загадочный* и обозначена косой чертой. Абсолютно слабые позиции текста располагаются на расстоянии $\pm 0,236$ относительно ГЦ, что составляет для данного ДК ≈ 2 слова. Эти границы выделены круглыми скобками. Таким образом выделены основные позиционные срезы в ДК. Теперь оценим отклонения от них.

Удалено: В данном контексте

Зачин имеет отклонение 1/6 (1 слово *до* границы и 6 слов *после* границы). Данная граница асимметричная: слева меньше слов, чем справа; такую асимметрию обозначим цифрой 2. Позиция ГЦн имеет отклонение 1/5 (2); левая граница зоны ГЦ – 1/6 (2); ГЦ – 3/3 - является симметричной и обозначается как 0; правая граница зоны ГЦ – 6/1 (если слева больше слов, чем справа, то такая асимметрия обозначается цифрой 1). Таким образом, структуру данного ДК можно описать по формуле /22201/.

На основании массовых наблюдений Г.Г.Москальчук выявила тенденцию: "Если в тексте 1 предложение, состоящее из нечетного количества (3, 5, 7 и т.д.) словоформ, то реализуется модель /22201/, отличающаяся стабильностью границ относительно ГЦ текста" [Москальчук, 1998, с.111]. ГЦ выступает как стабилизирующее начало. Данная формула может иметь более компактную форму: при выделении 4-х основных позиций (абсолютного начала (Н), ГЦн, ГЦ и абсолютного конца (К)) формула принимает следующий вид $\frac{2201}{36}$.

Удалено: (и 11 слов в 36^b ДК).

Удалено: (

Удалено: Г.Г.

Удалено:)

Удалено: При

Удалено: -

Удалено: (Рис. 2.1).

Удалено: Д

Удалено: -

Удалено: .

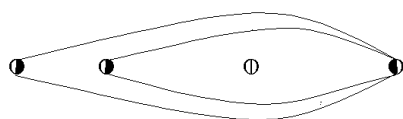
Собственно, динамика форм определяется исключительно по позициям ГЦн и ГЦ, поскольку Н всегда 2, а К $\frac{2201}{36} = 1$, поэтому допускается обозначение формы по этим двум позициям. Так, данный ДК имеет форму 2 – 0. Данная формула текста (как, впрочем, и любая) может быть представлена графически, где каждая позиция обозначается

кружком: позиция 2 – кружком, заштрихованным справа, позиция 1 - кружком, заштрихованным слева, позиция 0 – нештрихованным.

Модель текста 2 – 0 (Рисунок 2.1) классифицируется как ГЦ - начально-концестремительная. Отсутствие цикличности вокруг ГЦ растягивает зону ГЦ, переносит напряжение текста к началу и собственно концу. Поэтому слово-стимул, находящаяся в этой зоне как бы теряется, а структурно-семантический акцент переносится в зону начала. Этим, видимо, и объясняется довольно высокая частотность дериватов слова "загадочный" (0,143) и лакуны (0,857), его дериватов, оказываются симметрично расположенными относительно абсолютного начала и абсолютного конца текста: $0 - 0,143$ и $0,857 - 1 = 0,143$. Возникает некоторая напряженность, закрытый контур, вполне самодостаточный, в результате чего конец (лакуна) дублирует начало (стимул).

Удалено: Такая

Удалено: м

ит и в 36^б ДК (Изменил загадочный профессо Рисунок 2.1
Динамика формы 2 - 0

и без того ... лицо.), имеющем такую же циклическую организацию, что и 36^а ДК. Только в позиции начала стоит слово изменил, и на выходе появилось 2 деривата изменчивое. Тем не менее, дериваты загадочный в 5 раз превышают дериваты изменил. Слово загадочный оказалось опять в более предпочтительной позиции: оно попало в позицию ГЦн (ГЦ начала) - $0,236$ ($0,236 \times 7 \text{ слов} = 1,652 \approx 2\text{-ое}$ слова от начала текста стоит в позиции ГЦн), а для данной текстовой структуры это одна из фокусных позиций, поскольку модель в целом является ГЦ-начально-концестремительной.

Удалено: "

Удалено: я"

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: ения"

Удалено: "

Удалено: "

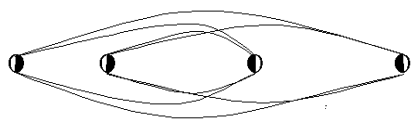
Удалено: *

Удалено: Москальчук, 1998, с.205

Удалено: .

ДК 36^б (Загадочный профессор опять, уже в который раз, изменил и без того ... лицо) имеет другую циклическую модель - (22211) (рисунок 2.2). ##### Это самая частотная модель текста (В общем виде 2211).

Рисунок 2. 2.
Динамика формы 2 - 1

"В данно:

нансных усилений процессов, направленных друг к другу, могут развиваться мощные восходяще-нисходящие градации с акцентом интервала пред-ГЦ. Гарантия выделенности именно этого интервала заключена в суще-

ствовании собственного цикла между ГЦн и ГЦ... В модели сочетаются начало-Гцстремительная, концестремительная и центростремительная тенденции, они дублируют друг друга" [Москальчук, 1998, с.204-205]. Соответственно и акцент смещается на зоны ГЦ и пред-ГЦ, поэтому слово-стимул "изменения" оказывается в сильной позиции и на него реагируют чаще, чем в а- и в-вариантах. ФСА на слово "загадочный" встречается реже, чем в а- и в-вариантах, поскольку его позиция (она осталась симметричной относительно лакуны: $0-0,091$ и $1-0,909 = 0,091$) меньше акцентируется в данном ДК.

Обратимся к 47 ДК.

47^а – Не кажется ли вам, что ребятам было *скучно*?

- Семь "двоек" за урок! Тут, *знаете* ли,...

47^б – Не кажется ли вам, что сегодня ребятам на уроке было *скучно*?

- Семь "двоек"! Тут, *знаете* ли,...

47^в – Скучно было ребятам, вам не показалось?

- Семь "двоек" за урок! Тут, *знаете* ли,...

ДК 47^а и 47^б в общем виде имеют такую же модель, как и 36^б – 2211 (Рис.2.2), а модель 47^в совпадает с моделью 36^а и 36^в (Рис.2.1). формула 47^а и 47^б – 22010 (2211) 47^в – 22100 (2201). Оптимальность размещения слова-стимула в пред-ГЦ и ГЦ соответственно свидетельствуют выходы ФСА: 47^а - 63,4%, 47^б - 23%. В 47^в ФСА составляют 18%. Во всех трех ДК ассоциации на другое слово-стимул незначительны (Таблица 2.5)

Очевидно, их выход в ДК обусловлен не гармонической позицией слов - стимулов (знаете, показалось), а диалогической структурой ДК, для которой свойственна формально-смысловая связь реплик в виде трансформаций и словообразовательных дериватов [Девкин, 1981,31].

Таблица 2.5
ФСА в ДК, 47^а, 47^б, 47^в

	всего	скучно	знаете	Показалось
47 ^а	101	64 (63,4%)	1 (0,99%)	-
47 ^б	100	23	28	-
47 ^в	100	18	1	1

Кроме того, слово *знаете* находится в конце второй реплики во всех вариантах ДК, а слово *показалось* в конце первой реплики в в-варианте, то есть в сильных пози-

Удалено: Очевидно, их выход в ДК обусловлен не гармонической позицией слов - стимулов (знаете, показалось), а диалогической структурой ДК, для которой свойственна формально-смысловая связь реплик в виде трансформаций и словообразовательных дериватов [Девкин, 1981,31].¶

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: "

циях конца. В диалогической структуре благодаря реципиентам возникает как бы третья реплика, "подхватывающая" последние слова (б-, в-варианты).

Выход вторичных ФСА произошел еще в 4 ДК: 2^{б,в}, 5^{а,в}, 33^{а,б}, 49^{б,в}. В количественном плане из них наиболее выделяются 2 и 5 ДК. Обратимся к ним.

2^а - А на старом месте его называли *адвокатом*.

- Ну так что ж. Значит имел дело с ...

2^б - А на старом месте, я слышал, его называли *адвокатом*.

- Значит, имел дело с ...

2^в - Адвокатом его называли на старом месте.

- Ну так что ж. Значит имел дело с ...

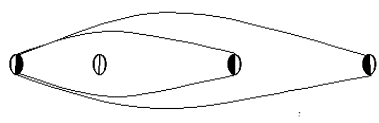
В 2^{б,в} ДК выходы ФСА на слово "дело", по-видимому, связаны с диалогическим характером контекстов, как и в 47 ДК. Данная причина может усиливаться и позицией стимулов. В 2^б ДК (форма 22012, рис. 2.2)

Стимул "дело" также находится в сильной позиции: в пределах внутреннего цикла зоны конца 0,854-1.

Контекст 2^в имеет иную циклическую модель (20011), (рис. 2.3). Она зеркально противоположна модели 2-0 (рис.2.1). Она характеризуется как начало-Гцстремительная. Стимул "адвокат" находится ближе к абсолютному началу текста (0,071), а стимул "дело" – к абсолютному концу. Отсутствие цикличности у ГЦн размывает ее границы и относит акценты к началу и концу ДК. Эти наблюдения подтверждаются градационной структурой данной модели –200+1+2 [Москальчук, 1998, с.239], где показано, как сначала уменьшается плотность циклов, а к концу возрастает. По этому критерию зоны начала и конца равновесны (-2/+2). Соответственно, и слова, находящиеся в этих зонах, с одинаковым успехом могут вызывать ФСА.

Удалено: д

Рисунок 2.3
Динамика формы 0-1

5^а – Так чем же вызвана необходимость *анестезии*?

- Как чем? *Необходимость* вызвана именно...

5^в – *Анестезия*? Чем же была вызвана ее *необходимость*?

- Как чем? *Необходимость* вызвана именно...

Оба эти ДК структурно однотипны /22020/ и реализуют форму 2 - 2 (Рисунок 2.4). Эта форма характеризуется как коцестремительная. Позиция стимула "анестезия" в а-варианте, по-видимому, является оптимальной (0,5). Судя по динамике уже проанализированных текстовых форм, имеющих симметричные позиции (0), цикл с такой точкой является весьма продленным, и позиция стимула нивелируется и /или размывается. Поэтому близость слова "анестезия" к ГЦ вызывает ФСА с частотностью 0,1 в а-варианте, а удаленность от зоны циклической напряженности и близость к абсолютному началу (0,075) в в-варианте ФСА не вызывает вообще. Ассоциации на стимул "необходимость" обусловлены его повторяемостью и позицией в тексте: в а-варианте 0,417 и 0,75; в в-варианте – 0,538 – 0,77. Они оказались в структурно сильных для данной модели позициях, что и дало ФСА – 4% и 1% соответственно.

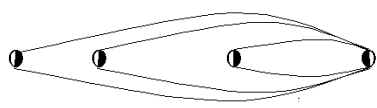
Удалено: ()
 Удалено:)
 Удалено: .
 Удалено: 5

Аналогичное объяснение может получить единичный случай вторичной ФСА на слово "приобрело" в 33^а ДК, имеющем ту же форму взаимодействия между позициями ГЦн и ГЦ, что и ДК 5^а и 5^в. (Рис. 2.4)

Удалено: 0

Удалено: ¶
 ¶

Удалено: 5

33^а – Услыхал это Васька, и приобрело его лицо **желтый** оттенок.

Удалено: ¶

Рис. 2.4
 Динамика форм

- Дождешься от Васькиного лица, чтобы оно когда-нибудь...

33^б – Услыхал это *Васька*, и стало его лицо каким-то **желтым**.

- Дождешься, чтобы *Васькино* лицо когда-нибудь...

Вторичный стимул в 33^б ДК повторяется дважды в позициях 0,18 и 0,8, симметричных относительно начала и конца ДК. Очевидно, этот фактор является немаловажным, чтобы случайно появился дериват "развесело" (1% от всех ассоциаций), причем в модели с выраженной восходящей градацией /22112/ и ГЦ начальнo-коцестремительными тенденциями (Рис. 2.2).

Удалено: ()
 Удалено:)

49^б - Он всегда все мог на *производстве* **привести в порядок**, но сам прожил жизнь...

49^в - **Привести в порядок** он все может на *производстве*, но сам прожил свою жизнь...

Вторичные дериваты на слово "производство" в обоих ДК появляются с вероятностью 0,01. Данные ДК имеют самую частотную структурную модель /22211/ форму 2 – 1 (Рис. 2.2), в которой наиболее сильной является позиция пред ГЦ. В обоих ДК вторичный стимул находится именно в ней: 0,417 в б-варианте и 0,545 в в-варианте, что не может не актуализировать его в некоторых случаях.

Удалено: г

Удалено: з

Удалено: в

Таким образом, анализ результатов гармонического варьирования ДК показал зависимость реакции ДП слова от его позиции в тексте. В разных структурных моделях слово, находящееся в деривационно продуктивной позиции, может реализовать свой ДП. Разумеется, успешность такой реализации и от онтологических свойств слова, и, особенно, от его семантико-смысловой нагрузки в контексте. Но даже слова, обладающие невысоким показателем последних, в благоприятных условиях могут реализовать свой ДП.

Удалено: ов

Удалено: т

Результаты анализа могут быть представлены в Таблице 2.6.

Таблица 2.6
Зависимость ДП слова от его позиции
в гармонической модели ДК

модель	ДК	ФСА ₁	позиция	ФСА ₂	Позиция
2 – 1	2б	0,04	0,618	0,01	0,866
	5б	0,07	0,618		
	10в	0,03	0,125		
	22б	0,03	0,618		
	33б	0,37	0,618	0,01	0,18=0,8
	36б	0,04	0,618	0,05	0,091
	46а	0,04	0,5		
	46б	0,14	0,618		
	48в	0,06	0,091		
	47а	0,63	0,533	0,01	0,866
	47б	0,23	0,618	0,02	0,866
	48б	0,02	0,618		
	49б	0,51	0,618	0,01	0,417
49в	0,28	0,167	0,01	0,545	
Среднее		0,204		0,017	
2 – 2	5а	0,1	0,5	0,04	0,417=0,75
	5в	0	0,075	0,01	0,538=0,77
	33а	0,19	0,5	0,01	0,313
	33в	0,35	0,063		
Среднее		0,16		0,02	
2 - 0	10а	0	0,714		
	10б	0,06	0,618		

	36а	0	0,429	0,22	0,43
	36в	0,02	0,143	0,1	0,286
	47в	0,18	0,077	0,01/0,01	0,462/0,847
	49а	0,49	0,5		
Среднее		0,125		0,113	
0 – 2	22а	0,16	0,333		
	22в	0,02	0,111		
1 – 2	2а	0,03	0,4		
1 – 1	48а	0,043	0,333		
	48в	0	0,067		
0 - 1	2в	0,06	0,071	0,04	0,857

Удалено: ¶

Количественный анализ ФСА показал связь позиции слова-стимула в ДК с успешностью реализации его ДП.

Рассмотрим качество ассоциаций в ДК в связи с его гармонической структурой.

Одним из условий ДАЭ было восполнение лакуны словом, первым пришедшим на ум, наиболее подходящим по смыслу. Как показывают результаты, реципиенты нередко предлагали неоднословные конструкции. С точки зрения семантики, слово противопоставляется словосочетанию как общее – частному, абстрактное – конкретному и т.п. Наложение этих данных на позиции гармонической структуры текста позволит выявить зависимость качественных параметров ассоциаций от позиции стимула в тексте.

Таблица 2.7.

Удалено: ¶

Зависимость качества ассоциаций от позиции слова-стимула

Тип ассоциаций	0 – 0,382			0,382 – 0,618			0,618		
	ДК	1 слово	> 1 слова	ДК	1 слово	> 1 слова	ДК	1 слово	> 1 слова
ФСА	33в	1	2	36а	1	0	26	4	2
	48в	0	0	49а	4	0	56	2	0
	2в	3	3	2а	2	0	106	5	0
	5в	1	0	5а	2	0	226	3	0
	47в	6	2	33а	2	1	336	4	2
	46в	2	2	46а	3	1	366	4	0
	22в	2	0	47а	4	1	466	2	5
	10в	1	1				476	4	8
	36в	2	0				486	1	0
	49в	3	1				496	5	2
	22а	4	2						
	48а	1	0						
	Среднее		26 66.67%	13 33.33%		18 85.71%	3 14.29%		34 64.15%
СА	33в	24	7	36а	50	5	26	42	8
	48в	29	8	49а	21	7	56	22	24

	2в	34	4	2а	38	2	106	21	10
	5в	22	17	5а	20	9	226	26	21
	47в	21	36	33а	17	6	336	20	16
	46в	19	2	46а	17	5	366	43	9
	22в	32	8	47а	16	5	466	16	2
	10в	20	14				476	21	17
	36в	40	0				486	40	11
	49в	25	10				496	15	39
	22а	29	6						
	48а	31	6						
Сред- нее		326 73.42%	118 26.58%		179 82.11%	39 17.89%		226 62.88%	157 37.12%
Всего		352 72.88%	131 27.12%		197 82.43%	42 17.57%		300 63.03%	176 36.94%

Наибольшее количество неоднословных ассоциаций (ФСА и СА) стимулирует позиция ГЦ (0,618). Можно охарактеризовать ее как зону конкретности. Наименьшее количество – зона пред-ГЦ(0,382-0,618), она характеризуется как зона абстрактности. При этом существует корреляция между качеством ФСА и ФС (Таблица 2.7).

Кроме того, по полученным результатам можно оценить уровень стабильности гармонической структуры ДК. Так, если слово-стимул стоит в ГЦ, то возрастает число неоднословных ассоциаций, а следовательно, удлиняется текст и слово-стимул сдвигается в зону пред-ГЦ. С этой точки зрения, наибольшей стабильностью характеризуются ДК со словом-стимулом в зоне пред-ГЦ.

Полученные данные, как представляется, могут быть актуальны и для лингвосоэнергетики, изучающей текст как динамическую самоорганизующуюся систему [Москальчук, 1998; Пищальникова, 1998; Сонин, Пищальникова, Москальчук, 1998 и др.]. Текст в процессе своего становления/порождения стремится принять наиболее адекватную форму, способствующую актуализации наиболее значимых смыслов в наиболее значимых позициях, как, например, зона пред-ГЦ. Нередко это ведет к удлинению текста (как показывают результаты ДАЭ) и, соответственно, к сдвигу позиционных структур "влево", к началу текста. Такое движение можно обозначить как компрессию семантики, смыслов текста в зоне его начала. Разумеется, данная гипотеза нуждается в дальнейших исследованиях на более широком экспериментальном материале.

Итак, рассмотрев экспериментальные материалы варьирования ДК по параметрам гармонической структуры текста, можно сделать выводы о несомненной связи позиции слова в тексте и успешности реализации его ДП. Кроме того, позиция слова определяет качественные и количественные параметры его дериватов.

Удалено: ¶

Рассмотрим качество ассоциаций в ДК в связи с его гармонической структурой. ¶
Одним из условий ДАЭ было восполнение лакуны словом, первым пришедшим на ум, наиболее подходящим по смыслу. Как показывают результаты, реципиенты нередко предлагали неоднословные конструкции. С точки зрения семантики, слово противопоставляется словосочетанию как общее – частному, абстрактное – конкретному и т.п. Наложение этих данных на позиции гармонической структуры текста позволит выяснить зависимость качественных параметров ассоциаций от позиции стимула в тексте. ¶
Наибольшее количество неоднословных ассоциаций (ФСА и СА) стимулирует позиция ГЦ(0,618). Можно охарактеризовать ее как зону конкретности. Наименьшее количество – зона пред-ГЦ(0,382-0,618), она характеризуется как зона абстрактности. При этом существует корреляция между качеством ФСА и ФСА. ¶

Удалено: с

§ 3. Грамматические параметры деривационного контекста и реализация деривационного потенциала слова

В деривационно-ассоциативном эксперименте каждый ДК определяет не только семантику лакуны и будущего ассоциата, но и его грамматическую форму с допустимой вариативностью. Другими словами, слово согласуется со своим контекстным окружением по роду, числу, падежу (имена), лицу, числу (глаголы) и т.д. В ДАЭ в ряде контекстов задаются довольно жесткие грамматические параметры возможному деривату. Таким образом, реципиент вынужден следовать грамматическим требованиям контекста и производить дериват, имеющий соответствующую форму. Рассмотрим, каким образом реагирует деривационный потенциал слова на грамматическую заданность деривата.

Удалено: ¶
2.2. Грамматическое варьирование деривационных контекстов¶
Удалено: ДАЭ

§ 3.1. Зависимость деривационного потенциала слова от грамматической заданности деривата (по роду и числу)

Одним из жестких параметров, задаваемых контекстом предполагаемому деривату, является род для имен существительных. Категория рода у существительных в русском языке является классифицирующей, или лексико-грамматической. В большинстве случаев она не вариативна. Производные существительные также маркированы по родовому принципу вследствие маркированности словообразовательных аффиксов. Лишь во множественном числе род не различается (за исключением употреблений в так называемых диагностических контекстах [Зализняк, 1967, с. 62-81]). С учетом этих особенностей в ходе ДАЭ производилось грамматическое варьирование двух ДК с целью изучения зависимости ДП слова от грамматических параметров его дериватов, заданных контекстуально.

Удалено: Однако контекст может задавать и гораздо более
Удалено: е
Удалено: ы
Удалено: ожидаемого
Удалено: слова
Удалено: например,
Удалено: у
Удалено: (за исключением существительных pluralia tantum)
Удалено: и
Удалено: ы
Удалено: ю

Варьированию подверглись 8 слов в составе 44^{а-г} и 41^{а-г} контекстов.

44. Каков(а) А (машина, паровоз, станок, трактор), таков(а, о, ы) и А'

41. Он (на) весь свет А ((не) любить, ненавидеть, презирать, прогневанный, ненавидеть и презирать, презирать и ненавидеть). И откуда взялся (а, о, и) в нем ЭТОТ (а, о, и)... А'

Литерой “А” обозначена позиция стимула, литерой “А'” – позиция реакции.

ФСА и их количественные показатели на стимулы 44 ДК отражены в Таблице

2.8.

Удалено:
Удалено: ...(
Удалено: 1
Удалено:)
Удалено: машина¶
паровоз¶
станок¶
трактор¶
Удалено: .
Удалено: (
Удалено:)
Удалено: (не) любить¶
ненавидеть¶
презирать¶
прогневанный¶
ненавидеть и презирать¶
презирать и ненавидеть.¶
Удалено: 2.1

Результаты показывают, что грамматические параметры деривата, задаваемые контекстом, являются мощным фактором, влияющим на реализацию ДП слова. Контекст задает вполне широкий семантический спектр предполагаемых дериватов "А' = кто/что имеет отношение к А". СА вполне соответствуют этому параметру. ФСА в своем большинстве называют человека, работающего с А, использующего А. Традиционно в русском языке существительные, называющие человека по профессии, имеют мужской род, поэтому количественно дериваты в а-вариантах превосходят ФСА в других вариантах. Таким образом, требования контекста подкрепляются общезыковой нормой.

Таблица 2.8
Распределение ФСА в ДК 44

44. Каков (а) А, таков (а, о, ы) и А'				
Слово А	ФСА в А-варианте м.р.	ФСА в Б-варианте ж.р.	ФСА в В-варианте ср.р.	ФСА в Г- варианте мн.ч.
Машина	Машинист – 2	Нет ФСА	Нет ФСА	Контекст не представлен
Всего	124	101	101	
Б/о	0	11 (10,89%)	29 (28,71%)	
ФСА	2 (1,61%)	0	0	
Паровоз	Тепловоз - 3	Нет ФСА	Нет ФСА	Паровозники – 1
Всего	101	100	102	100
Б/о	0	0	8 (7,84%)	1
ФСА	3 (2,97%)	0	0	1
Станок	Станочник – 8, хозяин станка – 2, стан – 1, становщик – 1, человек у станка – 1	Кто направляет станок – 1, обстановка – 1, работника-станочница – 1, станочная работа – 1, станчиха – 1	Нет ФСА	Контекст не представлен
Всего	103	106	100	
Б/о	4 (3,88%)	1 (0,94%)	6	
ФСА	13 (12,62%)	5 (4,72%)	0	
Трактор	Тракторист – 64, тракторщик – 2	Трактористка – 19, жизнь тракториста – 1, польза от трактора – 1, тракторист – 1, тракториха – 1	Лицо тракториста – 2, тракторист – 2, название трактора – 1, тракторище – 1	Контекст не представлен
Всего	102	100	107	
Б/о	1 (0,98)	0	7 (6,54%)	

Удалено: Противоречие между нормами языка и требованиями ДК (б-, в-варианты) резко снижает количество дериватов. Если норма допускает женский род при наименовании лиц, то средний род запрещается, поэтому в в-варианте наименьшее количество ФСА. Противоречие между нормами и контекстными условиями проявляется в количестве отказов от ответа: а – 1,16%; б-2,87%; в – 12,19%. Попытку избежать конфликт между нормой и ДК демонстрируют ФСА, обозначающие не лицо, а явления, имеющие отношение к А. Семантика контекста, довольно широкая, вполне это допускает. Так в б-варианте (Каков (а) А, такова и А') появляются ФСА *кто направляет станок – 1, обстановка – 1, станочная работа – 1; жизнь тракториста – 1, польза от трактора – 1*; в в-варианте (Каков (а) А, таково и А') – *лицо тракториста – 2, название трактора – 1*. Описательные ФСА появляются и в а-варианте (Каков (а) А, таков и ... *хозяин станка – 2, человек у ст* ... [11])

- Удалено: 2.1
- Удалено: ¶
- Удалено: -
- Удалено: с
- Удалено: ¶
- Удалено: к
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: т
- Удалено: ¶
- Удалено: л
- Удалено: ¶
- Удалено: Т
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶
- Удалено: ¶

ФСА	66 (64,71%)	23	6 (5,61%)	
Всего по ДК	430	417	410	
Б/о	5 (1,16%)	12 (2,87%)	50 (12,19%)	
ФСА	84 (19,53%)	28 (6,71%)	6 (1,46%)	

Противоречие между нормами языка и требованиями ДК (б-, в-варианты) резко снижает количество дериватов. Если норма допускает женский род при наименовании лиц, то средний род запрещается, поэтому в в-варианте наименьшее количество ФСА. Противоречие между нормами и контекстными условиями проявляется в количестве отказов от ответа: а – 1,16%; б-2,87%; в – 12,19%. Попытку избежать конфликт между нормой и ДК демонстрируют ФСА, обозначающие не лицо, а явления, имеющие отношение к А. Семантика контекста, довольно широкая, вполне это допускает. Так в б-варианте (Каков (а) А, такова и А⁰) появляются ФСА *кто направляет станок – 1, обстановка – 1, станочная работа – 1; жизнь тракториста – 1, польза от трактора – 1; в в-варианте (Каков (а) А, таково и А⁰) - лицо тракториста – 2, название трактора – 1. Описательные ФСА появляются и в а-варианте (Каков (а) А, таков и ... хозяин станка – 2, человек у станка – 1), по-видимому, в силу таких причин, как сложность в образовании односложного деривата, широкая семантика лакуны, модель ДК (2-0) с размытой зоной пред-ГЦ, в которой находится стимул.*

Особого внимания заслуживают ФСА на слова *машина* и *паровоз*. В б-(ж.р.) и в-вариантах (ср.р.) на них вообще отсутствуют ФСА, а в а-варианте (м.р.) *машинист* – 2 и *тепловоз* – 3 соответственно. В первом ФСА *машинист* является окказиональным в таком употреблении, оно чаще употребляется при наименовании лиц, управляющих железнодорожным транспортом. Эта реакция является самой частотной (82%) на слово *паровоз* в а-варианте (м.р.). Его аналог для слова *машина* – *водитель* и *шофер* (50,81% и 26,61% соответственно в а-варианте) Тем не менее, появление деривата *машинист* свидетельствует о стремлении говорящего придавать сходную форму словам, имеющим общие компоненты содержания. Это стремление подкрепляется продуктивностью и регулярностью действия словообразовательной модели “сущ.+ист” (а также и “сущ.+щик” – *становщик, тракторщик*) при именовании лиц по предмету в профессиональной терминологии.

Удалено: МЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕРИВАЦИИ????
 Результаты показывают, что грамматические параметры деривата, задаваемые контекстом, являются мощным фактором, влияющим на реализацию ДП слова. Контекст задает вполне широкий семантический спектр предполагаемых дериватов “А⁰ = кто/что имеет отношение к А”. СА вполне соответствуют этому параметру. ФСА в своем большинстве называют человека, работающего с А, использующего А. Традиционно в русском языке существительные, называющие человека по профессии, имеют мужской род, поэтому количественно дериваты в а-вариантах превосходят ФСА в других вариантах. Таким образом, требования контекста подкрепляются общеязыковой нормой.

Появление ФСА *тепловоз* связано, по-видимому, с другими причинами, в частности с особенностями ДК. Так, контексты типа *Каков А, таков и А'* весьма распространены в устном народном творчестве, в языке пословиц. Например, в сборнике В. Даля "Пословицы русского народа" [1994] довольно часто встречаются конструкции этого типа: *Каков пан, таков на нем и жулан; Каковы сани, таковы и сами; Каков поп, таков и приход* и т.д. Их вполне можно отнести к разряду фразеологизированных синтаксических структур, отличительными признаками которых являются: "1. Устойчивость модели в целом, а также одной из ее частей; 2. Воспроизводимость модели в речи при свободе лексического наполнения; 3. Синтаксико-фразеологическая связь; 4. Стабильность расположения компонентов; 5. Семантическая целостность; 6. Образность, экспрессивность, субъективно-модальный план" [Синтаксис сложного предложения, 1985, с. 3]. Еще одной особенностью данной структуры является ее рифменность, что нашло свое отражение в характере ФСА (*паровоз - тепловоз*), где звуковое сходство основывается на морфемной общности. Подобного рода рифменные дериваты с опорой за морфемную общность встречаются как ассоциаты на слово *машина* (*дружина - 1, судьбина - 1* в б-варианте), помимо чисто фонетических (*а: водила - 2; б: шина - 4; в: возило - 3, шина - 1*). Это свидетельствует о потенциальной членимости слова в речи [Земская, 1992; 1987 и др.; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Левицкий, 1994]. Собственно рифменные дериваты, мотивированные исключительно фонетическим сходством можно считать формальными ассоциациями (ФА) (*паровоз - овец*).

Удалено: ¶

Удалено: К

Удалено:

Удалено: Так,

Удалено: и

Удалено: "

Удалено: "

Удалено: и

Удалено: -

Удалено: -

Удалено: -

Фразеологизированность ДК проявляется и в детерминации его второй частью (*таков и ...*) устойчивых оборотов, воспроизводящихся в речи. Среди СА встречаются в а-варианте – *таков... итог - 1 (на стимул машина)*, в б-варианте – *такова... жизнь (3 - на стимул машина, 2 - на стимул паровоз, 1 - на стимул трактор)*, *судьба (1 - на стимул машина, 1 - на стимул трактор)*, *жизнь (1 - на стимул паровоз*, явная аналогия с "такова жизнь"). В целом, можно говорить о воздействии на реализацию семантико-синтаксических особенностей контекста, в частности его фразеологизированности.

Удалено: ¶

Результаты заполнения лакуны ФСА в 44^{а-г} ДК (*Каков А, таков и А'*) свидетельствуют о мощном влиянии нормы на реализацию ДП слова, которое выражается в количественных показателях *деривационных ассоциаций*. При этом обращает на себя внимание факт нарушения требований контекста в желании следовать норме: в б- и в-вариантах появляются дериваты, ошибочные с точки зрения ДК, но вполне соответ-

Удалено: с

Удалено: ДА

Удалено: П

вующие норме (*тракторист на ж. и ср.р.*), а также случаи исправления контекста (*машина: б (ж.р.)- таков и шофер; в (ср.р.)- таков и хозяин*), что вполне характерно для живой речи.

Рассмотрим результаты аналогичного варьирования 41 ДК (Таблица 2.9.)

Удалено: ТЕКСТ ДАТЬ С ПРИМЕРАМИ! 2.2 ... [12]

Таблица 2.9
Распределение ФСА в ДК 41^{а.б.в}

Удалено: 2.2

Слово	А-вариант м.р.	Б-вариант ж.р.	В-вариант ср.р.	Г-вариант мн.ч.
(Не) любить	Нет ФСА	Любовь = 1	Самолюбие – 4, нелюбовь – 2, себялюбие – 2, недружелюбие – 1	Контекст не представлен
Всего	100	110	203	
Б/о	3	0	3 (1,48%)	
ФСА	0	1 (0,91%)	10 (4,93%)	
Ненавидеть	Ненавистный взгляд – 1, ненавистный тон – 1, ненависть – 1	Ненависть – 90, жестокость и ненависть – 1, ненависть и презрение – 1	Ненависть – 8, ненавистничество – 7, ненавидение – 2, видимо – 1, ненавиденье – 1, ненавидительство – 1, ненавидимое – 1, ненавидчивость – 1, ненави-ство – 1, ненавист-ное – 1, ненавистье – 1	Ненависти – 6, злость и ненависть – 1, качества (ненависть и злость) – 1, ненависть и зло – 1, человеконенавистнические настроения – 1
Всего	103	143	100	154
Б/о	20 (19,42%)	0	5	3 (1,95%)
ФСА	3 (2,91%)	92 (64,34%)	25	10 (6,49%)
Презирать	Огнь презрения – 1, презиратель – 1, презрение – 1, презритель – 1, это презрение – 1	Презрительность – 5, презрение – 1, презренность – 1	Презрение – 35	Презрения – 8, презирания – 1
Всего	112	101	107	107
Б/о	4 (3,57%)	1 (0,99%)	2 (1,87%)	5 (4,67%)
ФСА	5 (4,46%)	7 (6,93%)	35 (32,71%)	9 (8,41%)

Удалено: 1 ... [13]

Удалено: н... 1 ... [14]

Удалено: н... 1
... 1
... 1
е... 1
... 1
... 1
... 1
... 1
... 1
к... 1 ... [15]

Удалено: 1

Удалено: 1
1
1
1 ... [16]

Удалено: о... 1
... 1
... 1
... 1
... 1 ... [17]

Удалено: п... 1 ... [18]

Удалено: ... 1
... 1
... 1 ... [19]

Удалено: ... 1 ... [20]

образованием окказиональных слов и форм слова (*ненавидеть: ненависти – 6, злость и ненависть – 1, качества (ненависть и злость) – 1, ненависть и зло – 1, человеконенавистнические настроения – 1; презирать: презрения – 8, презирания – 1; прогневанный: гнев – 3, гнев и ненависть – 1*).

Постановка двух стимулов в ДК позволяет оценить силу ДП слов (Таблица 2.10). В обоих случаях (*ненавидеть и презирать, презирать и ненавидеть*) доминируют ФСА на слово *ненавидеть*. При этом их позиция в ДК влияет лишь на общее количество дериватов. ДП слова *ненавидеть* самый высокий в сравнении с ДП слов *любить, презирать, прогневанный*. По-видимому, это обусловлено онтологическими свойствами слова: его членимостью, стилистической нейтральностью, высокой частотой употребления в речи его самого и его самого частотного деривата *ненавидеть*. Высокочастотные показатели слова *любить* в данных условиях не способствуют его деривационной продуктивности, так как оно в ДАЭ употребляется с отрицательной частицей *НЕ*, способствующей формированию отрицательной семантики у ассоциатов, которая входит в противоречие с его деривационными возможностями и возможностями его дериватов.

Удалено: .

Удалено: жс

Удалено: (36-632-15-2 соответственно[ЧС])

Удалено: (41 – ЧС и 233 в 44 ДК; соотношение других дериватов: презрение – 22 и 46; гнев – 35 и 44)

Удалено:

Таблица 2.9
Распределение ФСА в ДК 41^Г

41 г. Он (на) весь свет А и Б. Откуда взялись в нем эти А'/Б'.	
Слова-стимулы	ФСА
<u>Ненавидеть и презирать</u>	<u>Ненависть – 13, презрения – 10, ненависти – 2, ненавидки и презиралки – 1, ненависти и презрение – 1, ненавистки – 1, ненависть и презрение – 1, презиралки – 1, презирания – 1, презренства и ненавидки – 1, презренья – 1, чувства зла, ненависти – 1</u> 135 3 (2,22%) 34 (25,19%)
<u>Презирать и ненавидеть</u>	<u>Черты ненависти – 2, ненавидения – 1, ненависти – 1, презрения – 1</u>
Всего	112
Б/о	0
ФСА	5 (4,5%)

Проанализировав результаты грамматического варьирования 41 и 44 ДК, можно сделать вывод о том, что характер реализации ДП слова имеет зависимость от общеязыковой нормы, регулирующей образование дериватов, и контекстной заданности его грамматической формы. Там, где эти требования совпадают, ДП слова реализуется наиболее активно. В конфликтных случаях противоречие снимается в пользу контекстных, или функционально-речевых условий. При этом снижается количество дериватов, но повышается их разнообразие, чему способствуют онтологические свойства актуализированного в ДК слова. В случаях, когда противоречие снимается в пользу нормативно-системных параметров, возникают ошибки несогласования с контекстом. Однако подобные нарушения правил внутритекстовой сочетаемости слов можно расценить и как стремление результата (ассоциата) воздействовать на контекст снятием грамматических ограничений (в частности, по роду и числу) с целью реализации своего ДП.

Удалено: ¶

Удалено: успешная

Удалено: я

Удалено: успешно

Удалено:

Удалено:

Удалено:

Стремление слова реализовать свой ДП, несмотря на множество ограничений, свидетельствует о постоянной деривационной готовности слова влиться в общеречевой, общетекстовый деривационный континуум, где его ДП может органично реализоваться.

Удалено: континуум

§ 3.2. Зависимость деривационного потенциала слова

Удалено: ¶

от сочетаемостных свойств деривата

Деривационный контекст, как рассматривалось выше, управляя грамматическими параметрами слова-реакции, способен оказывать влияние на реализацию ДП слова-стимула. В ходе ДАЭ осуществлялся еще один вид грамматического варьирования ДК, заключающийся в изменении сочетаемостных³ свойств предполагаемого ассоциата. С этой целью в ДК 22 производилась замена местоимений *кого* и *что*. Эти местоимения в ДК указывают на объект действия и могут обозначать Р.п. и В.п. В ходе контекстного варьирования осуществлялась попытка выявлять влияние валентностных параметров слова на реализацию его ДП. Исследованию подверглись 7 слов в пределах одного ДК:

Удалено: * * * ¶
ДК

Удалено: обозначают

Удалено: -В.п.

Удалено: . соответственно

Удалено: и

Удалено: актуализированного слова

22₂ – Он подлинный А (волшебник^{1,4}, врач^{1,2}, колдун^{1,2}, кудесник^{1,2}, маг^{1,2}, целитель^{1,2}, чародей^{1,2}).

³ Термины *валентность* и *сочетаемость* употребляются как синонимы на основании определения *валентности* как "общей сочетательной способности слов" [ЛЭС, 1990, с.79-80].

– И кого он, скажи на милость А^{1,2}?

Удалено: - И ... [21]

22^a – Он подлинный А (волшебник^{1,4}, врач^{1,2}, колдун^{1,2}, кудесник^{1,2}, маг^{1,2}, целитель^{1,2}, чародей^{1,2}).

Удалено: ...- Он [22]

– И что он скажи, на милость А^{1,2}?

Удалено: - [23]

Результаты поконтекстного распределения дериватов отражены в Таблице 2.11.

Таблица 2.11.
Распределение ФСА в ДК 22

22. - Он подлинный А.		
- И кого/что он скажи, на милость А ^{1,2} ?		
Слово	кого	Что
Волшебник	Нет ФСА	Волшебного – 13, в нем волшебного – 2, за волшебство – 2, волшебнит – 1, волшебного в нем – 1, наволшебничал – 1
Всего	103	123
Б/о	2 (1,94%)	7 (5,69%)
ФСА	0	20 (16,26%)
Врач	Нет ФСА	Врачует – 6, за врач – 1
Всего	126	107
Б/о	0	4 (3,74%)
ФСА	0	7 (6,54%)
Колдун	Заколдовал – 49, окролдовал – 33, заколдует – 2, заколдовывает – 1, колдун – 1, колдуют – 1, наколдовал – 1, не заколдует – 1, расколдовывает – 1, сколдовал – 1	Наколдовал – 32, колдует – 15, заколдовал – 4, наколдовывает – 2, выколдует – 1, заколдовывает – 1, колдует все – 1, не колдует – 1, не может колдовать – 1, расколдовал – 1, сколдовал – 1
Всего	107	100
Б/о	3 (2,80%)	1
ФСА	91 (85,05%)	60
Кудесник	Кудесничает – 1, окудесил – 1, раскудесил – 1	Накудесничал – 12, кудесит – 5, скудесничал – 4, кудесничает – 3, накудесил – 2, откудесил – 1
Всего	100	100
Б/о	8	4
ФСА	3	27
Маг	Мак – 2, обмагнитил – 2, замагичил – 1, замагнитизировал – 1, замагнитил – 1, замаговал – 1, магает – 1, магирует – 1, магичит – 1, обмакнул – 1, смаги-	Магит – 1, магичит – 1, намагировал – 1

Удалено: 1 волшебник^{1,4} врач^{1,2} колдун^{1,2} кудесник^{1,2} маг^{1,2} целитель^{1,2} чародей^{1,2} 2.3. [23]

Удалено: 1 2.3. [24]

Удалено: в... [25]

Удалено: 1 3 [26]

Удалено: з... [27]

Удалено: 1 [28]

Удалено: к... [29]

Удалено: 1 [30]

Удалено: м... [31]

Удалено: м... [32]

	чил – 1 ₁	
Всего	127	101
Б/о	8 (6,30%)	16 (15,84%)
ФСА	13 (10,24%)	3 (2,97%)

Удалено: ¶

Удалено: ¶

Продолжение Таблицы 2.11.
Распределение ФСА в ДК 22

Цели- тель	<u>Исцелил – 4₉ исцеляет – 11₁ исцелит – 5₁ целит – 2₁ исцелил в своей жизни – 1₁ он не исцелил – 1₁</u>	<u>Исцеляет – 23₁ исцелил – 22₁ целит – 7₁ выцелил – 1₁ выцелит – 1₁ выцеляет – 1₁ исцелил у тебя – 1₁ умеет исцелять – 1₁ целил – 1₁</u>
Всего	110	109
Б/о	2 (1,82%)	2 (1,83%)
ФСА	69 (62,73%)	58 (53,21%)
Чаро- дей	<u>Очаровал – 14₁ чародеит – 3₁ зачаровал – 1₁ не очарует – 1₁ очаровывает – 1₁ очародеит – 1₁ очародеил – 1₁ чародействует – 1₁ чароит – 1₁ чарует – 1₁ сделал – 5₁ делает – 3</u>	<u>Зачаровал – 2₁ очаровал – 2₁ начаровал – 1₁ чародеит – 1₁ сделал – 21₁ делает – 17₁ здесь делает – 7₁ сделает – 3₁ может сделать – 2₁ тут делает – 2₁ должен делать – 1₁ злодей – 1₁ не может не сделать – 1₁ не сделает – 1₁ только не может сделать – 1₁ хочет сделать – 1₁</u>
Всего	100	106
Б/о	8	8 (7,55%)
ФСА	33	64 (60,38%)

Удалено: и...¶

... [33]

Удалено: ¶

... [34]

Удалено: о...¶

... [35]

Удалено: ¶

... [36]

Контекст формирует значение лакуны и требует ее заполнения глаголом 3 лица, ед.ч. настоящего/будущего времени или м.р., ед.ч. прошедшего времени изъявительного наклонения со значением действия, свойственного тому, кто назван А. Поконтекстное сравнение количества и качества дериватов свидетельствует об имеющихся различиях. Так, количество ФСА в 22^а ДК (далее – ДК-что) превышает количество ФСА в 22 ДК (далее – ДК-кого) на 5%. Это различие значимо⁴ при вероятности ошибки в 2%. Количество ФСА по коэффициенту разнообразия ФСА практически не различается

⁴ Значимость различия статистических параметров определялась в соответствии с критерием углового преобразования Фишера, рассчитываемого по формуле $\varphi^* = (\varphi_1 * \varphi_2) * \sqrt{(n_1 * n_2) / (n_1 + n_2)}$, где φ_1 – угол, соответствующий большей процентной доле, φ_2 – угол, соответствующий меньшей процентной доле, n_1 – количество наблюдений в выборке 1, n_2 – количество наблюдений в выборке 2. Критические значения для φ^* : $1,64 < \varphi^* < 2,31$ при вероятности ошибки в 5% [Сидоренко, 1996, с. 158 – 176].

Удалено: -

(ДК-кого=0,799 и ДК-что - 0,778), по коэффициенту однообразия различия существенны при возможности ошибки меньше 1% (ДК-кого - 0,714, ДК-что-0,547). Таким образом, в ДК-кого однотипных ФСА больше, чем в ДК-что. Очевидно, это вызвано характером ДК, которые различаются лишь одним словом, определяющим сочетаемостными свойствами стимулов.

- Удалено: 22
- Удалено: 22^a
- Удалено: 22
- Удалено: 22^a
- Удалено: т
- Удалено: о.,
- Удалено: 22
- Удалено: 22^a

Качество и количество ФСА различается у каждого актуализируемого слова в пределах пары ДК.

У слова *волшебник* реализуется ДП только в ДК-что, как и у слова *врач*. Преобладают, вопреки ожидаемому, именные дериваты (*волшебного* - 16, *волшебство* - 2), встречаются лишь два глагола (*волшебнит* - 1, *наволшебничал* - 1). Очевидно, контекст способствует аналитическому восприятию слова, его членению, что ведет к реконструкции его деривационной истории. Только в одном случае из 20 ФСА дериват производится перспективно, с опорой на синтетизм - *наволшебничал*. В большинстве случаев выделяется производящая основа *волшебн-*, свидетельствующая о ретроспективном направлении деривации. В наиболее частотной реакции как бы опускается местоимение *он* или возможный глагол *сделал*.

- Удалено: 22^a
- Удалено: ...
- Удалено: ...
- Удалено: ...

Вообще именные дериваты склонны к исправлению контекста, при котором выпускается личное местоимение *он*. Полностью следуют требованиям ДК лишь ФСА-глаголы и именная конструкция предикативного типа "за *волшебство*", частотная в разговорной речи в вопросительных конструкциях типа "Что он за человек? Что это за история?". Хотя в данном случае эту ФСА можно квалифицировать как "предлог за + сущ. в В.п.", что по Г.А. Золотовой, является предикатирующим компонентом предложения [Золотова, 1988, с.407]. Однако многочисленность подобных конструкций среди ФСА говорит в пользу первой гипотезы.

- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: .
- Удалено: в
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: Лишь глаголы-ФСА
- Удалено: п
- Удалено: В
- Удалено: ий
- Удалено: 22
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: -
- Удалено: этим
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "врач"
- Удалено: ,
- Удалено: ,
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "

В контекстах со словом *врач* ситуация повторяется: отсутствуют дериваты в ДК-кого. Из ФСА можно отметить лишь два случая *врачует* - 6, *за врач* - 1. Последний того же типа, что и *за волшебство*, - предикативная именная конструкция. Невысокий выход ФСА-глаголов можно объяснить общеязыковой традицией употребления с существительным *врач* глагола *лечить* в значении действия, свойственного называемому субъекту. Однако другая тенденция - тенденция сходным образом передавать сходное содержание - обусловила появление ФСА *врачевать*. При этом слово *врач* уже не членится, воспринимается аналитически, и направление деривации - перспективное.

Отсутствие дериватов на слова *волшебник* и *врач* в ДК-кого объясняется по-видимому, неспособностью слова реализовать свой ДП в конкретных контекстных условиях, определяемых вариацией местоимения *кого/что*. Как показывают результаты, вариант ДК-кого сужает, конкретизирует семантику, ставит более жесткие рамки, которые оказываются тесны для дериватов данных слов. Большой вариативностью обладает ДК-что, которая позволит реализовать семантику лакуны в ФСА, варьируя сам ДК или обнаруживая в нем аналогии других синтаксических конструкций, способных снять ограничения экспериментального ДК.

- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено: 22
- Удалено: с "
- Удалено: "
- Удалено: со "
- Удалено: "
- Удалено: видя

Более детально условия реализации ДП слова в этих ДК можно рассмотреть на материале других слов, дающих дериваты в обоих ДК.

Количество ФСА на слово *колдун* в ДК-кого на 25,05% превосходит количество ФСА в ДК-что. Это различие является существенным при вероятности ошибки меньше 1% (подсчитывалось по критерию углового преобразования Фишера [Сидоренко, 1996, с.158-176] – сноска 4 на с. 68 данной работы). Имеются и качественные различия в ФСА между этими ДК. В частности, различие в направлении деривации. Традиционного направлении деривации "от простого к сложному" определяется как перспективное, а "от сложного к простому" – ретроспективное. Ретроспективная деривация представлена лексемой *колдовать* → *колдун* (17 в ДК-что и 1 в ДК-кого), в остальных случаях (кроме *колдуц* – грамматический дериват) – перспективная. Строго говоря, это ретроспективно-перспективная деривация, которая не представлена в словообразовательных словарях; она происходит по схеме *колдун* → (**колдовать*) → *заколдовать*, где средний член опускается. Тем не менее, в соответствии с определением, будем называть ее перспективной, так как реализуется тенденция "от (более) простого к (более) сложному". Так, ретроспективная деривация в ДК-кого представлена единичной ФСА, а в ДК-что – 17 ФСА. Таким образом, тенденция к аналитизму при образовании дериватов в ДК-что преобладает при слабости таковой в ДК-кого. Однако, в обоих контекстах доминируют "перспективные" дериваты, которые формально-семантически сложнее своего источника, что свидетельствует о целостном, синтетическом восприятии слова.

- Удалено: – "
- Удалено: "
- Удалено: .
- Удалено: – "
- Удалено: "
- Удалено: ц*
- Удалено: [Сидоренко, 1996, с.158-176].

В этих ДК дериваты различаются и своими категориальными характеристиками. Так, в ДК-кого доминируют переходные глаголы совершенного вида (СВ-п) – 87 из 90% в ДК-что – СВ-н (непереходные глаголы СВ) – 34, НСВ-н – 19, СВ-п – 5, НСВ-п – 2 – явное доминирование непереходных глаголов, не имеющих прямого объекта и ха-

- Удалено: ?
- Удалено: что–
- Удалено: 1в
- Удалено: кого–
- Удалено: "
- Удалено: "
- Удалено:
- Удалено: яется
- Удалено: ?
- Удалено: ?
- Удалено:
- Удалено: – "
- Удалено: "
- Удалено: Т.о.

- Удалено: П
- Удалено: Н
- Удалено: Н
- Удалено: -19
- Удалено: П
- Удалено: -5
- Удалено: П-2

рактизирующих субъекта действия. Таким образом, ДК-кого задает более жесткие семантико-грамматические рамки, чем ДК-что.

Удалено: .о.

Те же тенденции наблюдаются и в других ДК со словами *кудесник*, *маг*, *целитель* и *чародей*.

В ДК-кого со словом *кудесник* отсутствуют ретроспективные дериваты, в ДК-что их 5 (*кудесит* – 5), то есть в ДК-что аналитическая тенденция сильнее, чем в ДК-кого. В целом, преобладает синтетизм, при котором слово не членится, и производные образуются от основы *-кудесник/ч-* (*кудесничает* – 4, *накудесничал* – 12, *скудесничал* – 4). Грамматические параметры дериватов также отличны: в ДК-кого СВ-п – 2, НСВ-н – 1; в ДК-что НСВ-н – 8, СВ-н – 18, то есть доминируют глаголы непереходные.

Удалено: .е.

Удалено: и

Удалено: –

Удалено: П-2

Удалено:

Удалено: Н-

Удалено: Н

Удалено: -(

Удалено: Н

Удалено: -

Удалено: Причем

Удалено:

Удалено: и

Удалено: производная

Общее количество ФСА в ДК-кого уступает количеству ФСА в ДК-что. Причин этому, как минимум, две: 1) жесткие рамки ДК; 2) аналогичные свойства слова, имеющего связный корень, а также его стилистическая окраска и нечастость употребления.

Иначе реализует свой ДП слово *маг*. Все дериваты являются окказианальными. В русском языке это заимствованное слово непроизводное (в отличие от всех остальных, *врач* – диахронически производное (см.: главу 4 настоящего исследования), что, видимо, интуитивно воспринимается носителями русского языка) и само не дает производных. Слово воспринимается синтетически, и направление деривации – перспективное в обоих ДК. В ДК-кого доминируют реакции СВ-п, в ДК-что – непереходные глаголы НСВ-н – 2, СВ-н – 1.

Удалено: П

Удалено:

Удалено: Н

Удалено: Н

Соотношение дериватов в ДК-кого и ДК-что со словом *маг* складывается в пользу ДК-кого, как и в ДК со словами *колдун* и *целитель*. Причины этого, очевидно, заключаются в семантике этих слов: деятельность *мага*, *кудесника* и *целителя* направлена в первую очередь на человека (*кого*), а уже потом на предметный мир (*что*).

В ДК со словом *целитель* в обоих контекстах доминируют глаголы переходные, требующие прямого объекта, как одушевленного, так и неодушевленного: в ДК-кого СВ-п – 56 и НСВ-п – 13, в ДК-что СВ-п – 25, НСВ-п – 33. Ретроспективная деривация и тенденция к аналитизму в ДК-что более, чем в ДК-кого. Эта тенденция наиболее ярко проявляет себя в ДК со словом *чародей*, являющемся сложным. В ДК актуализируются оба его корня, но соотношение разное: в ДК-кого *-чар-* – 25, *-дей-* – 28, в ДК-что *-чар-* – 6, *-дей-* – 58. В ДК-кого ФСА от основы *-чародей-* превышают количество таких ФСА в

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: и

Удалено: –

Удалено: е

ДК-что. Соотношение грамматических показателей глаголов-derivатов выглядит следующим образом: в ДК-кого СВ-п – 22, НСВ-н – 4, НСВ-п – 7; в ДК-кого СВ-п – 34, СВ-н – 1, НСВ-п – 27, НСВ-н – 1. В обоих контекстах доминируют переходные глаголы с направленностью на прямой объект.

Удалено: П

Удалено: Н

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: Н

Удалено: П

Удалено: Н

По результатам грамматического варьирования ДК с целью выявления зависимости реализации ДП слова от сочетаемостных (валентностных) параметров деривата можно сделать следующие выводы:

1. При актуализации объектно-личностной валентности (*кого*) деривата доминируют среди ФСА переходные глаголы совершенного вида, а при объектно-предметной валентности (*что*) – непереходные глаголы СВ и НСВ. Среди СА также в ДК-кого доминируют переходные глаголы СВ (76,69% от всех СА); в ДК-что эта ситуация меняется от ДК к ДК, а общая статистика (СВ-п 38,57%; НСВ-п 31,57%; НСВ-н 15,01%; СВ-н 14,85%) показывает превосходство глаголов СВ-п. Общая статистика для ДК-кого: СВ-п 76,69%; НСВ-п 16,99%; НСВ-н 4,77%; СВ-н 1,55%. Все эти различия вызваны семантико-синтаксическими особенностями ДК. ДК-кого в большей степени конкретизирует грамматические параметры деривата, который должен соответствовать двойной антропонимичности ДК, где субъект и возможный объект (*кого*) – антропимы (во всяком случае объект – одушевленный). Это способствует реализации переходных глаголов [Акимова, 1981, с.28-32; 1990, с. 19-26]. Данный ДК формирует значение действия, присущего субъекту, как целостного и уже приводящего к результату (ДК начинается с утверждения), что подкрепляется второй частью ДК (... *кого он* ...). А значение целостности и результативности более характерно для СВ [Бондарко, 1971; Бондарко, Буланин, 1967].

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: Н

Удалено: Н

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: П

Удалено: Н

Удалено: Н

ДК-что обладает меньшей степенью конкретизации грамматических параметров деривата, чем ДК-кого. Как оказалось, местоимение *что* в данном контексте может указывать не только на объект действия, но и иметь обобщенно-процессуальное значение (как в вопросе *что делает?*), а также характерологическое (синоним *каков?*). Такая полисемантичность детерминирует множественность способов заполнения лакуны и вариативность ФСА. В первом случае, при объектном значении, складывается ситуация, подобная ДК-кого, и возникают глаголы-derivаты СВ-п. Во втором случае, при обобщенно-процессуальном значении формируется семантика процессуальности и длительности действия, для которых объект действия не важен; поэтому появляются гла-

Удалено: у

Удалено: П

голы СВ (преимущественно СВ-н) и НСВ-н/п соответственно. В таких ДК доминирует НСВ, поскольку СВ "не может обозначать действие в процессе его протекания, исключает признак процессности" [Бондарко, 1971, с.13], а обозначение длительности глаголами СВ ограничено и вариативно глаголами НСВ [там же, с.12-16]. В целом СВ "как семантически маркированный обладает определенными ограничениями в сочетательных возможностях. НСВ как семантически немаркированный не имеет обусловленных видовым значением ограничений в сочетаемости с другими лексемами" [Милославский, 1981, с. 180]. Переходные глаголы возникают как частный параметр характеристики действия, направленного на объект; непереходные глаголы доминируют ввиду факультативности объектного параметра и значимости самого действия. В третьем случае, при характерологическом значении местоимения *что*, возникают дериваты-имена, характеризующие субъекта действия.

Вряд ли следует полагать, что каждая из названных причин действует изолированно: многозначность контекста предполагает многопричинную детерминацию, или нерасчлененную причину, результатом которой может быть множественный (полифинальный) выбор [Украинцев, 1972, с.234 – 240].

2. Варьирование сочетаемых параметров деривата позволяет регулировать направление деривации. Так, аналитические тенденции, выражающиеся в актуализации деривационной истории слова, находящегося в позиции источника деривации-мотивации, и ретроспективном направлении деривации, преобладают в ДК-что. Данная тенденция обусловлена характерологической семантикой *что*. В целом же в обоих ДК ведущее место занимают "перспективные" дериваты, оказывающиеся сложнее производящей основы ввиду того, что большинство ФСА глаголы СВ, для которых характерно префиксальное словообразование. Перспективное направление деривации обусловлено также тенденцией к аналитизму, когда анализируемое в ДК слово воспринимается нечленимо, целостно. Такая тенденция формируется под влиянием объектного и обобщенно-процессуального значений местоимений *кого* и *что*.

3. Результаты варьирования ДК выявляют зависимость реализации ДП слова от грамматических, в частности сочетаемых, параметров деривата. Чем шире грамматические параметры деривата, тем больше выбор, тем легче и свободнее реализуется ДП слова.

Удалено: Н

Удалено: Н

Удалено: П

4. В целом, можно сделать вывод о перспективности использования метода грамматического варьирования ДК для изучения условий и качества реализации ДП слова.

Выводы по 2 главе

Первый этап теоретического исследования деривационного потенциала слова посвящен изучению внешних условий функционирования слова, к которым относится, в первую очередь, ДК. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1) Гармоническая структура ДК оказывает влияние на активность реализации ДП слова; наибольшей деривационной продуктивностью обладают слова, оказывающиеся в сильных позициях текста – в зоне пред-ГЦ;

2) Успешность реализации ДП слова зависит от контекстной заданности грамматической формы деривата и от общеязыковой нормы, регулирующей образование дериватов. При совпадении требований ДП слова реализуется наиболее успешно. В конфликтных случаях противоречие снимается чаще всего в пользу контекстных, или функционально-речевых, условий;

3) Сочетаемость параметров деривата оказывают влияние на успешность реализации ДП слова: чем они свободнее и шире, тем успешнее реализуется ДП слова;

4) Варьирование параметров контекста (структурных, грамматических, сочетаемых и т.д.) позволяет регулировать направление деривации и активность реализации ДП слова;

5) Стремление слова реализовать свой ДП, несмотря на множество ограничений, свидетельствует о постоянной деривационной готовности слова влиться в общеречевой, общетекстовый континуум, где его ДП может органично реализоваться.

Удалено: ¶

Удалено: <#>В ходе деривационного функционирования слова создается особый вид поля – деривационно-ассоциативное поле, включающее единицы различных уровней языковой системы: лексические, грамматические, синтаксические и т.д.;
<#>Единицы лексического уровня в деривационно-ассоциативном поле организуются концентрически, образуя зоны тождества – варьирования – контраста;
<#>Ядро деривационно-ассоциативного поля составляют формально-семантические ассоциации;

ГЛАВА 3
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА СИСТЕМОЙ ЛЕКСИКОНА

§ 1. Параметры системы лексикона

Лексикон – это индивидуальная лексическая система человека, в которой слово находится в состоянии постоянной предречевой готовности [Караулов, Коробова, 1993, с.161; РАС, кн.1, с.7]. Можно предположить, что данная среда существования слова накладывает определенный отпечаток на некоторые его свойства и каким-то образом влияет на его деривационное функционирование. С целью выяснения особенностей такого влияния, обратимся к наиболее существенным параметрам организации системы лексикона.

По данным А.А.Залевской лексикон имеет ассоциативно-полевую структуру: "ассоциативные поля интегрируют все известные в настоящее время виды полей, в то время как описанные в лингвистических работах поля отражают лишь отдельные аспекты организации лексикона человека" [Залевская, 1990, с. 157]. Ведущими критериями, регулирующими ассоциативные структуры человека, являются, критерии семантический и частотный. Первый проявляется в процессе установления места объекта, обозначенного словом, "в системе знаний индивида об окружающем его мире"; второй – во включении данного объекта в "систему ассоциативных привычек и оценок" [там же, с. 103]. По-видимому, на реализации деривационного потенциала слова не может не отразиться его статус в системе лексикона. С другой стороны, и деривационное функционирование слова должно каким-то образом отражаться в полевой системе лексикона. Выявлению этих фактов посвящается данная глава исследования, проводимого на материале "Деривационно-ассоциативного словаря".

Современная лексикография в той или иной мере отражает закономерности структурирования системы лексикона человека. Так, ассоциативно-полевую структуру отдельных участков лексикона и представленные в ней частотные и семантические связи репрезентируют ассоциативные словари [Залевская, 1988, с.136 – 141. Кроме того, наиболее полно вероятный объем лексикона, градуированного по частотным параметрам составляющих его единиц, представлен частотными словарями. Именно эти слова-

ри, в частности "Словарь ассоциаций детей от шести до десяти лет" [Береснева, Дубровская, Овчинникова, 1995], "Русский ассоциативный словарь" [Кн. 1, 2, 1984], "Частотный словарь русского языка" под редакцией Л.Н. Засориной [1977], послужили источниками для оценки статуса исследуемых слов в системе лексикона.

С точки зрения частотных параметров анализу подверглись 215 слов, то есть практически весь словник ДАС, за исключением словосочетаний. Последние во внимание не принимались, поскольку в перечисленных выше словарях не представлены, а их операциональное расчленение противоречит характеру проводимого эксперимента. Для выяснения статуса деривационных параметров слова в полевой системе лексикона рассматривались деривационно-ассоциативные поля слов *говорить* и *друг*, а также они сравнивались с составом и организацией ассоциативных полей (этих же слов), представленными в указанных словарях.

Думается, что данный материал ДАС окажется достаточным для решения поставленных задач, поскольку параметр количества для систем, организованных по принципу голограммы, каковой является система лексикона [Залевская, 1982, 1990], является второстепенным, поскольку "любая часть голограммы позволяет воспроизвести практически всю картину" [Трофимова, 1999, с. 9].

§ 2. Зависимость деривационного потенциала слова от его частотных параметров в системе лексикона

Частотность / употребительность слова - один из количественных параметров, определяющий статус лексической единицы в речи и системе лексикона человека. Однако относительно связи количественных и качественных показателей языковых явлений в лингвистике не существует однозначного мнения. С одной стороны, признается, что между качественными и количественными характеристиками в языке существует внутренняя зависимость [Головин, 1971; Норман, 1996, с113; Фрумкина, 1964; Ахманова и др., 1961 и др.] и "частотность обладает относительно самостоятельными системообразующими возможностями в лексике" [Голев, 1990, с. 134], с другой стороны, "ни на одном уровне не удастся выявить ясных отношений между наблюдаемыми статистическими закономерностями и вероятностной структурой языка в целом" [Караулов, 1980, с.19]. Тем не менее, количественные показатели способствуют выявлению частных за-

кономерностей на отдельных участках языковой системы [см., например: Немченко, 1988; Голев, 1990, 1997; Лукашевич, 1997; Беркетова, Тюлебаева, 1996 и др.]. Более продуктивные результаты дает выход за сугубо лингвистические рамки в поисках статистических закономерностей в языке и применение закономерностей, выявленных естественными науками [Москальчук, 1998].

Связь качественных и количественных характеристик в языке может проявить и обращение к фактам речевой деятельности, к человеку говорящему, использующему язык в прагматических целях. Одним из способов такого обращения может быть лингвистический (в широком смысле слова) эксперимент, результаты которого можно сопоставить с выявленными ранее в науке фактами. Так, на основе экспериментальных исследований Р.И.Фрумкина и А.П.Василевич сделали вывод о том, что "каждое слово имеет 'индекс частоты', соответствующий частоте встречаемости данного слова в опыте индивида" [Фрумкина, Василевич, 1971, с. 7]. Кроме того, такая организация свойственна и "для некоторой совокупности индивидов – носителей языка" [там же, с. 8]; данная закономерность позволяет считать словарь (например, частотный) инвариантом некой абстрактной модели абстрактного носителя языка.

Высказывается также мнение о влиянии частотных параметров слова и на характер его деривационного функционирования. Так, Е.А. Земская отмечает, что словообразовательный потенциал производного слова шире "у слов высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных" [Земская, 1997, с. 411]. К сожалению, подтверждения данных тезисов носят весьма эпизодический характер и не охватывают сколько-нибудь значительного массива лексического уровня системы русского языка, оставаясь по существу декларативными. Заметим, что и существующие ассоциативные словари адекватно не отражают деривационной способности индивида (см. § 2.3 настоящего исследования).

Итак, с целью выявления связи между характером реализации в речи словом своего деривационного потенциала и его частотными параметрами в системе лексикона обратимся к материалам деривационно-ассоциативного эксперимента (ДАЭ) и ДАС.

В ходе ДАЭ было замечено, что разные слова, даже в пределах одного ДК, по-разному осуществляют свое деривационное функционирование. В качестве одной из гипотез о причинах наблюдаемого явления возникла гипотеза о влиянии частотности слова на его ДП.

На первом этапе исследования все 215 слов, выступающих в качестве стимулов в ДАЭ, были ранжированы в соответствии с данными "Частотного словаря" (ЧС) под редакцией Л.Н. Засориной [Частотный словарь..., 1977]. Выяснилось, что данные лексические единицы с некоторыми лакунами покрывают большинство частот из "Частотного словаря", а 36 слов имеют нулевой частотный индекс, то есть в словаре не встретились вовсе.

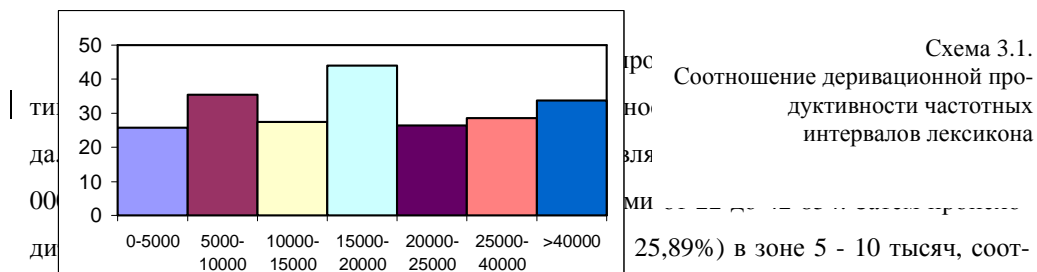
Дальнейшая группировка лексем производилась по принципу вхождения их в состав виртуального лексикона среднестатистического носителя русского языка. За условный (виртуальный) лексикон принимается "Частотный словарь", охватывающий около 40 000 лексем, поскольку "для любых практических и достаточно широких задач общения можно считать словарь в 30 000 – 40 000 слов константным, хотя и достаточно большим, а количество порождаемых им текстов практически бесконечным" [Денисов, 1980, с 56]. Границы зон в пределах лексикона определялись на основании данных, отмеченных в лингвистической литературе: "Культурный человек употребляет постоянно только 4 - 5 тысяч слов" [Косовский, 1974, с. 120]; "Одни исследователи считают, что активный словарь современного человека обычно не превышает 7 - 9 тысяч слов" [Введенская, Павлова, 1996, с. 67], "Поскольку разговорный язык знают и помнят все, то 10 000 - 12 000 слов могут считаться активным словарным запасом" [Денисов, 1980, с.49]. "Так, Терман на основе наблюдений над большим количеством случаев установил, что <...> средний взрослый употребляет 11 700 слов, а человек 'повышенной интеллигентности' до 13 500" [Звегинцев, 1962, с.119].

Обратим внимание, что варьирование объема "лексиконов" не превышает в среднем пятитысячного рубежа. На основании этого наблюдения весь условный лексикон (словник ЧС) был разбит на группы по 5 тысяч слов в порядке убывания частоты: 1 – 5 000, 5 000 – 10 000, 10 000 – 15 000, 15 000 – 20 000, 20 000 – 25 000, При этом следует отметить, что группу 15 000 – 20000 составляют слова с частотой 3 (по ЧС); группы 20 000 – 25 000 - с частотой 2. Слова с частотой 1 покрывают объем в 25 – 40 тысяч единиц, то есть остальной объем "Частотного словаря". Исходя из этой закономерности, следующая группа не расчленялась и обозначена как 25 000 – 40 000, Слова с нулевой частотой вошли в группу > 40 000, (См.: Таблица 3.1).

Таблица 3.1
Распределение словника ДАС в структуре лексикона

объем лексикона	ранг по ЧС	количество лексем	всего реакций	ФСА	ФСА в %
1 – 5 000	22 – 42	854	92	13 926	25,79
5 000 – 10 000	9 – 21	29	29	3 537	35,45
10 000 – 15 000	4 – 8	19	19	2 752	27,54
15 000 – 20 000	3	10	10	1 551	43,97
20 000 – 25 000	2	13	13	1 955	26,34
25 000 – 40 000	1	16	16	2 544	28,54
> 40 000	0	36	36	5 959	33,68
всего		215	215	32 224	29,58

В каждой из групп подсчитывалось общее количество реакций, количество ФСА и их процентная доля. Графическое соотношение деривационной продуктивности зон представлено на схеме 3.1.

Весь словарный запас лексикона среднего взрослого, и спад в зоне 10 - 15 тысяч (27,54%), где проходит граница лексикона человека "повышенной интеллигентности" [Звегинцев, 1962, с.119]. Наибольшей деривационной активностью обладают слова, находящиеся на периферии активного словарного запаса в зоне 15 - 20 тысяч (43,97%). Затем следует спад (26,34%) и постепенный стабильный рост: 20 - 25 тысяч (26,34%); 25 - 40 тысяч (28,54%); 40 тысяч (33,68%). В целом, наблюдается тенденция роста деривационной активности к "концу" лексикона.

Полученные результаты противоречат гипотезам о том, что наиболее употребительные/ частотные слова обладают наиболее широким словообразовательным потенциалом [Земская, 1997, с.411; Косовский, 1974, с.239]. Возможно, это относится к отдельным группам лексем, но в целом лексикон отражает, по нашим данным, обратную тенденцию. В пользу последнего вывода свидетельствует случайность выборки, покрывающей практически весь диапазон частотных рангов "Частотного словаря".

Объяснение данной тенденции можно было бы искать в лексическом составе каждой из зон и обнаружить стилистическую, мотивационную, эмоционально-экспрессивную и т.п. неоднородность среди слов, принадлежность одной зоне. Но поскольку частотность является одним из системообразующих свойств языка, то она должна обладать собственной объяснительной силой.

Самые поверхностные наблюдения над распределением деривационной продуктивности по условным зонам лексикона при ограничении его 40 000 (зафиксированный объем в "Частотном словаре" Л.Н. Засориной) позволяют выделить три области, объединенные общей тенденцией роста. Граница между областями проводится в точках спада (Схеме 3.2). Таким образом, наблюдается некоторая периодичность соотношения деривационной активности слов с зоной лексикона.

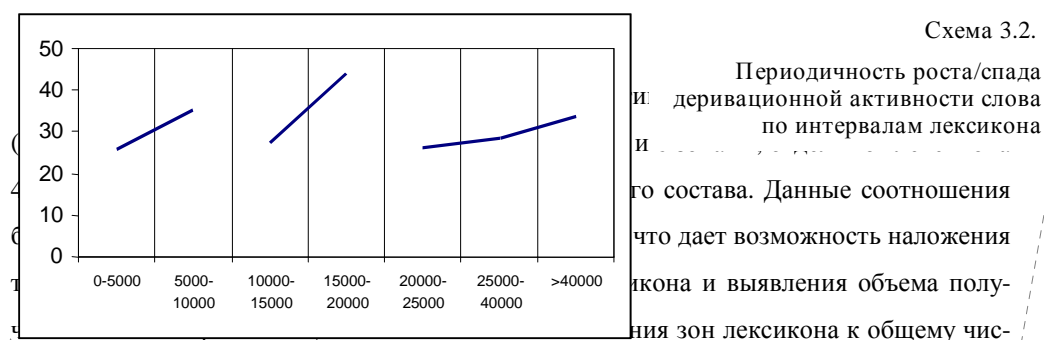

Схема 3.2.

Код поля изменен

Периодичность роста/спада деривационной активности слова по интервалам лексикона. Данные соотношения дают возможность наложения зон лексикона к общему числу лексем также дают любопытные пропорции: 5 000 / 40 000 = 0,125 (ср.: 0,146 - граница зачина в тексте [Корбут, 1997; Москальчук, 1998]), 10 000 / 40 000 = 0,25 (ср.: 0,236 - ГЦн), 15 000 / 40 000 = 0,375 (ср.: 0,382 - граница пред-ГЦ), 25 000 / 40 000 = 0,625 (ср.: 0,618 - ГЦ).

Таким образом, то расчленение, которому был подвергнут лексикон, исходя из наблюдений лингвистов над его объемом, коррелирует с гармонической (синергетической) структурой текста как естественной системы, динамически распределенной во времени и пространстве.

Наложение отмеченных позиций на структуру лексикона поможет выявить зоны, наиболее продуктивные в деривационном отношении (Таблица 3.2, схема 3.3).

Таблица 3.2.

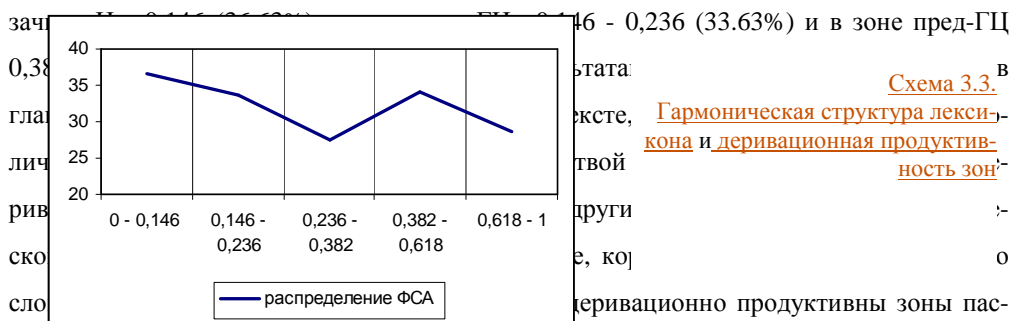
Гармоническая структура лексикона и деривационная продуктивность зон

позиция	граница словника	Объем* интервала	количество слов	частоты	ФСА в %
---------	------------------	------------------	-----------------	---------	---------

зачин	5 840≈6 000	0 - 0,146	6000/99**	18	36,63
ГЦн	9 440≈9 000	0,146 - 0,236	3000/29	10 - 17	33,63
Пред-ГЦ	15 280≈15 000	0,236 - 0,382	6000/19	4 - 9	27,54
ГЦ	24 720≈25 000	0,382 - 0,618	10000/23	2 - 3	34,14
пост-ГЦ	34 160≈35 000				
К	40 000	0,618 - 1	15000/16	1	28,54

Примечание: * - граница 0,854 нивелируется в связи с тем, что объем в 25000-40000 занимают слова с частотой 1, образующие единый частотный слой, не поддающийся дифференциации. ** - первое число - объем по ЧС, второе - по ДАС

Наибольшую деривационную активность проявляют слова, находящиеся в зоне

0 - 0,146 (33.63%) и в зоне пред-ГЦ 0,146 - 0,236 (33.63%) и в зоне пред-ГЦ 0,236 - 0,382 (27.54%) и в зоне пред-ГЦ 0,382 - 0,618 (34.14%) и в зоне пред-ГЦ 0,618 - 1 (28.54%).

Первый интервал (Н - 0,146), общим объемом около 6 тыс. лексем обладает некоторой самостоятельностью. Во-первых, им традиционно ограничивают активный запас говорящего. Во-вторых, он обладает композиционной ограниченностью в пределах текста [Москальчук, 1998, Корбут, 1997.]. В-третьих, он охватывает максимальный объем от 18 и выше и отражает 79,1% всех словоупотреблений и 15% всего словника Частотного словаря [1977]. В силу этих особенностей можно произвести отдельное членение этой зоны по параметрам гармонической организации (Таблица 3.3)

Таблица 3.3
Гармоническая структура и деривационная продуктивность первых 6000 слов Частотного словника

позиция	границы словника	объем зоны	Частоты	ФСА в %
Н - О				
зачин - 0,146	853 = 854	0 - 0,146	154	28,4%
ГЦн - 0,236	1378 = 1383	0,146 - 0,236	100 - 153	27,55%

- 0,382	2231 = 2238	0,236 - 0,382	59 - 99	18,53%
ГЦ - 0,618	3609 = 3667	0,382 - 0,618	33 - 58	28,41%
- 0,854	4987 = 4894	0,618 - 0,854	23 - 32	41,5%
К - 1	5840 = 5893	0,854 - 1	18 - 22	26,85%

Общую тенденцию можно обозначить как тенденцию повышения деривационной активности в пределах зоны ГЦ (0,382 - 0,854) и пред ГЦн (0,146) и ослабления в зонах пост - ГЦн (0,146 - 0,382) и конца (0,854 - 1). В целом, наблюдается тенденция, свойственная всему лексикону. (См.: Схема 3.1.)

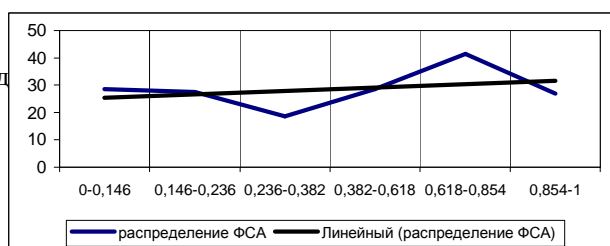

Схема 3.4

Соотношение деривационной продуктивности первых 6000 слов лексикона.

Удалено: 3

Удалено: 1

ранг по ЧС	лексемы ДАС	всего реакций	ФСА	ФСА в %
2573	говорить	105	14	13.33%
1162	товарищ	103	63	61.16%
817	друг	100	72	72%
732	сделать	111	27	24.32%
632	любить	313	11	3.51%
529	увидеть	126	9	7.14%
523	машина	326	2	0.61%
458	найти	103	3	2.91%
454	бояться	202	9	4.45%
371	<i>красный</i>	126	54	42.86%
330	<i>лес</i>	105	23	21.9%
315	<i>море</i>	102	47	46.08%
303	<i>написать</i>	105	89	84.76%
271	<i>ученый</i>	107	34	31.78%
263	матрос	126	7	5.56%
260	кричать	125	105	84%
252	начальник	100	4	4%
242	гора	110	16	14.54%
223	темный	226	102	45.13%
222	бумага, учиться	229	35	15.28%
220	ум	101	46	45.54%
216	зеленый	110	38	34.55%
182	директор	103	0	0%
180	синий	101	8	7.92%
157	быстрый	114	84	73.68%
151	умный	102	1	0,98%

145	интересный, трактор	412	95	23.06%
137	руководитель	102	65	63.72%
134	океан, поговорить	255	20	7.84%
129	шум	224	146	65.18%
127	дурак	176	129	73.3%
126	яркий	110	0	0%
125	провести	144	9	6.25%
120	моряк	213	72	33.8%
118	участие	123	58	47.15%
117	учить	182	67	36.81%
116	светлый, серый	200	40	20%
109	врач, желтый, крик	691	197	28.51%
105	организовать	110	35	31.82%
104	станок	309	18	5.82%
103	документ	103	0	0%
99	глупый, учитель	322	162	50.31%
97	устроить	101	21	20.79%
81	просьба	100	35	35%
80	академик, цветной	206	13	6.31%
79	шуметь	111	97	87.39%
74	изменить	344	6	1.74%
69	заявление	105	3	2.86%
68	неожиданный, профессия, сторож	540	23	4.26%
60	ученик	114	97	85.09%
57	сучно	301	105	34.88%
55	глупость, школьник	217	84	38.71%
54	решиительный	144	82	56.94%
50	гул	106	2	1.89%
49	испугаться	101	14	13.86%
47	приятель, тракторист	355	139	39.15%
45	обмануть	105	29	27.62%
44	машинист	212	68	32.08%
40	мрачный	103	38	36.89%
39	пестрый	171	20	11.69%
38	хитрый	102	1	0.98%
37	паровоз	413	4	0.97%
36	грустный, изготовить, ненавидеть	747	227	30.39%
34	выдумать	123	14	11.38%
33	жалоба, лопата, мастерство	326	78	25.15%
32	худой	100	70	70%
31	повар	100	13	13%
29	организатор	100	76	76%
28	последовательный	112	65	58.04%
25	отчаянный	126	44	34.92%
23	водитель, скандал	233	52	22.32%
22	адвокат, плотник, тощий, фиолетовый	634	55	8.68%
21	преподаватель, шеф	210	28	13.33%
20	изобрести	103	62	60.19%
19	энергичный	100	48	48%
18	мудрость, нарисовать, учащийся	335	178	53.13%
17	приключение, рев, сжимать	348	55	15.8%
16	мудрый, отыскать, речник	324	172	53.09%
15	наблюдатель, презирать, хулиган	633	155	24.49%

14	неопределенный	124	6	4.84%
13	оборудовать, сжатый, струсить, хмурый	448	96	21.43%
12	педагог	126	6	4.76%
11	<i>неинтересно, оскорблять, светило</i>	335	253	75.52%
10	<i>вопл, лесник, поучать, сокращать</i>	451	195	43.24%
8	мудрен, наставник, романтик, стекольщик			
7	босс, волшебник, вылечить, животновод, отремонтировать, уменьшать, упорядочить зубрить, каменщик, непредвиденный, портниха	463 1281	101 283	21.81% 22.09%
6	поболтать, умник			
5	лаконичный, столяр	565	187	33.1%
4	<i>балагурить, буза, буйствовать, выключатель, глупец, колдун, одурачить, сокращенный, соратник, хулиганить</i>	229	169	73.8%
3	<i>бузить, буйвол, галдеж, гам, дурость, кудесник, напарник, нахмурить, обдурить, переключатель, совок, трепаться, ухват</i>	214	18	8.41%
2	<i>гвалт, дебоширить, каменотес, кочерга, кочережка, куролесить, мебельщик, находчивый, облапошить, перепалка, оздоровить, рубильник, скандалить, скотник, изменить</i>	1551	682	43.97%
1	<i>автомобилист, анестезировать, анестезия, бузотер, буза, буйн, буйнить, выключатель, галдеть, дебошир, исцелить, лаконизировать, маг, насупить, непредсказуемый, непрогнозируемый, обезболивание, обезболить, океанолог, охаивать, очернять, побалагурить, побузить, покричать, поорать, потрепаться, пошуметь, прогневанный, распрямить, скандалист, скривить, хохмить, целитель, чародей, швея</i>	1955	515	26.34%
0		2544	726	28.54%
		5959	2007	33.68%

Примечание: курсивом выделены наиболее продуктивные частоты.

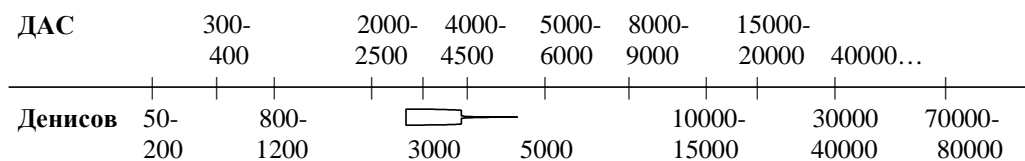
За точку отсчета принимается среднее значение ФСА по всей выборке, составляющее 29.58%. В этот диапазон составляют слова с частотой 300 - 400, входящие в четвертую сотню лексикона (*написать, море, красный*); 52 - 60, входящие в интервал 2 000 – 2 500 слов от “начала” лексикона (*решительный, глупость, школьник, скучно, ученик*); 25 - 29, входящие в интервал 4 000 – 4 500 (*отчаянный, последовательный, организатор*); 18 - 20, входящие в интервал 5 000 – 6 000 (*мудрость, нарисовать, учащийся, энергичный, изобрести*); 10 - 11, образующие последнюю тысячу активного сло-

варного запаса 8 000 – 9 000 (*неинтересно, оскорблять, светило, вопль, лесник, поучать, сокращать*); частоты 3 и 0, формирующие периферию лексикона. Данная закономерность свидетельствует о связи частотности / употребительности слова и активности его деривационного функционирования.

Сравним эти данные с выводами П.Н. Денисова. Он определяет язык, с точки зрения статистических закономерностей, как систему систем, состоящую из нескольких “вложенных” друг в друга ядер, или “ядерных зон, структурно организующих центров” и множества периферийных зон. “Узловые точки переходных, промежуточных лексических систем, в которых при компрессии и манипуляции словарного состава происходят резкие изменения (переходы количества в качество, скачки) в характере их текстообразующей способности, лежат в следующих пределах: 1) 50 - 200 слов, 2) 800 – 1 200 слов, 3) 3 000 – 5 000 слов, 4) 10 000 – 15 000 слов, 5) 30 000 – 40 000 слов, 6) 70 000 – 80 000 слов, 7) 120 000 – 150 000 слов и более высокие точки” [Денисов, 1980, с.134].

Наложение двух шкал показывает, что “переходные” интервалы П.Н. Денисова чередуются с деривационно активными интервалами (Схема 3.5.)

Схема 3.5.
Шкала ядерных и переходных зон лексикона

Таким образом, получается, что лексикон представляет собой динамическую, “пульсирующую” систему, в которой зоны напряженности (деривационно активные) перемежаются с зонами пассивными. Всплески активности, возможно, связаны не только с деривацией. Данную закономерность еще предстоит оценить.

§ 3. Структура деривационно-ассоциативного поля

В лингвистике сложилась традиция к определению совокупности реакций на один стимул как ассоциативного поля (ср.: для ассоциативных полей "характерно объединение вокруг слова-стимула определенной группы ассоциатов; последние, несмотря на их варьирующийся состав у разных информантов, обнаруживают значительную степень общности (однородности). Слова одного ассоциативного поля часто характеризуются семантической близостью" [ЛЭС, 1990, с. 381]). В этом смысле уместно определить совокупность реакций в ДАЭ на один стимул как деривационно-ассоциативное поле (ДАП), поскольку все реакции возникли как результат деривационного восполнения контекста, то есть его деривации ассоциативными элементами, причем деривации как лексико-семантической, так и грамматической. В каждом случае происходит порождение нового смысла (по отношению к уже имеющемуся) и формы, наиболее адекватно соответствующей этому смыслу. Рассмотрим, каким образом деривационные структуры слова отражаются в ассоциативно-полевой системе лексикона.

Структура АП, как правило, определяется двумя параметрами: частотным и семантическим. Первый является наиболее употребительным при организации совокупности реакций на один стимул в ассоциативных словарях. Таким образом представлены словарные статьи в "Словаре ассоциативных норм русского языка" [САНРЯ, 1977], "Русском ассоциативном словаре" [РАС, 1994] и др. Предполагается, что наиболее частотные ассоциации образуют ядро данного АП, а единичные – его периферию. По этому критерию легко обнаруживаются параллелизмы между структурой АП отдельного слова и структурой лексикона. Так, "исходя из частоты употребления выделяются ядро и периферия лексикона. <...> На формирование ядра оказывает существенное влияние частотность слова, с которой оно встречается в качестве реакции на разные слова – стимулы" [Береснева, Дубровская, Овчинникова, 1995, с.28].

Высокочастотные реакции на слово-стимул в ассоциативном эксперименте вызваны другими причинами. Как отмечает Г.А. Мартинович, "массовое воспроизводство стандартных реакций свидетельствует об автоматической актуализации и механическом тиражировании исходно (в филогенезе) возникших на основе смежности или сходства, но закрепленных (в онтогенезе) в языковом сознании людей, главным образом, на основе совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность ассоциаций)" [Мартинович, 1997, с. 42-43]. Таким образом, частотность реакций оказы-

вается связанной с частотой употребляемости в процессах речевой деятельности. Очевидно, должна существовать корреляция между частотным индексом слова АП и его же индексом в речи (что зафиксировано в частотных словарях).

Мы проверили данную гипотезу, воспользовавшись методом ранговой корреляции Спирмена⁵ [Сидоренко, 1996, с. 200-223]. Исследованию подверглись АП слов *говорить* и *друг* из РАС [РАС, кн. 1]. Выбор мотивирован объективной частотностью этих слов, высокой употребительностью в речи, их нейтральной стилистической окраской, вхождением в обязательный лексический минимум. Кроме того, они встречаются во многих ассоциативных словарях, в том числе в ДАС и "Словаре ассоциаций детей" (САД) [Береснева, Дубровская, Овчиникова, 1995]. Реакции на слова-стимулы *говорить* и *друг* были упорядочены и приведены к начальной форме, поскольку именно в таком виде даны слова в "Частотном словаре русского языка" (ЧС) [Частотный словарь, 1977]. Подобная операция позволяет сравнить данные двух словарей, характеризующих частотность слов в разных речевых употреблениях. Третьим параметром сравнения был частотный индекс по обратному словарю РАС (ОС РАС) [РАС, кн.2, 1994]. Результаты приведены в Таблице 3.5 и схемах 3.6 и 3.7.

Таблица 3.5.
Ранговая корреляция АП слов *говорить* и *друг*
по данным РАС, ЧС и ОС РАС.

РАС	г, коэффициент ранговой корреляции		
	АП - ЧС	АП – ОС РАС	ЧС – ОС РАС
говорить	0,34	0,47	0,76
друг	0,24	0,3	0,82

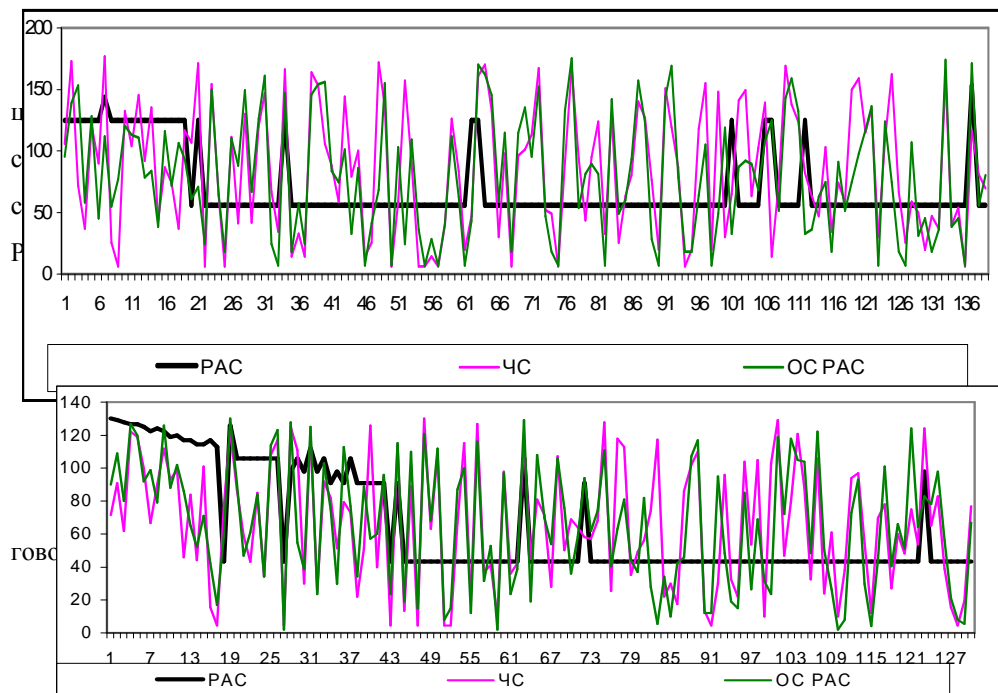
Общая классификация корреляционных связей Э.В.Шантер и А.В.Коросова (цит. По [Сидоренко, 1996, с.204]) имеет следующий вид:

⁵ Метод ранговой корреляции Спирмена позволяет определить наличие связи между иерархией признаков, реализующихся в двух или более выборках. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена рассчитывается по формуле $r = 1 - 6 \cdot ((\sum d^2 + T_a + T_b) : (N \cdot (N^2 - 1)))$, где $\sum d^2$ - сумма квадратов разностей между рангами; T_a и T_b - поправки на одинаковые ранги; N - количество признаков, участвовавших в ранжировании. Поправки на одинаковые ранги рассчитываются по формуле $T_a = \sum (a^3 - a) : 12$, где a - количество одинаковых рангов у нескольких признаков в выборке. Ранжирование признаков производится в каждой выборке индивидуально. Наименьшему значению признака присваивается ранг 1, далее - по возрастающей. При наличии одинаковых значений у нескольких признаков им присваиваются одинаковые ранги, являющиеся средним арифметическим их порядковых номеров.

1) сильная, или тесная	при $r > 0,70$
2) средняя	при $0,50 < r < 0,69$
3) умеренная	при $0,30 < r < 0,49$
4) слабая	при $0,20 < r < 0,29$
5) очень слабая	при $r < 0,19$.

и соответственно в АП, детерминирована не столько употребительностью слова-реакции в речи, показателем которой является его индекс в "Частотном словаре", и даже не его встречаемостью в ходе ассоциативного эксперимента, которая определяется его индексом в обратном словаре реакций РАС, сколько параметрами речевой ситуации ассоциативного эксперимента, знаком которой является слово-стимул. Условность такой речевой ситуации неоднократно отмечалась лингвистами [Норман, 1994, с. 109]. В такой ситуации у говорящего / реципиента нет ни мотива для говорения, ни условий, ни даже "предмета разговора", без которых не мыслится никакая коммуникативная ситуация. В лучшем случае пара стимул-реакция представляет собой "имитацию фрагментов речевой деятельности, хотя не следует говорить об абсолютно точном подобии полученных сочетаний слов реально встречающимся в речи" [Бутенко, Мартенек, 1995, с. 134]. Поэтому критерий совместной встречаемости не вполне адекватно объясняет количественные параметры слов-реакций в АП. Очевидно, это лишь один из факторов, определяющих частотный индекс слова. К их числу можно отнести и ориентацию реципиентами "на установление места исходного слова или обозначаемого им объекта в системе многообразных связей, выработанных в разностороннем предшествующем опыте индивида, либо на формирование некоторого (не обязательно полностью эксплицируемого) высказывания об объекте, идентифицированного при посредстве исходного слова" [Залевская, 1992, с.49], причем высказывание может быть как оригинальным [Овчиникова, 1994], так и прецедентным [Норман, 1994 с.116; Караулов, 1994, 1988]

Схема 3.6.
Ранговая корреляция полей слова *говорить*
по данным РАС, ЧС, ОС РАС.

свободном ассоциативном эксперименте и вносит элемент случайности. С другой стороны, сильная корреляция "Частотного словаря" и обратного словаря РАС свидетельствует об общеязыковых тенденциях функционирования слов русского языка, при этом, по-видимому, характер речевой ситуации (естественная или искусственная) не играет сколько-нибудь значительной роли. Более категоричный вывод можно было бы сделать, проведя специальное исследование, что, однако, весьма затрудняет не вполне традиционная структура обратного словаря РАС, где реакции даны в той форме, в какой они встречаются в прямом словаре "от стимула к реакции", то есть не в словарной форме, нерасчлененно.

Другой статус получает частотный индекс в направленном ассоциативном эксперименте. Так, в ДАЭ целью говорящего было восполнение высказывания словом, наиболее подходящим по смыслу. Таким образом моделировалась коммуникативная ситуация, адекватная (насколько это возможно в условиях эксперимента) реальной. Поэтому частота слова в ДАЭ может быть квалифицирована как функционально-речевой критерий. Высокая степень корреляции между "Частотным словарем" и обратным словарем РАС, как уже отмечалось выше, говорит об общеязыковых, или системно-языковых, закономерностях; индекс слова в АП вполне может быть интерпретирован как показатель некоторого промежуточного состояния слова, уже вырванного из системно-языкового континуума семантически (а часто и грамматически) и потенциально направленного на речевое употребление, но находящегося вне такового, то есть состояние "предречевой готовности" слова, "соединенного с его носителем" [Караулов, Коробкова, 1993, с. 16]. Теоретические выкладки подтверждаются статистическими показателями. Сравнение АП тех же слов (*говорить*, *друг*) в ДАС, РАС и САД было подкреплено методом ранговой корреляции Спирмена⁶. Результаты представлены в Таблице 3.6 и на Схемах 3.8 и 3.9.

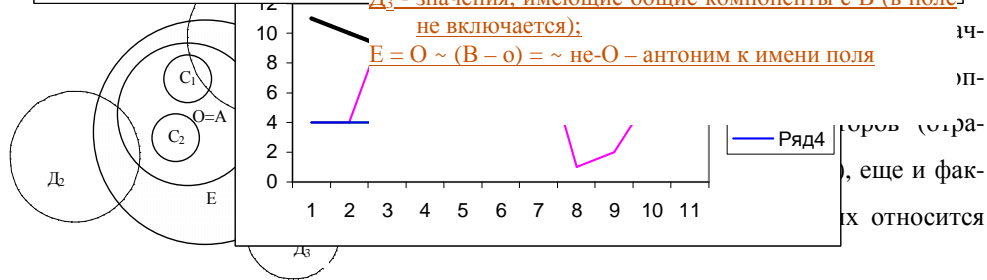
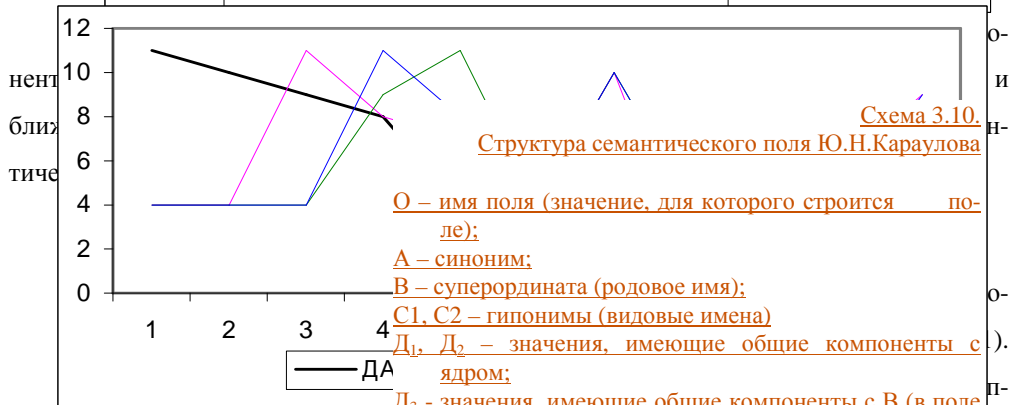
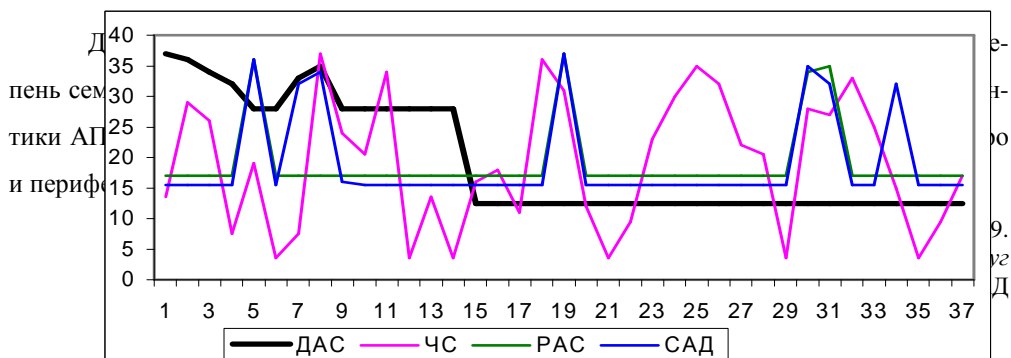
Таблица 3.6.
Ранговая корреляция АП слов *говорить*, *друг*
с данными ДАС, ЧС, РАС, САД.

ДАС	r, коэффициент ранговой корреляции		
	ДАС - ЧС	ДАС - РАС	ДАС - САД
говорить	0,04	0,17	0,03
друг	0,02	0,33	0,25

⁶ [Смотри сноска 5.](#)

Слабая или очень слабая корреляция частотных показателей ассоциативных полей в ДАС, РАС, "Частотном словаре" и САД свидетельствует о других закономерностях организации деривационно-ассоциативного поля в ДАС, нежели ассоциативных полей, основанных на свободном ассоциативном эксперименте, отраженных в РАС и САД, и об ином статусе индекса частоты. В ДАП индекс частоты скорее указывает на адекватность употребления данного слова в данном контексте, чем на типизированность, клишированность словоупотребления вообще.

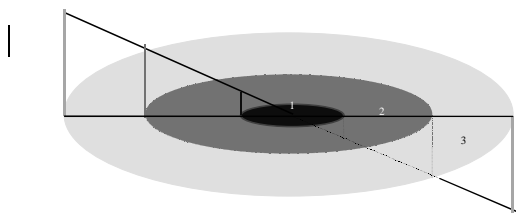
Схема 3.8.
Ранговая корреляция АП слова *говорить*
по данным ДАС, ЧС, РАС, САД.

стандартность или оригинальность словоупотребления слова говорящим, характер толкования отношений между стимулом и реакцией исследователем [Овчиникова, 1994; Мартинович 1997; Норман, 1994; Клименко, 1974; Залевская, 1992 и др.] и т.п. Другое принципиальное свойство АП заключается в его открытости, то есть способности пополняться новыми элементами на разных этапах исследования (проведение эксперимента). В то же время закономерности логико-семантического структурирования поля не меняются от объема выборки, в отличие от частотного критерия.

Схема 3.11.

Структура поля [Москальчук, 1997]

1 - зона **тождества**
 2 – зона варьирования
 3 – зона контраста

Логический критерий: ДАП. Состав группы-зоны (тождества – варьирования – контраста)

Удалено: сходства

к
3

контраста) (Таблица 3.7, 3.8, столбец С). В зону тождества⁷ входят синонимы к имени поля, которое задается семантикой контекста, например: *говорить* – “человек, который много говорит”; *друг* – “поступать не так, как свойственно другу”. Зону варьирования⁸ составляют реакции, имеющие общие семантические компоненты с именем поля, в которых эти компоненты занимают факультативное место вследствие сужения, расширения семантики или внесения дополнительных компонентов, в том числе экспрессивно-оценочных (*дурак, подлец, не достоин внимания и др.*). В зону контраста⁹ входят антонимы (*должен молчать, молчун; враг и др.*).

Таблица 3.7.¹⁰

Структура ДАП *друг*

Реакции	А	В	С
---------	---	---	---

⁷ Цифрой 1 в столбце С обозначены слова, входящие в зону тождества, то есть синонимы к имени поля.

⁸ Цифрой 2 в столбце С обозначены слова, входящие в зону варьирования, то есть слова, имеющие общие, но факультативные компоненты с именем поля.

⁹ Цифрой 3 в столбце С обозначены слова, входящие в зону контраста, то есть антонимы

¹⁰ Примечание: Столбец А отражает структуру ДАП по критерию частотности на основании данных ДАС, которые отражены в столбце "Частота"; в столбце "Ранг" они ранжированы в соответствии с убыванием частоты от 12 до 1. Столбец В отражает структуру ДАП по критерию частотности на основании данных "Частотного словаря", которые отражены в столбце "Частота"; в столбце "Ранг" они ранжирована в соответствии с убыванием частоты от 12 до 1. Столбец С отражает структуру ДАП по семантическому критерию "тождества – варьирования – контраста" на основании нашего сопоставления слова-реакции с предполагаемой семантикой лакуны, которые отражены в столбце "Частота"; в столбце "Ранг" они ранжирована в соответствии с убыванием частоты от 12 до 1.

	Частота	Ранг	Частота	Ранг	Зоны семантического поля	Ранг
<i>По-дружески</i>	64	12	1	10	1	8,5
По-товарищески	15	11	2	6	1	8,5
Так	8	10	3	3	2	3
<i>Друг</i>	3	8,5	1	10	1	8,5
<i>Как друг</i>	3	8,5	1	10	1	8,5
Враг	1	4	4	1	3	1
<i>Дружелюбно</i>	1	4	1	10	1	8,5
Как товарищ	1	4	2	6	1	8,5
<i>По дружеству</i>	1	4	1	10	1	8,5
По-приятельски	1	4	2	6	1	8,5
Правильно	1	4	3	3	2	3
Хорошо	1	4	3	3	2	3

Примечание: курсивом выделены ФСА.

Таблица 3.8.¹¹
Структура ДАП *говорить*

Реакции	А		В		С	
	частота	ранг	частота	ранг	Зоны семантического поля	ранг
Болтун	32	40	2	29	1	32,5
Дорак	12	39	3	17,5	2	13,5
Глупый	3	37,5	3	17,5	2	13,5
<i>Говорун</i>	3	37,5	1	37	1	32,5
Болтаю	2	31	2	29	1	32,5
болтушка	2	31	2	29	1	32,5
глупая	2	31	3	17,5	2	13,5
<i>говорлив</i>	2	31	1	37	1	32,5
<i>говорливый</i>	2	31	1	37	1	32,5
<i>говорю</i>	2	31	1	37	1	32,5
<i>зря говорю</i>	2	31	1	37	1	32,5
идиот	2	31	3	17,5	2	13,5
<i>много говорю</i>	2	31	1	37	1	32,5
пустомеля	2	31	2	29	1	32,5
тормоз	2	31	3	17,5	2	13,5
балабол	1	13	2	29	1	32,5
болван	1	13	3	17,5	2	13,5

¹¹ Структура Таблицы 3.8 аналогична структуре Таблицы 3.7. См. сноску 10.

виноват	1	13	4	6,5	2	13,5
демагог	1	13	2	29	1	32,5
должен молчать	1	13	5	2	3	
дурак, что ли	1	13	3	17,5	2	13,5
дурочка	1	13	3	17,5	2	13,5
копилка	1	13	3	17,5	2	13,5
молчун	1	13	5	2	3	
не достоин внимания	1	13	4	6,5	2	13,5
не понимаю	1	13	4	6,5	2	13,5
не слышу	1	13	4	6,5	2	13,5
никто	1	13	3	17,5	2	13,5
обманываю	1	13	3	6,5	2	13,5
очень терпеливый	1	13	4	6,5	2	13,5
ошибаюсь	1	13	4	6,5	2	13,5
подлец	1	13	4	17,5	2	13,5
потерплю	1	13	3	6,5	2	13,5
придурок	1	13	4	17,5	2	13,5
разговариваю	1	13	3	37	1	32,5
рот совсем не закрываю	1	13	1	29	1	32,5
сорока	1	13	2	29	1	32,5
сплетник	1	13	2	29	1	32,5
ублюдок	1	13	2	17,5	2	13,5
хулиган	1	13	3	17,5	2	13,5

Примечание: курсивом выделены ФСА.

Семантическая структура поля может быть подвержена и более детальной градации ввиду неоднородности состава каждой из зон. Очевидно, что наибольшую близость к ядру демонстрируют ФСА, поскольку они имеют не только семантическое, но и формальное сходство со стимулом. Соответственно, и зона варьирования может члениться на подзоны в зависимости от семантической близости к ядру и имени поля. Результаты такой градации отражены в Таблицах 3.7 и 3.8., столбец В. Разумеется, что чем детальнее градация, тем значительнее субъективный фактор при выполнении соответствующих операций. Хотя в данных условиях он поддается контролю, если принять трехчастное структурирование за инвариант и выявить наличие корреляции между двумя структурами АП.

На конкретном материале оказывается возможным сопоставление двух способов структурирования АП: частотного и семантического (см. Таблицу 3.9.). Результаты показывают достаточно сильную корреляцию между формально-семантическим и семантическим структурированием полей, что характеризует их изоморфизм. Ослабление корреляции между частотным и семантическим способами структурирования свиде-

тельствуется скорее не о слабости или отсутствии корреляции, а о недостаточности объема выборки, проявляющемся в количестве разных реакций n и соответственно в количестве рангов (ср. n (*говорить*) = 40, n (*друг*) = 12). Возможно предположить, что при увеличении объема выборки будет усиливаться корреляция между различными способами структурирования полей.

Таблица 3.9
Ранговая корреляция r частотного, формально-семантического и семантического структурирования¹² ДАП слов *говорить*, *друг*

ДАС	r, коэффициент ранговой корреляции		
	A – B	A - C	B - C
<i>Говорить</i>	0,41	0,29	0,76
<i>друг</i>	0,18	0,12	0,67

В современной ассоциативной лексикографии практически повсеместно принят частотный способ организации и, соответственно, структурирования АП. Нам известно лишь одно исключение – “Мотивационно-ассоциативный словарь” [Пересыпкина, 1998]. Безусловное преимущество такого структурирования АП заключается в его функциональной ориентации, способствующей выявлению и определению мотивационного потенциала слова.

В ДАС осуществляется попытка некоторого совмещения двух способов организации АП. Так, реакции в словарной статье представлены в порядке убывания их частоты. Кроме того, ФСА выделяются графически, тем самым осуществляется членение поля на две зоны – формально-семантическую (ядерную) и семантическую, что вызвано, в первую очередь, интересами исследования, среди которых выявление специфики ФСА и условий их функционирования.

В целом, необходимо отметить, что в ходе деривационного функционирования слова создается особый вид поля – деривационно-ассоциативное поле, включающее единицы различных уровней языковой системы: лексические, грамматические, синтаксические и

¹² Литерой А обозначен частотная структура ДАП, литерой В - формально-семантическая и литерой С –семантическая. Частотная и семантическая структуры в

т.д. Единицы лексического уровня в деривационно-ассоциативном поле организуются концентрически, образуя зоны тождества – варьирования – контраста. Ядро деривационно-ассоциативного поля составляют формально-семантические ассоциации. Кроме того, обнаруживается тенденция усиления корреляции между ДАП и АП при увеличении объема выборки, что свидетельствует о том, что деривационные структуры слова отражаются в ассоциативно-полевой системе лексикона и образуют ядерные зоны конкретных ассоциативных полей.

Выводы по 3 главе

В данной главе осуществлялась попытка выявления параметров влияния лексикона как среды существования слова на его деривационное функционирование. Другой задачей было установление места деривационно-маркированных слов в этой среде. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Структура лексикона аналогична структуре текста (лингвистического объекта) и нелингвистических (природных) объектов, то есть лексикон организован по законам золотого сечения. Он представляет собой динамическую систему, в которой участки напряженности чередуются с участками “покоя”.

2. Структурирование лексикона, основанное на выделении зон объемом около 5 000 слов, производящееся в лингвистике по наблюдениям над речью отдельных носителей русского языка, наиболее близко к естественной дискретности лексикона.

3. В целом лексикон и отдельные его участки образуют естественную гармоническую структуру, в которой наблюдаются зоны наибольшей деривационной продуктивности лексических единиц, в частности зона пред-ГЦ.

4. Лексикон, как среда существования слова влияет на его деривационное функционирование. Деривационная продуктивность слов не подтверждает гипотезу о том, что чем больше употребительность слова (частотный ранг), тем шире его словообразовательный (деривационный) потенциал (Земская). Проявляется зависимость иного рода: ДП шире у тех слов, которые находятся в зонах наибольшей активности лексикона. Так, при приблизительной оценке лексикона в 40 тысяч единиц, наиболее про-

цифровом варианте представлены в Таблицах 3.7 и 3.8. Формально-семантическое

дуктивным интервалом является интервал, соответствующий зоне пред-ГЦ (0,382 – 0,618 условных единиц), или интервал 15 – 25 тысяч слов. Наблюдается общая тенденция роста ДП слова с убыванием его частотности.

5. Характер деривационного функционирования слова может быть критерием для выявления естественной дискретности лексикона, поскольку любое слово обладает некоторым ДП и между ДП слова и его принадлежностью к той или иной зоне лексикона существует корреляция.

6. В ходе деривационного функционирования слова создается особый вид поля – деривационно-ассоциативное поле, включающее единицы различных уровней языковой системы: лексические, грамматические, синтаксические и т.д. Единицы лексического уровня в деривационно-ассоциативном поле организуются концентрически, образуя зоны тождества – варьирования – контраста. Ядро деривационно-ассоциативного поля составляют формально-семантические ассоциации.

7. Обнаруживается тенденция усиления корреляции между деривационно-ассоциативным полем и собственно ассоциативным полем при увеличении объема выборки, что свидетельствует о том, что деривационные структуры слова отражаются в ассоциативно-полевой системе лексикона и образуют ядерные зоны конкретных ассоциативных полей.

структурирование ДАП производилось за счет выделения в зоне тождества ФСА.

ГЛАВА 4

СИСТЕМНО – ЯЗЫКОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА

§ 1. Деривационные параметры слова в системе языка

Как рассматривалось выше, активность реализации ДП слова определяется как условиями его функционирования, так и закономерностями его существования в системе лексикона. Однако сила ДП слова обусловлена и его онтологическими свойствами [Голев, 1995, с. 129], такими, как степень его членимости, мотивированности, производности и т.д. Из множества онтологических параметров слова в рамках настоящего исследования особый интерес представляют именно членимость и мотивированность, поскольку они представляют собой различные стороны лексико-деривационных процессов.

Лексико-деривационные процессы не доступны для непосредственного наблюдения. Об их ходе можно судить по результатам, то есть по конкретным словам. Их формальная и/или семантическая структура дает представление о характере протекавших процессов. Одним из таких показателей является членимость слова. Степень глубины членения определяется задачами исследования. В самом общем виде можно выделить формально-грамматическое (выделение основы и словоизменительных аффиксов), словообразовательное (выделение производящей / мотивирующей основы / базы и форманта), морфемное (определение морфемного состава слова) членение. При этом морфемный и словообразовательный анализы противопоставляются друг другу как “онтологический план функциональному” [Голев, 1991, с. 3]. Разность исследовательских подходов операциональная. В языке постоянно наблюдается переход онтологического в функциональное и наоборот (ср.: явление ремотивации, опрощения и т.п.). А поскольку синхронное существование языка определяется его диахронным развитием, то членимость слова, его системно-структурная соотнесенность с другими словами, является следствием некогда активных деривационных процессов, неактуальных в синхронии. Таким образом, с точки зрения деятельностного подхода членимость слова является результатом деривационных процессов.

Причинным аспектом деривации в плане функционирования выступает мотивация. Н.Д. Голев называет суппозиционную функцию важнейшей для мо-

тивации. “Она заключается в суппозиционном обеспечении процессов речевой деривации, в необходимой опоре на данное, известное, во включении данного, известного в созданные в результате деривации речевые единицы” [Голев, 1989, с. 14-15]. Мотивированность слова выступает как результирующий аспект синхронической деривации.

Таким образом, и членимость и мотивированность являются онтологическими и функциональными свойствами слова. Как онтологические свойства, они отражают системную соотнесенность слова с другими словами в плане структурной, формально-семантической организации. Как функциональные свойства, они отражают результаты деривационных процессов в диахронии и синхронии соответственно. Видимо, и членимость и мотивированность могут определять деривационный потенциал слова. Выяснению этого факта будет посвящена настоящая часть исследования.

§ 2. Зависимость деривационного потенциала слова от его частотных параметров в системе лексикона

Понятие членимости слова связано с определением границ между морфемами в составе слова / основы. Критерий членимости сформирован в высказывании Милоша Докулила: “Принципиальная членимость основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других, реально в языке существующих словах” (цит. по: [СРЯ, 1997, с. 313]). При множестве подходов к данной проблеме [Земская, 1966; Янко-Триницкая, 1968; Панов, 1968; Янценецкая, 1979 и др.] существует определенное согласие в выстраивании шкалы членимости, на полюсах которой находятся абсолютно (1) членимые и (5) нечленимые слова. Промежуточное положение занимают слова со (2) свободными корнями и уникальными аффиксами, (3) со связанными или уникальными корнями и повторяющимися аффиксами, (4) с уникальными корнями или уникальными аффиксами.

Словник ДАС практически полностью отражает шкалу, однако совокупности слов, выступающих в качестве стимулов в пределах одного ДК, часто не включают тот или иной классификационный тип. Данные обстоятельства объясняются тем, что, во-первых, любая выборка достаточного объема так или иначе отражает особенности разнобразия языковой системы, а во-вторых, подход к составлению ДАС осуществляется

от контекста; то есть взаимозаменяемости стимулов, которая предполагала выявление основных закономерностей деривационного функционирования слова. Соответственно, и исследование, постановка частных гипотез идет от материала, а не наоборот.

Выявление зависимости ДП слова от степени его членимости будет осуществляться на материале слов, входящих в 2 контекста:

2^а - А на старом месте его (ее) называли А
 - Ну так что ж. Значит, имел (а) дело с А'

10^а - На то он и А, чтобы А'.

В качестве стимулов выступали слова (имена существительные), называющие лиц по роду деятельности. В ДК 2^а лакуна акцентирует предметные отношения А, а в 10^а ДК - собственно деятельностный аспект. Оба аспекта отражают наиболее характерные для русского языка способы именования лица. Таким способом снимается давление системы, в которой немногочисленны наименования лиц по признаку или количеству.

Обратимся к экспериментальному материалу (2^а ДК). К числу абсолютно членимых слов относятся *каменщик, машинист, мебельщик, повар, тракторист, швея*. В следующую группу входят слова со связанными корнями *академик* и *портниха* (слово *порты* в литературном языке практически не употребляется). *Столяр* в современном русском языке может члениться лишь исходя из аналогии с другими словами, типа *малляр, бочар*. В "Словообразовательном словаре" А.Н. Тихонова [1985] оно дается как нечленимое и непроизводное, а в "Словаре морфем" А.И.Кузнецовой и Т.Ф.Ефремовой [1986] как членимое и соотносимое со словами, имеющими корень *стол*. Как предполагается [Шанский, Боброва, 1994], в русский язык оно было заимствовано из польского. Отнесем его к словам сомнительной членимости. И наконец, к числу нечленимых слов относятся *адвокат* и *сторож*. Экспериментальное исследование преследует две цели: во-первых, выявить зависимость ДП слова от степени его членимости, а во-вторых, выяснить влияние деривационного функционирования слова на его членимость (у членимых слов).

Таблица 4.1.
 Распределение ФСА на слова в 2^а ДК

Слово	Всего	б/о	ФСА
-------	-------	-----	-----

Каменщик	114	6 (5,26%)	71 (62,28%)
Машинист ²	102	1 (0,98%)	43 (42,16%)
Мебельщик	106	1 (0,94%)	78 (73,58%)
Повар	100	1	13
Тракторист ²	101	0	61 (60,4%)
Швея	110	2 (1,82%)	31 (28,18%)
Академик	104	3 (2,88%)	13 (12,5%)
Портниха	101	1 (0,99%)	6 (5,94%)
Столяр	109	6 (5,4%)	16 (14,68%)
Адвокат	123	2 (1,63%)	4 (3,25%)
Сторож	100	2	11

Систематически данные (Таблица 2.3.1) показывают, что у членимых слов ДП реализуется успешнее, чем у тех слов, где граница между морфемным швом выражены менее определено. Семантика ДК провоцирует аналитические процессы, что способствует вычленению морфем в слове и ретроспективную деривацию. Такие процессы особенно последовательно происходят в контекстах со словами *каменщик*, *машинист*, *мебельщик*, *тракторист*. На слово *каменщик* наиболее частотой реакций является *камень*. В разных вариантах это слово встречается 70 раз из 71; на слово *машинист* - *машина* (41 из 43); на слово *мебельщик* - *мебель* (76 из 78); на слово *тракторист* - *трактор* (60 из 61). Единичное ФСА, для которых данные слова послужили в качестве производных, (типа *машинистка*, *трактористка*), свидетельствуют о целостном восприятии слова. К ним примыкают грамматические дериваты типа *машинистами*, *мебельщиками*.

Качество ФСА на слово *швея* свидетельствует о членимости этого слова. Наиболее частотной (и сред. всех ассоциаций реакцией является *шитье* - 29 из 31, отражающая чередование шв- // ши-. Однако количественные показатели смещают это слово на периферию абсолютно членимых. Сюда же относится и слово *повар*. Из 13 ФСА лишь в 6 бесприставочных (*варка* - 4, *варево* - 2), актуализирующих морфемную структуру слова; 2 ФСА являются производными от него (*поварята* - 1, *поварской* - 1) и 2 деривата (*поваренка* - 2) к ним примыкают, а также 3 грамматических деривата (*поварами*). Такое разнообразие ФСА можно расценить как проявление тенденции к лексикализации внутренней формы [Блинова, 1979], при которой сохраняется членимость и морфемная соотнесенность с одноструктурными словами, но постоянно утрачивается связь

с мотивирующим (*повар* - мастер по приготовлению пищи [Ожегов, 1994, с 454], а не тот, кто “поваривает”).

ФСА на слова *академик*, *портниха*, *столяр* объединяют их в одну группу. Качество ФСА позволяет говорить о членимости слова *столяр*. Так, среди его дериватов встречается *стол* (4 из 16), а среди СА есть фонетические реакции *сталью* - 1, *столбом* - 1, что можно расценить как формальное отождествление корня, по терминологии М.Н. Янценецкой [1979]. Остальные ФСА являются перспективными, поскольку отражают целостное, нечленимое восприятие слова (*столяр* - 6, *столярный* - 4, *столярка* - 1, *столярство* - 1). Таким образом, слово *столяр*, судя по характеру ФСА, занимает промежуточное место между словами со свободными корнями и повторяющимися аффиксами и словами со связанными корнями и повторяющимися аффиксами.

ФСА на слово *академик* вполне отражает связанный характер корня (*академия* - 13), как и у слова *портниха* (*портной* - 6). Другое дело, что граница морфемного шва двигается, основа опрощается.

ФСА на слова *сторож* и *адвокат*, как и следовало ожидать, являются дериватами, производными от данных ФСА на *адвокат* - все грамматические дериваты (*адвокатом* -3, *адвокатами* - 1), что свидетельствует о невысоком ДП слова. ФСА на *сторож* отличаются от вышеприведенных и количественно (11%) и качественно: только 2 ассоциата являются грамматическими дериватами (*сторож* - 2), 9 ФСА отражают довольно широкий спектр реализации ДП слова (место - *сторожка* - 4, деятельность - *сторожить* - 2, лицо женского пола - *сторожиха* - 3).

Таким образом, можно сделать вывод о зависимости ДП слова от степени его членимости, с одной стороны, и о влиянии его деривационного функционирования на это онтологическое слово. При этом, следует отметить немаловажную роль контекста в определении направления деривации.

ДК 10^а стимулирует другое направление деривации, акцентируя собственно деятельностью, процессуальную семантику стимула и лакуны, которая находится в придаточной части (элиминированной) сложноподчиненного предложения. Для восполнения лакуны необходим глагол, выполняющий функцию признака. Соответственно, и функции будут в своем большинстве глагольные. Рассмотрим, как членимость слов определяет их ДП и как влияют ФСА на членимость этих слов.

Исследованию в пределах 10^а ДК подверглись 19 слов. В соответствии с основной классификацией они следующим образом распределяются по группам:

- абсолютно членимые, со свободными корнями и воспроизводящимися аффиксами: *каменотес, каменщик, моряк, наставник, океанолог, преподаватель, светило, скотник, учитель, животновод, наблюдатель;*
- членимые со связанными корнями и воспроизводимыми аффиксами: *начальник, руководитель, директор, организатор, романтик;*
- нечленимые: *босс, педагог, шеф.*

Количественные показатели выхода ФСА свидетельствуют, что ДП слова успешнее реализуются у слов, обладающих абсолютной членимостью, в меньшей степени – у нечленимых слов. Анализ качества ФСА позволит уточнить полученные результаты (Таблица 4.2)

Среди слов, подвергнутых экспериментальному исследованию, имеются слова, соотносимые друг с другом по формально-семантическим и семантическим параметрам, что позволяет сравнивать результаты их деривационного функционирования.

Таблица 4.2.
Распределение ФСА на слова в 40^а ДК

слова	всего	б/о	ФСА
каменотес	102	9 (8,82%)	74 (72,55%)
каменщик ²	110	3 (2,73%)	36 (32,73%)
моряк ¹	101	2 (1,98%)	7 (6,93%)
наставник	114	1 (0,88%)	49 (42,98%)
океанолог ¹	107	4 (3,74%)	42 (39,25%)
преподаватель	100	0	24
светило	123	1 (0,81%)	106 (86,18%)
скотник	106	12 (11,32%)	29 (27,36%)
учитель	111	0	87 (80,18%)
животновод	118	6 (5,08%)	65 (55,08%)
наблюдатель	104	3 (2,88%)	43 (41,35%)
начальник	100	0	4
руководитель	102	0	65 (63,73%)
директор	103	0	0
организатор	100	0	76
романтик	144	4 (2,78%)	5 (3,47%)
босс ¹	101	0	0
педагог	126	0	6
шеф	110	0	4 (3,6%)

Обратимся к результатам. В паре *каменотес - каменщик* наибольшее количество ФСА дает первое (72,55% против 32,73%). Очевидно, это объясняется различным способом обозначения лица и производимых им действий: *каменотес* - обтесывает камни, *каменщик* - занимается кладкой кирпичей, строительством. Слово *строить* в контексте с *каменотесом* встречается 1 раз, в контексте с *каменщиком* 36 в разных ассоциациях, это самое частотное слово. Правда, количество ФСА у этого слова в 10^а ДК уступает количеству ФСА во 2^а ДК, однако качественные показатели совпадают. В обоих случаях слово членился полностью, в разных реакциях доминирует дериват *камни* (35 из 36 в 10^а). В ДК 10^а также встречается *камнить* -1, что не противоречит отмеченной тенденции. Среди ФСА на слово *каменотес* абсолютное большинство реакций актуализирует морфемный состав слова (*камни* -11, *камнить* -2, *каменить* -1, *каменосить* -1; *тесать* -10, *тесальщик* -1, *тесить* -1; *камни тесать* -33, *камни обтесывать* -1). Лишь дериваты *каменотесить* -12 и *каменотесывать* -1 являются производными от данного как комплексной, нечленимой производящей основы. В целом ФСА свидетельствуют о высокой степени членимости этих слов, способствующей реализации их ДП. Успешность реализации ДП слова *каменотес* способствует совпадению направления деривации и формой выражения данного деривационного значения, а также и состав самого слова, дающий возможность образовывать дериваты от трех основ: *камен* - , *тес* - и *каменотес* - . В этом случае деривация может опираться как на морфемный анализ, так и синтез, когда в основе *каменщик* только на один из них - анализ...

Другую соотносимую пару составляют слова *моряк* и *океанолог*. Количественные показатели свидетельствуют о более успешной реализации своего ДП словом *океанолог*, которая обусловлена рядом факторов, действующих в совокупности, как-то: членимость слова, прозрачная внутренняя форма, отсутствие противоречий между контекстно определяемым направлением деривации и языковыми тенденциями. Все это активизирует аналитические процессы, на базе которых происходит деривация. При этом дериваты актуализируют морфемный состав слова, делая определенными межморфемные границы (*океан* - 39, *океанить* - 3). ФСА на слово *моряк* количественно уступают ФСА на слово *океанолог* (6,93%). Их состав свидетельствует о действии двух тенденций при их образовании: к синтезу, целостному восприятию слова (*морячить* - 2, *моряк* - 2) и аналитизму (*море* - 3). Невысокое число ФСА и разнонаправленность действующей

щих тенденций, а также влияние контекста и закрепленная в языке традиция супплетивного наименования его деятельности (плавать, в ДК 80 СА), затрудняют реализацию его ДП.

Эти же слова (*моряк* и *океанолог*) подвергались экспериментальной правке в другом ДК (43. А по-моему, этот так называемый А и А', как следует, не знает), в одном ряду со словами *матрос* и *речник*. Семантика лакуны в ДК 43 подобна семантике 2 а ДК и актуализирует аналитические процессы при образовании дериватов. В этом ДК совпали контекстные условия с направлением деривации, и слова дали высокое количество дериватов, в том числе и актуализирующих членимость слова: *моряк* - 58,04% ФСА (море - 59 из 65, моря-то - 2, морской - 2, морячество - 1); *океанолог* - 51% (океан - 49 из 51); *речник* - 55,26% (река - 53 из 63, речка - 7, речки-то - 3). У слова *матрос* 7 (5,55%) ФСА (матросить - 5, матрос - 2), их качество свидетельствует о нечленимости слова и его идиоматичности.

Еще одну синонимическую группу образуют слова *наставник* - *преподаватель* - *учитель* - *педагог*, объединенные по роду деятельности. Качественные и количественные результаты разводят эти слова по полюсам членимости и реализованности ДП. Абсолютно членимое слово с наибольшим количеством ФСА *учитель* - 87 (80,18%), нечленимое с наименьшим количеством ФСА *педагог* 24 (%), тем не менее, реализующее свой ДП (*педагогить* - 4, *педагогизировать* - 2). Между этими полюсами находятся слова *наставник* и *преподаватель*. ФСА на эти слова позволяют провести четкую границу и отделить суффикс: *настав* /- *ник* - *наставлять* (46 из 49), *преподава* /- *тель* - *преподавать* (23 из 24). Отсутствие ФСА, члениющих первую часть основы, возможно, демонстрируют наличие асимметрии между планом содержания и планом выражения, возникший в процессе функционирования слов, разошедшихся со своими однокоренными словами и образовавших собственные словообразовательные гнезда - *преподавать* и *наставлять* [Тихонов, 1985]. Кроме того, очевидно, лексикализация оказывает влияние и на членимость слова. И.О. Блинова высказывает противоположную точку зрения. Она полагает, что при лексикализации внутренней формы слово не претерпевает внешних изменений и сохраняет членимость [Блинова, 1979]. Экспериментальные результаты показывают, что, действительно, внешних изменений со словом не происходит, но изменяются границы морфем в пределах слова. Более того, этот процесс усиливается со-

отнесением с другими словами, на основе фонетического и семантического сходства: *наставник* - *настаивать*, *настырно* *наставлять*.

Другая пара слов *животновод* и *скотник* демонстрирует высокую степень членности и реализации ДП слова. ФСА на слово *животновод* позволяет вычленить все его морфемы: жив- (живодерствовать -1), -от- , -вод- (водит живот - 2), -и- (по остаточному принципу). при этом, -вод- воспринимается не как аффикс, а как другой корень в составе сложного слова. В то же время параллельно тенденции к синтетизму действует тенденция к аналитизму (*животноводить* - 16, *животноводничать* - 1). У слова *скотник* тенденция к аналитизму проявляется в меньшей степени (*скотничать* - 3). Большинство ФСА актуализируют корневую часть слова (*скот* - 12, *скотина* - 10 из 29 и др.). Количество ФСА на слово *скотник* (27,36%) в отличие от ФСА на *животновод* (55,08%) и количество отказов (11,532%) свидетельствуют о больших препятствиях в реализации ДП, что вызвано семантическими факторами: *животновод* - разводит животных; *скотник* - ухаживает за животными. Как видно, у слова *скотник* наблюдается расхождение между морфемной структурой и семантикой, что накладывает определенные ограничения на реализацию ДП слова.

Еще одна группа слов, исследуемых в данном ДК, сформирована по признаку "управленческой деятельности": *босс*, *директор*, *начальник*, *руководитель*, *шеф*, *организатор*. Наибольшее количество ФСА получили слова *организатор* (76%) и *руководитель* (63,73%). У них направление деривации совпало с контекстными требованиями, что и дало высокие показатели. Факт связанности корней не наложил ограничений на успешность реализации их ДП, ФСА на слово *организатор* (*организовать* - 7, *организовывать* - 62, *организовать* - 7) способствуют членению слова и определенности его морфемных границ. Слово *руководитель* традиционно относится к числу членимых с воспроизводимым аффиксом, но корневыми морфемами, вычленимыми только по формальному признаку. ФСА отражают эту тенденцию. ФСА *руководить* - 64 (из 65) демонстрирует тенденцию к синтетическому восприятию слова как обладающего идиоматической семантикой. Членимость слова позволяет осуществить дериват *руками водить* - 1, этимологизирующий данное, то есть *руководитель*.

ФСА на слово *начальник* (*начальствовать* -3, *начальничать* - 1 из 4) свидетельствуют об уже отмечавшихся выше двух разнонаправленных тенденциях - к синтетизму и аналитизму. Тем не менее, они позволяют произвести членение и отделить суффикс.

Более детальное членение невозможно осуществить ввиду отсутствия ФСА в эксперименте, а также действия исторических процессов, исключивших в синхронии такое членение по формально-семантическому критерию.

Слова *директор* и *босс* вообще не дали ФСА. Это можно объяснить особенностями ДК, с одной стороны, поскольку в результате варьирования ДК на слово *босс* появились реакции (см. глава 2.1.), а с другой - слабостью ДП этих слов, не преодолевших давление системы. (ср.: наиболее частотные СА *босс* - командовать 42 из 101 и *директор* - руководить 28 из 103). С этих позиций оба слова функционируют в данном ДК как нечленимое с весьма слабым ДП. Хотя, как можно предположить, с изменением контекстных условий эти параметры могут измениться. В этой группе имеется еще одно нечленимое слово *шеф*, которое реализует свой ДП посредством перспективного деривата *шефствовать* - 4 (3,64%).

Вне перечисленных групп находятся 3 слова: *светило*, *наблюдатель*, *романтик*. Наибольшую деривационную активность демонстрирует слово *светило* (86,19%), что свидетельствует о совпадении направления деривации и контекстных условий, а также о силе ДП этого слова, проявившемся несмотря на его метафоричность. Качество ФСА позволяет его членить полностью *свети-и-л(о)* (светить - 85, освещать - 9, светил - 1, светло - 1 и др.).

У слова *наблюдатель* ФСА составляет 41,35% ото всех реакций. ДП реализуется довольно успешно. Однако ФСА позволяют произвести только частичное членение (наблюдать - 42, наблюдение - 1 из 43): *наблюд-а-тель*, как и в случаях со словами *наставник* и *начальник*. Очевидно, во всех этих словах корни -блюд-, -став-, -ча- не выделяются носителями языка и воспринимаются неразрывно с приставкой как единое целое, как единая морфема.

Противоположная ситуация наблюдается у слова *романтик*. ФСА дают два варианта его членения *роман-тик* (роман - 2) и *романт-ик* (романтизировать - 1). Вряд ли есть смысл в третьем варианте *роман-т-ик*, поскольку -т- лишен как семантического наполнения, так и формальных аналогий. Данное слово довольно слабо реализует свой ДП (3,47%), очевидно, ввиду комплекса причин как контекстуального, так и деривационного порядка.

Таким образом, по результатам анализа ФСА можно построить функциональную шкалу членимости рассмотренных слов, по которой они будут расположены в порядке ослабления членимости:

1. Полностью членимые слова со свободными корнями и воспроизводимыми аффиксами: *камен-щик, камено-тес, машин-ист, мебель-щик, трактор-ист, жив-от-н(о)-вод, мор-як, реч-ник, океан-олог, свет-и-л(о), скот-ник, уч-и-тель, реч-ник, рук(о)-вод-и-тель.*

2. Полностью членимые слова с воспроизводимыми аффиксами, но частично связанными корнями (периферия первой группы): *по-вар, шв-ея, стол-яр.*

3. Полностью членимые слова с воспроизводимыми аффиксами и связанными корнями: *академ-ик, организ-атор, романт-ик, портн-их(а), началь-ник, наблюда-тель, настав-ник, преподава-тель.*

4. Членимые слова со свободными корнями и уникальными аффиксами: *роман-тик.*

5. Нечленимые слова: *босс, директор, адвокат, сторож, педагог, шеф.*

Вполне очевидно, что членимость слова зависит от его деривационного функционирования. Чем сильнее ДП слова, чем разнообразнее форма его проявления, тем глубже границы между морфемами, входящими в его состав, и тем больше стирается граница между ними, чем однообразнее, “однонаправленнее” реализация ДП каждого отдельного слова. В то же время и членимость слова, как его онтологическое свойство, основанное на системных морфемных аналогиях, оказывает несомненное влияние на реализацию ДП слова. Нечленимые слова менее успешно реализуют свой ДП. Так, наибольшее количество ФСА (больше 50%) стимулируют именно членимые слова со свободными корнями и воспроизводимыми аффиксами, нечленимые слова или слова, тяготеющие к таковым дают менее 10% ФСА. Однако, как показывает анализ, немало важную роль в реализации ДП слова и способности повлиять на него играет ДК. Наиболее достоверные результаты возможны в случаях, когда требования контекста взаимодействуют с лексико-деривационными процессами. Однако, это отдельная проблема, еще ждущая

Выводы по 4 главе

В 4 главе исследовалась зависимость ДП слова от его системно-языковых свойств, в частности от степени его членимости и мотивированности. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Членимость и мотивированность слова являются результатом его деривационного функционирования и отражаются в его внутренней формально-семантической структуре;
- 2) ДП шире у слов членимых и мотивированных, чем у слов , имеющих неполную членимость или нечленимых, и у слов немотивированных;
- 3) На успешность реализации ДП слова оказывает влияние направление деривации, формируемое контекстом.

Заключение

Цель настоящего диссертационного исследования заключалась в изучении ДП слова в процессе его функционирования. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Язык имеет динамическую природу, проявляющуюся в процессах речевой деривации.
- 2) Деривационные отношения являются одним из типов системно-языковых и функционально-речевых отношений. Кроме того, они участвуют в организации лексикона человека.
- 3) Деривация речевых произведений (текстов) носит целенаправленный, коммуникативно заданный характер. Порождаемый текст является функциональной системой, предназначенной для достижения результата. Результат доминирует над системой и может способствовать перестройке всей системы (текста) в соответствии с поставленной целью для наиболее адекватного способа достижения результата.
- 4) Деривационное функционирование – особый вид функционирования слова. Механизмы лексической деривации действуют постоянно. Деривационным потенциалом в разной степени обладают все слова.
- 5) Лексическая деривация является частью деривации текстовой. Означающее, как и означаемое, лексической единицы детерминировано текстом.
- 6) Текст способен актуализировать механизмы лексической деривации практически у всех слов языка. Об актуализации ДП слова и его реализации свидетельствует наличие его дериватов в пределах одного контекста.
- 7) Деривационный потенциал слова реализуется в контексте речевого произведения. Деривация слова – следствие динамического развертывания текста. Деривационный потенциал активнее реализуется в сильных позициях текста.
- 8) Деривационный потенциал слова – явление системно-речевое (онтологическое и функциональное, антиномическое по своей природе).

9) Деривационное функционирование слова характеризуется качественно (однообразие и разнообразие дериватов) и количественно.

10) Одним из возможных способов измерения деривационного потенциала слова является эксперимент, в частности деривационно-ассоциативный.

В ходе исследования были выявлены факторы, влияющие на успешность реализации ДП слова. К их числу относятся позиция слова в структуре контекста, место слова в структуре лексикона, грамматические параметры контекста, направление деривации, формируемое контекстом; а также ряд свойств, являющихся и системными, и функциональными ввиду постоянного взаимного перехода, формирования и воздействия функциональных и системных факторов, как-то: стилистическая окраска слова, степень его членимости и мотивированности.

Отмеченная многоаспектность явления лексической деривации позволяет расширить сферу **дальнейшего** исследования деривационного функционирования слова. Так, в области лексикографической работы возможно составление обратного словаря деривационных ассоциаций слов русского языка: от реакции к стимулу. Кроме того, уже имеющийся словник ДАС может быть пополнен как новыми лексическими единицами, так и деривационными контекстами.

Изучение деривационных контекстов является отдельной проблемой, поскольку их сбор и систематизация находятся лишь на начальном этапе.

Деривационный потенциал слова может быть изучен в связи с другими факторами, как системными, так и речевыми. В их число входят:

- суппозиционные факторы (форма проведения эксперимента – устная, письменная; способы актуализации стимула – интонационные, графические и т.п.);
- позиция слова в контексте (с точки зрения, гармонической, тематической и других структур);
- степень известности слова, степень вхождения в активный или пассивный словарь личности (исконные и заимствованные, неологизмы, архаизмы, историзмы, жаргонизмы, диалектизмы и т.д.);

– онтологические свойства слова (полисемия, идиоматичность, экспрессивность и т.д.) и другие.

Кроме того, неисследованным остается потенциал деривационного функционирования производного слова. Возможно выявление зависимости его деривационного потенциала от тех же факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агамджанова В.И. Семантическая итеративность как проецирование глобального смысла высказывания на лексико-семантический вариант слова // Контекстуальная семантика. Рига, 1982. С. 3 - 9.
2. Агамджанова В.И., Кевиша И.В. Типовой контекст как условие семантической интерпретации незаконченных высказываний // Языковые единицы и условия их актуализации. Рига, 1986. С.
3. Агамджанова В.И. Функции актуализирующего контекста // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. Рига, 1989. С. 4 - 13.
4. Акимова Г.Н. К вопросу о валентности переходных глаголов в русском языке // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. М., 1981, С. 28-32.
5. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990,
6. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
7. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995 С. 7 - 118.
8. Апресян Ю.Д. Синтаксическая обусловленность значений // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995, С. 538-553.
9. Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка. М., 1961.
10. Ахутина Т.В. Модель порождения речи по данным нейролингвистики // Материалы 8-го Всесоюз. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. М., 1985. С. 162 - 163.
11. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). - Пермь, 1995.
12. Беркетова З.В., Тюлебаева Ф.А. Развитие языковой догадки на лексическом материале. Барнаул, 1996.

13. Блинова О.И. О явлении лексикализации внутренней формы слова (на диалектном материале) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979, С. 106-116.
14. Блинова О.И. Явления мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1994.
15. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 348 – 350,
16. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
17. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
18. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол, Л., 1967.
19. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 5 - 39.
20. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
21. Бутенко Н.П., Мартинек С.В. Результаты ассоциативного эксперимента и лексикографическое толкование значений слов // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 133-134.
22. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990,
23. Введенская Л.А., Павлова Я.Г. Культура и искусство речи. Ростов-на-Дону, 1996.
24. Волошинов В.Н. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 191-215.
25. Виноградова В.Н. Стилистические средства словообразования // Стилистические исследования (на материале современного русского языка), М., 1972. С. 175-244.
26. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
27. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования.- М., 1996.
28. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

29. Голев Н.Д. Количественный аспект мотивационно-словообразовательного отношений // Словосочетание, словосложение и аффиксация как способы словообразования. Владивосток, 1990_а. С. 132-140,
30. Голев Н.Д. Семантико-мотивационные отношения в сфере русского внутриприлагательного словообразования в аспекте частотности // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул, 1990_б. с.26-34.
31. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 83 - 85.
32. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995 С. 7 - 118.
33. Голев Н.Д. Текстовая деривация и деривационное функционирование лексических единиц в тексте // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т.1. М.: Филология, 1995_б. С. 128 - 130,
34. Голев Н.Д. Некоторые проблемы лексической и словообразовательной мотивации на оси частотности (к построению теории квантовой морфологии) // Человек - Коммуникация - Текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. Барнаул, 1997. С. 90-97.
35. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривативные контексты как форма проявления деривационной энергетики текста и слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998_а. С. 13-33.
36. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998_б. С. 65-84
37. Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
38. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970,
39. Гридина Г.А. Ассоциативные параметры слова в детской речи // Детская речь и пути ее совершенствования. Екатеринбург, 1992. С. 66-74.

40. Гридина Г.А., Боровикова Т. Ассоциативный потенциал слова в онтогенезе речевой деятельности // Детская речь и пути ее совершенствования. Екатеринбург, 1992. С. 83-90,
41. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
42. Гусар Е.Г. Роль пресуппозиции в процессе создания означаемого номинативной единицы как элемента высказывания // Текст: структура и функционирование. Сб. статей. Барнаул, 1994_а. С.90 - 96.
43. Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1994_б.
44. Гусар Е.Г. О специфике детерминационно-деривационных процессов и отношений номинативных единиц в тексте: на материале деривационно-ассоциативного эксперимента. // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 33 – 46.
45. Девкин В.Д. Диалог Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.
46. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980,
47. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
48. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
49. Залевская А.А. Ассоциативный тезаурус – словарь нового типа // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 136 – 141.
50. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. (Психолингвистическое исследование). Воронеж, 1990.
51. Залевская А.А. Функциональная основа разграничение парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативного эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992. С. 43-50
52. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
53. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
54. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968.

55. Земская Е.А. Понятие производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, С. 3-13.
56. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения - 2-е изд. - М., 1987.
57. Земская В.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. С. 286-441.
58. Земская Е.А. Словообразование и текст (к семидесятилетию М.В. Панова) // Вопросы языкознания. 1990, № 6. С.17-30,
59. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.,1992.
60. Земская Е.П. , Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
61. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
62. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980,
63. Караулов Ю.Н., Коробкова М.М. Языковая способность в зеркале ассоциативного поля (лонгитюдный эксперимент и интерпретация) // Изв. АН, Сер. Литературы и языка, №2, 1993, т. 52, С. 16-31.
64. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь, Книга 1. Прямой словарь: от стимула и реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I , М., 1994, С. 190-218.
65. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
66. Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. М., 1988.
67. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания, М., 1992.
68. Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.

69. Корбут А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии). Автореф. дисс... канд. филол. наук, М., 1995.
70. Косовский Б.И. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка, Минск, 1974.
71. Красиков Ю.В. Алгоритмы порождения речи. Орджоникидзе, 1990,
72. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., 1965.
73. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972. С. 344-393.
74. Кубрякова Е.С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980, С. 217-261.
75. Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания, 1984, N 4. С. 13 - 22.
76. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
77. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова, М., 1991.
78. Левицкий В.В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания, 1994, № 1. С. 26-37.
79. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 18 - 36.
80. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
81. Леонтьев А.А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, С. 314 - 470,
82. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990,
83. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы ее описания. М., 1977.
84. Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания// Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы. М., 1974, С. 47-60,

85. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 5 - 92.
86. Лукашевич Е.В. Функционирование мотивационно-частотного коэффициента производной лексики русского языка // Человек-коммуникация - текст. Вып. 1, Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. Барнаул, 1997, С. 97-192.
87. Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб., 1997.
88. МАС
89. Мейеров В.Ф., Шкляр В.Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда (Методическое пособие для учителей русского языка). Иркутск, 1979.
90. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
91. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделимость морфем. Красноярск, 1989.
92. Москальчук Г.Г. Функционально-семантическая классификация повторов в тексте // Культура и текст. Вып. 2. Лингвистика. Часть 2. Барнаул, 1996. С. 53 – 58.
93. Москальчук Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: Автореф. дисс... канд. филол. наук, М., 1990
94. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
95. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. Автореф. дисс.. доктора филол. наук. Барнаул, 1999.
96. Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья)/под ред. О.И.Блиновой. Томск, 1982.
97. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.
98. Мурзин Л.Н. Текст и актуальное членение предложения //Деривация и семантика: слово - предложение - текст. Пермь,1987.
99. Мурзин Л.Н. Текст как предмет лингвистического исследования // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991_а, С. 6-68.

100. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
101. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
102. Немченко В.Н. Частотность производных имен прилагательных в современной русской поэзии // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. Владивосток, 1988. С. 58-71.
103. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Авт. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урынсон. М., 1995.
104. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
105. Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996.
106. Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.
107. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь, 1994.
108. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.
109. Панов М.В. Изменение членимости слов // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4-х т. М., 1968, Т.2, Словообразование современного русского литературного языка. С. 214-216.
110. Панфилов А.К. Лекции по стилистике русского языка. М., 1972.
111. Парнюк М.А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме // Современный детерминизм и наука. Т. 1. Новосибирск, 1975. С. 5-34
112. Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья)/под ред. О.И.Блиновой. Томск, 1982.
113. Пищальникова В.А. К становлению линвосинергетики // Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998, с. 5-11.
114. Пищальникова В.А. Соотношение симметричных и асимметричных компонентов текста как синергетической системы // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 1999. С. 72 – 79.
115. Попова М.В. Русские производные глаголы: морфемная структура и деривационные особенности. Екатеринбург, 1996.

- 116.Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 3-х томах. М., 1994.
- 117.Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964.
- 118.Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- 119.Рамишвили Г.В. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С.
- 120.Рамишвили Г.В. К вопросу о внутренней форме языка // Проблемы языкознания. М., 1967. С. 163-165.
- 121.Русакова М.В. Вариационные структуры в речевой деятельности // Уровни языка в речевой деятельности. Л., 1986. С...
- 122.Русакова М.В. К вопросу о лингвистической и психолингвистической функции морфемы// Семантические аспекты языка. Л., 1981, С. 92-99.
- 123.Русакова М.В., Русакова А.Ю. К вопросу о роли морфемы в речевой деятельности // Лингвистические исследования - 1983: Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983, С. 168-177.
- 124.Русская грамматика. М.: Наука, 1982.
- 125.Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.
- 126.Русский ассоциативный словарь. Кн. 1, Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1984.
- 127.Русский ассоциативный словарь. Кн. 2, Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1984.
- 128.Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968.
- 129.Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 199-146.
130. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 1996.
- 131.Синтаксис сложного предложения (Устойчивые структуры русского языка). Казань, 1985.

132. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
133. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
134. Словарь образных выражений русского языка / ред. В.Н. Телия. М., 1995.
135. Словарь синонимов 1970-1971. Словарь синонимов русского языка в 2-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1, Л.: 1970, т. 2, Л., 1971.
136. Слюсарева Н.А. Методологический аспект понятия функций языка // Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1979, т.38, N 2. С. 136 - 144.
137. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.
138. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
139. Сонин А.Г., Пищальникова В.А., Москальчук Г.Г. Гармония формы и смысла текста как результат интегративного синергетического процесса // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998, Т.2, С.178-183.
140. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
141. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. М., 1978; 1999.
142. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985;
143. Толкунова Е.Г. О влиянии эмоционального фактора на речевую актуализацию морфем // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 1994. С. 85 – 90
144. Трофимова У.М. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы "части человеческого тела" (на материале русского и китайского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
145. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960,
146. Трубникова Ю.В. Детерминационно-деривационные процессы и отношения лексических единиц в тексте: на материале публицистических текстов // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 46 – 61.
147. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

148. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и проблемы ее описания. М., 1977.
149. Улуханов И.С. О степени словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания, 1992, № 5. С. 74-89
150. Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977.
151. Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. 1971.
152. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.
153. Частотный словарь русского языка / ред. Л.Н. Засорина. М., 1977.
154. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.
155. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989.
156. Шанский Н. М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
157. Шахнарович А.И., Юрьева Н.И. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М., 1990,
158. Швед В.И. К построению функциональной модели словообразования (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки, 1985, N 2. С. 62 - 68.
159. Ширяев Е.Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. М., 1998, С. 12-25.
160. Шмелев А.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
161. Янко-Триницкая Н.А. Членимость основы русского слова // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз., 1968, Вып. 6.
162. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

СЛОВАРИ

1. Александрова З.В. Словарь синонимов русского языка, М., 1968.
2. Берсенева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). - Пермь, 1995.
3. Мейеров В.Ф., Шкляров В.Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда (Методическое пособие для учителей русского языка). Иркутск, 1979.
4. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1, Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1984.
5. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2, Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1984.
6. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948 – 1965, т. 1 – 17.
7. Частотный словарь русского языка / ред. Л.Н. Засорина. М., 1977.

Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
,	
Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
Ы	
Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
М	
Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
ЕМ	
Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
Х	
Стр. 48: [1] Удалено	Unknown
с его	
Стр. 48: [2] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [2] Удалено	Unknown
)	
Стр. 48: [3] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [3] Удалено	Unknown
)	
Стр. 48: [3] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [3] Удалено	Unknown
0	
Стр. 48: [3] Удалено	Unknown
)	
Стр. 48: [4] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [4] Удалено	Unknown
0	
Стр. 48: [4] Удалено	Unknown
)	
Стр. 48: [5] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [5] Удалено	Unknown
)	
Стр. 48: [5] Удалено	Unknown
(0,	
Стр. 48: [5] Удалено	Unknown

0

Стр. 48: [5] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [6] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [6] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [6] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [6] Удалено	Unknown 0
Стр. 48: [6] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown 0
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown 0
Стр. 48: [7] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [8] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [8] Удалено	Unknown 0
Стр. 48: [8] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [8] Удалено	Unknown (0,
Стр. 48: [8] Удалено	Unknown)
Стр. 48: [9] Удалено	Unknown
Стр. 48: [9] Удалено	Unknown в КД слова - отношение ФСА к общему числу реакций.
Стр. 48: [10] Удалено	Unknown Другой
Стр. 48: [10] Удалено	Unknown ой
Стр. 48: [10] Удалено	Unknown

ой

Стр. 48: [10] Удалено

Unknown

причиной

Стр. 48: [10] Удалено

Unknown

позиция слова-стимула в

Стр. 58: [11] Удалено

Unknown

Противоречие между нормами языка и требованиями ДК (б-, в-варианты) резко снижает количество дериватов. Если норма допускает женский род при наименовании лиц, то средний род запрещается, поэтому в в-варианте наименьшее количество ФСА. Противоречие между нормами и контекстными условиями проявляется в количестве отказов от ответа: а – 1,16%; б-2,87%; в – 12,19%. Попытку избежать конфликт между нормой и ДК демонстрируют ФСА, обозначающие не лицо, а явления, имеющие отношение к А. Семантика контекста, довольно широкая, вполне это допускает. Так в б-варианте (Каков (а) А, такова и А⁰) появляются ФСА *кто направляет станок – 1, обстановка – 1, станочная работа – 1; жизнь тракториста – 1, польза от трактора – 1*; в в-варианте (Каков (а) А, таково и А⁰) - *лицо тракториста – 2, название трактора – 1*. Описательные ФСА появляются и в а-варианте (Каков (а) А, таков и ... *хозяин станка – 2, человек у станка – 1*), по-видимому, в силу таких причин, как сложность в образовании односложного деривата, широкая семантика лакуны, модель ДК (2-0) с размытой зоной пред-ГЦ, в которой находится стимул.

Стр. 61: [12] Удалено

Unknown

ТЕКСТ ДАТЬ С ПРИМЕРАМИ!

Стр. 61: [12] Удалено

Unknown

2.2

Стр. 61: [13] Удалено

Unknown

Стр. 61: [13] Удалено

Unknown

Стр. 61: [13] Удалено

Unknown

Стр. 61: [14] Удалено

Unknown

н

Стр. 61: [14] Удалено

Unknown

–

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

К

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

–

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Н

Стр. 61: [15] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [16] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [16] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [16] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [16] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

О

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

–

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

–

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

–

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

–

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
------------------------------	----------------

Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
–	
Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
Стр. 61: [17] Удалено	Unknown
П	
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
П	
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
П	
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [18] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [19] Удалено	Unknown
Стр. 61: [20] Удалено	Unknown
Стр. 61: [20] Удалено	Unknown
Стр. 65: [21] Удалено	Unknown
– И	
Стр. 65: [21] Удалено	Unknown

Стр. 65: [22] Удалено Unknown

Стр. 65: [22] Удалено Unknown

- Он

Стр. 65: [23] Удалено Unknown

вошебник^{1,4}

врач^{1,2}

колдун^{1,2}

кудесник^{1,2}

маг^{1,2}

целитель^{1,2}

чародей^{1,2}

Стр. 65: [23] Удалено Unknown

2.3.

Стр. 65: [24] Удалено Unknown

Стр. 65: [24] Удалено Unknown

2.3.

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

В

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [25] Удалено Unknown

Стр. 65: [26] Удалено Unknown

Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
К	
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Н	
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Стр. 65: [29] Удалено	Unknown
Стр. 65: [30] Удалено	Unknown
Стр. 65: [30] Удалено	Unknown
Стр. 65: [30] Удалено	Unknown
Стр. 65: [30] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
М	
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [31] Удалено	Unknown
Стр. 65: [32] Удалено	Unknown
М	
Стр. 65: [32] Удалено	Unknown
Стр. 65: [32] Удалено	Unknown

Стр. 65: [32] Удалено	Unknown
-	
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
И	
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
И	
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [33] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [34] Удалено	Unknown
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown
О	
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown
Стр. 66: [35] Удалено	Unknown

